

Друзья за 300 лет

История и вера Общества Друзей со времени основания квакерского движения Джорджем Фоксом

Говард Бринтон

Friends for 300 Years, by Howard H. Brington

© 1952 by Harper and Brothers

© 1964 by Howard H. Brington

Перевод по изданию Pendle Hill Publications, 1988, ISBN 0-87574-903-8

Перевод: Сергей Грушко

Редактор: Наталья Журавенкова

Переведено и опубликовано при поддержке благотворительного фонда The Joseph Rowntree Charitable Trust

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава 1. «Ожидать Господа»

Глава 2. Внутренний Свет как ощущаемый опыт

Глава 3. Внутренний Свет в представлениях

Глава 4. Молитвенное собрание

Глава 5. Устное служение

Глава 6. Принятие решений

Глава 7. Сообщество собрания

Глава 8. Собрание и внешний мир

Глава 9. Четыре периода истории квакеров и их связь с мистическими, евангелическими, рациональными и социальными формами религии

Глава 10. Квакерская мысль и современность

Приложение. «Вопросы» Филадельфийского собрания, 1955 г.

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга выходит в то время, когда исполняется триста лет квакерскому движению. Джордж Фокс, основоположник квакерства, начал свою проповедь еще в 1647 году, и хотя в истинность его учения уверовали многие, квакерство не оформилось как движение до тех пор, пока он в 1652 году ни оказался на северо-западе Англии. Там большая группа людей, которых называли сикеры [от англ. Seekers – ищущие, – прим. пер.], нашла в его словах то, что они и искали. Это и явилось началом движения, участников которого прозвали «квакерами», и которое впоследствии нарекло себя Обществом Друзей.

В главах этой книги описывается история квакеров и производится попытка дать оценку их принципам и делам, по мере их развития в течение трех столетий. Автор стремится донести сущность религии Общества Друзей через последовательное описание этапов его развития. Вторичной целью является рассмотрение значимости в прошлом, настоящем и будущем того типа религии, к которому принадлежит квакерство.

Квакерство в этой работе определяется как тип веры и поведения, которые выработались в Обществе Друзей в первые полторы сотни лет его истории. Этот тип, подверженный культурным изменениям, по-прежнему во многом сохраняется и переживает сегодня второе рождение. Теорию и практику Общества Друзей и в более поздние периоды его истории вполне корректно будет называть квакерством, поскольку его основная цель остается той же.

Сохранение первоначальной цели не равно консервации той видимой формы, в которой эта цель была впервые выражена. Как в наши дни семейная жизнь выглядит отличной от семейной жизни в семнадцатом веке, так и квакерство представлено в другом облики. Возродить внешние стороны раннего квакерства было бы невозможно и нецелесообразно. Но возродить то, что было сутью первоначального пробуждения, первоначального свидетельствования, значило бы удовлетворить давнишнюю потребность человечества, которая все еще остается насущной, важной и актуальной.

Иногда высказывается мнение, что живое квакерство после семнадцатого века прекратило свое существование. Современные квакерские историки утверждают, что в восемнадцатом веке за первоначальным взрывом последовал спад с уклоном в веру другого типа, которую, как правило, называют квиетизмом, и что, после периода квиетизма, в девятнадцатом веке произошло возрождение. В этой книге представлена иная картина развития. Второй период изображается как этап, на котором не было продемонстрировано никаких изменений в намерениях. Вера Общества Друзей осталась такой же, как она была изложена ее основателями. Единственное изменение было в форме выражения исходного послания; такая форма определялась тем, что это был период консервации и консолидации. В девятнадцатом веке произошли изменения не только в форме, но и в фактических намерениях. То, что в итоге возникло в некоторых крупных ветвях квакерства, было не возрождением первоначальной веры, а движением, сильно окрашенным другим типом религии, с другими методами и основой. Сегодняшнее возросшее понимание квакерских идей и истории ведет к тому, что многие Друзья возвращаются к первоначальным значениям этих идей. Так как ранние цели сохраняются или восстанавливаются, то и движение вполне можно назвать квакерским, хотя намерения, возможно, реализованы в недостаточно полной мере.

Хотя слово «квакер» старое, слово «квакерство» стало употребляться только недавно. Ранние квакеры называли свою доктрину Истиной. Квакером был человек, который «исповедует Истину». Эта книга представляет собой попытку изложить, насколько до сих пор живо исходное квакерство, насколько оно мертво, и в какой степени сегодняшнее квакерство можно назвать Истиной. Первый великий квакерский апологет Роберт Баркли (1648–1690) оценивал эту религию на основе идей своего времени. Чтобы квакерство оставалось живой религией, оно должно обращаться к терминам, присущим идеям каждой последующей эпохи.

Трактуя раннее квакерство, автор опирался главным образом на пастырские «Послания» Джорджа Фокса и «Апологию» Роберта Баркли, написанную в защиту квакерской позиции. Первый труд изображает квакерство, как оно *чувствовалось*, второй дает наиболее полную трактовку квакерства, как о нем *размышляли*.

Исследователи квакерства, работавшие в начале двадцатого века – Джон Уильям Грэхем, Уильям Чарльз Брейтуэйт, Эдвард Грабб, А. Нив Брэйшоу, Джон Вильгельм Раунтри, Руфус Джонс и другие – внесли неопределимый вклад в переосмысление квакерства и его изложение языком и мыслью своего времени. Их деятельность привела к значительному обновлению

интереса к квакерским идеям и истории. Без них квакерство, возможно, не очистилось бы от препятствий, созданных современной наукой и критикой Библии. По-разному и в разной степени они находились под влиянием идеалистической неогегельянской философии, которой окрасилась теологическая мысль последних десятилетий девятнадцатого века. Это привело к оптимистичным взглядам на жизнь человека и высокому мнению о человеке, который якобы схож с Богом. С тех пор две мировые войны и их результаты в виде тоталитарных государств принесли с собой беспощадное откровение о том зле, которое способны учинить люди. Вследствие этого в области религиозного мышления стали очевидны пессимистичные тенденции. Эти тенденции близки кальвинистской теологии, которая подчеркивает человеческую порочность и настаивает на том, что спасение есть чудо благодати Божьей, в котором человек из-за порочности своей природы не может выполнять никакой роли. Позиция Роберта Баркли, который стал образцом мысли ранних квакеров, занимает промежуточное положение между этими двумя полюсами – гегелевского идеализма и неокальвинизма. Баркли был пессимистом относительно того, что он назвал существующим состоянием «естественного» человека, но оптимистом в отношении способности человека к обновлению и единению с Богом даже в этой жизни. Он думал, что с Божьей помощью человек, как творение Божье, мог бы достичь совершенства здесь и сейчас. Автор этой книги с симпатией относится к позиции Баркли, в то же время отказываясь от большей части его терминологии. Идеализм слишком близко ставит божественное и человеческое и вносит риск недооценки реальности зла, а кальвинизм склонен считать невозможным достижение праведности.

Общество Друзей привлекло к себе внимание последовательными и масштабными усилиями по устранению причин и последствий войн посредством образовательной деятельности, медиации и оказания помощи пострадавшим. И хотя эта активность важна – ибо мир становится все более воинственным – она является лишь одной из сторон деятельности квакеров. Квакерские мирные принципы и филантропические идеалы, которые привели к социальному новаторству, лучше всего будет понять с точки зрения доктрин и методов – так они видны более ясно, нежели если их рассматривать по результатам деятельности. Поэтому может оказаться полезным, если эти доктрины и методы проанализируют сами квакеры, которые часто не знают о своих корнях и концентрируют свое внимание в основном на видимую часть квакерского древа.

Есть, по крайней мере, еще две дополнительные причины написать об Обществе Друзей. Они не имеют никакого отношения к тому недавнему всплеску внимания, сосредоточенного на деятельности по оказанию помощи пострадавшим. Первая причина – положение квакерства как явного и развитого проявления одной из трех основных форм христианства; две другие – это католицизм и протестантизм.* Та форма, которую я обозначаю как квакерскую, хотя она и не ограничивается Обществом Друзей, не получила должного внимания. Вторая причина исходит из складывающегося впечатления, что настало время для того, чтобы эта третья форма христианства становилась более влиятельной и энергичной. Это может произойти с помощью или в самом Обществе Друзей или же как-то иначе. Если потребность осознается, то возможно настало время удовлетворить эту нужду; но это не обязательно означает, что так и произойдет. Отношение квакерства к особым нуждам сегодняшнего дня объясняется в заключительной главе.

* Говоря в этой книге о протестантизме, автор, как правило, имеет в виду более ранний протестантизм. Современный протестантизм имеет такое огромное разнообразие форм, что в этой ситуации трудно говорить о нем обобщенно.

Предпосылки к тому, что веру и практику Общества Друзей можно охарактеризовать как третью форму христианства, были заложены квакерами семнадцатого века. В полемичных книгах, написанных для опровержения мнений оппонентов, они провели четкое разграничение между собой, католиками и протестантами. Это особенно верно в отношении

«Апологии» Баркли*, которая с самого начала стала общепринятым изложением квакерской теории и практики. Большая часть этого трактата посвящена сравнению трех позиций. Иногда для полноты картины Баркли выставляет четвертую позицию, которую он называет социнианской, представляющей рационалистическую точку зрения. Таким образом, в разделе, защищающем квакерскую доктрину непосредственного откровения через Дух, Баркли отвечает своим оппонентам, которые утверждают, что нельзя доверять водительству Духа как некоему путеводителю к истине, такими словами: «Ни традиции, ни писания, ни обоснования, по которым паписты, протестанты и социниане соответствующим образом создают правила своей веры, ни на йоту не делают их более надежными». Католики, – говорит он, – расходятся во мнениях относительно традиции; протестанты – о значении Писания, а социниане – о выводах разума. Затем он указывает на то, что, в конечном счете, все они полагаются на Дух, который произвел все три традиции – Церкви, Священного Писания, а также предположения разума. Точно так же Баркли сравнивает католические, протестантские и квакерские доктрины природы Церкви, потребность в служителях и их рукоположение, оправдание верой и другие основные темы религиозных противоречий семнадцатого века. Термином «протестанты» он объединяет лютеран, кальвинистов, пресвитериан, индепендентов (конгрегационалистов) и баптистов. Англиканская церковь в тот период занимала промежуточное положение между позициями католиков и протестантов. В 1660 году, после Кромвеля, она вернула себе функции государственной церкви. Англикане стали преследовать всех инакомыслящих, но главные богословские противники квакерства были в основном из нонконформистских сект.

* Полное название «Апология истинной христианской Божественности, являющаяся объяснением и обоснованием принципов и доктрин людей, зовущихся квакерами». Впервые опубликована на латыни в 1676 году; на английском языке – в 1678 году. Все ссылки на «Апологию» относятся к ее седьмому изданию на английском языке 1765 года.

Реформация была ближе квакерству в самом начале, чем впоследствии. В защиту своей позиции квакеры часто цитировали деятелей ранней Реформации. Но хотя Реформация началась, прежде всего, как духовное восстание против старых форм и власти, она быстро выработала свои собственные формы и методы правления. Ее лидеры опасались религии, основанной исключительно на Духе, и подчеркивали, что такая религия проложит широкую дорогу анархии. Новые церкви стремились к альянсу с государством для того, чтобы усилить свое собственное влияние. Немецкая Реформация разгромила анабаптистов, которые представляли собой тип религии, направленной во внутренний мир. Английская Реформация попыталась сокрушить квакеров.

В некотором отношении квакерство представляло крайне левое крыло английской Реформации. Оно возникло как часть религиозной революции, которая сопровождала руководимую Кромвелем политическую революцию. В этом смысле Общество Друзей можно было бы назвать пуританством, доведенным до логического конца. Но, хотя одним предком квакерства является английская протестантская Реформация, особенно на ее ранних стадиях, еще один его предок может быть найден в тенденциях мистицизма, который всегда присутствовал в христианской церкви, производя святых и мучеников. Мистицизм является религией, основанной на духовном поиске внутреннего, непосредственного ощущения божественного. Всякий раз и везде, где религия становится слишком формальной и институциональной, слишком зависящей от внешнего выражения, мистик в знак протеста встает и указывает путь к религии, которая является внутренней, не зависящей от внешних форм или организации, и направленной на прямое постижение Бога. Этот ощущаемый опыт не требует никакого посредника – ни церкви, ни священника, ни книги. История всех религий является летописью напряженности между мистиком или пророком, чья религия основывается на внутреннем опыте, и священником или теологом, чья религия выражается через доктрину и символ.

Трудно и, пожалуй, невозможно, проследить какую-то прямую связь между квакерской мыслью и мистиками из мистических движений средневековья. Мистические группы четырнадцатого века в Рейнской области, такие, как Друзья Бога и Братство общей жизни, имели много общего с Обществом Друзей. Вполне вероятно, что их доктрины через ряд этапов и переходов, в конце концов, достигли Англии с беженцами, спасавшимися от преследования на континенте. Конечно, и английский воздух непосредственно перед возникновением квакерства был насыщен мистицизмом в разнообразии его форм. В период республики Англия впервые пользовалась большой религиозной свободой. Епископы были в значительной степени отодвинуты, а новой пресвитерианской системе еще не удалось скопировать их власть. Преобладающей формой протестантской религиозной доктрины был кальвинизм, но Англия кишела и множеством небольших радикальных религиозных группировок. Списки их взглядов, собранные возмущенными пуританскими богословами, показывают, что многие из них были несбалансированными проявлениями на периферии большого движения. Но некоторые из них основывались на надежных мистических понятиях, воспринятых из Нового Завета, и в частности, из писаний Павла и Иоанна. Само христианство было рождено от Духа Пятидесятницы. Для выявления мистических предшественников квакеров нам не нужно идти дальше Библии, которая в то время впервые стала широко доступной в Англии. А ее неизбежное мистическое влияние сопровождает каждую большую реформу в религии. Из тумана неопределенных тенденции и выделилось квакерство.

Но если бы квакерство было лишь мистицизмом, его нельзя было бы классифицировать как третью форму христианства. Мистицизм существует во всех религиях. Каждая великая мировая религия имеет свои мистические секты или группы. То, чем квакеры, как мистики, являются для христианства, тем же дзен является для буддизма, йоги – для индуизма, суфии – для ислама, даосы – для религии Китая. Но восточный мистицизм, как и восточные религии в целом, является индивидуалистическим. Едва ли можно говорить о существовании богослужения в отдельной конгрегации, за исключением ислама, где это объясняется сильным влиянием его иудейских и христианских истоков. Квакерство – это особенный групповой мистицизм, берущий начало в христианских концепциях. Если бы было то, что можно назвать чистым мистицизмом, это не относилось бы ни к одной какой-либо конкретной религии и не могло бы существовать как движение или секта. Чистый мистицизм слишком индивидуален, чтобы создать узы для сплочения в группу.

Всегда существовало искушение указать характеристики мистической религии в целом, а не в конкретной системе отсчета. Результаты такого действия могли бы стать довольно привлекательными. Многие люди уклоняются от предложений религиозных групп. По их мнению, организация убивает дух. Но религия является такой, как она функционирует. Ее начало может быть положено в идеях и воображении какого-либо провидца или пророка, но ее полный смысл становится видимым только в процессе исторического развития в группе людей, которые живут в соответствии с ее предписаниями. Если религиозные истины не находят воплощения в движении, они теряют свою жизнеспособность и свою силу воспроизводства.

Эта книга не стремится выстроить историю квакеров, а с помощью исторических иллюстраций изучить метод; так же как научный автор может рассказывать о науке, объясняя и иллюстрируя развитие научного метода в следующие один за другим периоды. Квакерство – это, прежде всего, метод, так же как и наука – прежде всего метод. Как и наука, квакерство тоже включает в себя определенную систему убеждений, но в обоих случаях эти убеждения принимаются потому, что к ним пришли благодаря экспертам, использующим правильный метод. Убеждения могут меняться с помощью дальнейшего использования того же метода, благодаря которому они появились вначале. Научный метод направлен в сторону внешнего мира. И это верно даже по отношению к психологии, которая зависит в определенной

степени от лабораторных методов. Но квакерский метод отличается от научного метода тем, что имеет дело с понятиями, которые нельзя ни измерить, ни взвесить. Он направлен в сторону внутренней жизни и дает ответы на моральные запросы и религиозные озарения. Благодаря тому, что и квакерство и наука в основном базируются на опыте, а не на разуме или авторитете, им нечего опасаться о получаемых результатах исследований и открытий.

Каждый жизнеспособный метод с неизбежностью основывается на общепризнанных фактах, касающихся объективного мира. Научный метод предполагает, что вселенная является не хаотическим космосом, что в одних и тех же условиях будут получаться одни и те же результаты, что человек с помощью своих чувств может узнать некоторую правду о физической вселенной, а в процессе рассуждений вывести дальнейшие истины, недоступные ощущениям. Это и многое другое должно приниматься научной верой и интуицией.

Точно так же и квакерство, хотя в первую очередь оно направлено в сторону внутренней жизни, принимает объективные исторические события. Главным среди них является центральное событие в истории христианства – проявление Бога в человеческом облике Иисуса из Назарета. Если бы Бог не проявлял Себя, как внешне – в истории, так и внутренне – в ощущениях, внешнее проявление утратило бы энергию и смысл, внутреннее проявление осталось бы бесформенным и расплывчатым. Только когда внешнее око времени и внутреннее око вечности сосредоточены на одном и том же факте, этот факт приобретает трехмерное качество Истины.

Уже много было написано о мистицизме, как индивидуальном явлении, проявившемся в некоторых великих личностях религиозной истории, но мистицизму, как групповому феномену, уделили меньше внимания, особенно с философской и психологической точек зрения. Руфуса Джонса можно выделить как ученого, уделившего наибольшее внимание мистическим группам. Автор данной книги, являвшийся его учеником, очень многим ему обязан.

Квакерство представляет собой форму группового мистицизма, которая продолжает существовать дольше, чем нечто подобное в историческое время. За три столетия оно показало как сильные, так и слабые стороны религии этого типа. Основным фактом такой религии является объединяющая сила божественного Духа, которая сплачивает группу в единое целое. В этом и заключается главная тема данной книги. Примеры, взятые из записей одного этого религиозного движения, служат для иллюстрирования того, что религия обладает важной социальной функцией создания общественных организмов. Очевидно также, что божественный Дух выполняет функцию обеспечения гармонии – как внутри индивида, так и в группе. Тот же Дух, если ему не сопротивляться, способен преодолеть разобщенности – все и повсюду – среди и внутри людей, между человеком и Богом.

ГЛАВА 1

«Ожидать Господа»

В 1652–1956 годы в Англии Оливера Кромвеля во времена пуританской революции зародилось религиозное движение, которое отличалось от всех своих предшественников. Небольшие группы мужчин и женщин собирались в городских и деревенских домах и вместе сидели в молчании, «ожидая Господа». Их лица и манеры выражали благоговение и почтение, как будто они собрались не в простой комнате, а в священном храме. Ожидание, которым была проникнута группа, было сродни чувству тех, кто ожидает пришествия великого человека или наступления важного события. Однако из выражения их лиц было

очевидно, что их внимание направлено не вовне, а вовнутрь. Некоторые головы склонялись в бессловесной молитве, другие поднимались, как будто глядя на божественный свет. Время от времени, непредсказуемо тишина нарушалась голосом, умолявшим подчиниться божественной Воле, или словами мольбы к Богу.

На этих первых квакерских собраниях бурлила новая жизнь – новая, но и такая же старая, как человечество – высвобождая энергию, которая вновь шла наперекор традиционным формам жизни и мысли. Начавшись на северо-западе Англии, на сопках и в долинах Вестморленда и Ланкашира, это движение распространилось до Лондона и на юг. На сотни городов и сел квакерское послание оказало двойственное воздействие. Некоторыми оно было воспринято с безграничным рвением как путь к Богу и Его Царству; другие страшились и боялись его, как будто это было зло, способное опрокинуть все установленные порядки и веру. Те, «кто принял Истину ради любви к ней», оказались обладателями духовного жизнелюбия и священной энергии, которая отправляла их во все доступные земли, чтобы рассказать другим об их великом открытии, и позволяла терпеть с внутренним спокойствием и стойкостью годы постоянных и жестоких преследований.

Эта новая вспышка духовной силы, которая иногда приводила ее обладателей к пылкому трепету, получила от своих противников прозвище «квакеров», хотя ее последователи сами себя называли «народом Божьим» или «детьми света» (1Фес. 5:5, Еф. 5:8), или «Друзьями» (Иоан. 15:15) и, в конечном счете, Обществом Друзей. Сначала у них не было никакого желания организовывать новую секту, они лишь рассказывали другим о том, что нашли сами. Свою находку они назвали «Истиной» – истиной, находившейся вне и выше всех сект и мнений. Эта истина была не столько новой доктриной, сколько новой жизнью. Она давала ощущение возвышенной силы и внутреннего озарения, вознесения души к высшему бытию, которые каким-то таинственным образом рождались в группе, в молчании ожидающей Господа.

Хотя раньше никогда не существовало чего-то подобного квакерскому собранию для богослужения, не было ничего нового в том чувстве силы, которое появлялось во время, проводимое в божественном присутствии. Пророки Израиля и авторы псалмов хорошо о нем знали. «Они, надеющиеся на Господа, обновятся в силе, они поднимут крылья, как орлы» (Ис. 40:31). «Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои» (Псал. 39:2,3). «Надейся на Господа, ... и Он сердце твое укрепит» (Псал. 27:14 [по версии Библии короля Якова, – прим. пер.]). Книга Псалмов представляет собой сборник гимнов, которые выражают чувства и стремления молящихся, пребывающих в ожидании при присутствии Господа в Иерусалимском храме. Согласно Второзаконию только там можно было поклоняться Богу. Когда евреи расселились по другим частям света, богослужение в синагоге пришло на смену храмовому богослужению. В синагоге говорили о Боге, и к Нему были обращены молитвы. При чтении древних свитков передавалось то, что однажды Бог возвестил через пророков, но уже не было такого же глубинного чувства Его живого присутствия на троне милосердия. Протестантское богослужение, по сравнению с католическим или квакерским, больше напоминает богослужение в синагоге, чем в храме.

Такое явление, как возникновение жизни и силы в молитвенной группе, что в свою очередь порождает чувство, которое авторы псалмов называют «воодушевлением», особенно характерно для раннего христианства. В христианстве восторженное состояние впервые было испытано в Пятидесятницу, возможно – в храме. Ученики Христа, а они все были евреями, естественно предположили, что там случилось Присутствие Бога. В первый век христианства появляется множество записей о сошествии Духа на молитвенные группы, встречавшиеся в домах христиан. В Деяниях апостолов это описано так: «Содрогнулось место, где они собрались, и преисполнились все Духа Святого» (4:31). Это нисхождение Духа, создающее живое единство между Богом и человеком, и между людьми, было самой

важной, уникальной особенностью ранней христианской истории. Без нее христианство никогда бы не стало мировой религией. Этот Дух – о котором ранние Друзья, как и ранние христиане, иногда думали как о живом Христе – привнес в группу жизнь и силу, как душа приносит жизнь и силу в тело, если применить любимую фигуру речи Павла. Иногда Павел использовал другой образ и говорил о маленьком собрании верующих в доме, как о том, что вырастет в святой Храм Господний. «Через Него и вы вместе с остальными создаете себя, образуя жилище, где Бог будет жить через Духа Святого» (Еф. 2:21,22).

Слова Матфея «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (18:20) возможно никогда бы не стали частью евангельского канона, если бы не описывали центральный факт раннего христианского опыта. Когда христианское богослужение потеряло свою спонтанность, стало организованным и механизированным, с более очевидным человеческим руководством, чем руководством божественным, это живое присутствие среди участников больше не чувствовалось так сильно, хотя с помощью чудес, осуществляемых священниками, оно все еще могло воспроизводиться на алтаре.

Католическое богослужение является одной из форм храмового богослужения в том смысле, что Божественное присутствие предполагают ощутить в определенное время и в определенном месте. При превращении гостии, когда чудо пресуществления завершено, а хлеб и вино превратились в Тело и Кровь Христа, есть короткий период молчаливого ожидания, чье проведение предусматривается лишь при самом присутствии Божественного. По той же причине Святым Дарам поклоняются в тишине.

Католическое богослужение похоже на квакерское тем, что в обоих случаях предполагается присутствие Божественного.

Такой групповой мистицизм, как у квакеров, отличается от индивидуальных поисков, предлагавшихся многими великими католическими созерцателями. Большинство средневековых христианских мистиков вслед за Плотинем рассматривали приближение к Богу как «одиночный полет к Одинокому». Одиночные искатели Бога чувствовали себя в своей стихии скорее в монастырской келье, чем в трудах и заботах семейной или деловой жизни. Их устремления были направлены лишь к Богу, не к человеку. Мистицизм квакеров направлен и к Богу, и к группе. Вертикальные отношения с Богом и горизонтальные отношения с человеком подобны двум координатам, используемым при построении графика; без обеих координат положение линии не может быть определено.

Католическая церковь сохраняла древнее христианское учение о Церкви как Теле Христовом. Это означало, что спасительная благодать Христа присуща Церкви и может распространяться через таинства. Церковь считала, что ей дана сила спасать грешников. Поскольку эта сила была поругана и коммерциализирована, появились протестанты и отказали Церкви в этом, считая, что спасение – это дело, касающееся лишь человека и Бога. В раннем протестантизме было многое, что сохраняло религию, основанную на внутреннем Духе, но к середине семнадцатого века былая живость несколько угасла. Бог, согласно понятиям протестантизма, убыл из Его мира, оставив священную книгу для объяснения Его замысла спасения и Святой Дух для толкования этой книги. Христианская церковь вновь стала клониться в сторону сухости и формализма. Ее лидеры стали больше интересоваться политикой, чем религией. Пришло время для повторного открытия божественного присутствия, которое происходит в группе, занятой богослужением, и для появления религии, которая удовлетворила бы стремление человека выйти за пределы слов о Боге, приблизившись к Самому Богу.

Суть, дух квакерства, как только оно возникло в Англии, ясно проявляется не столько в огромной массе памфлетов и книг, написанных для убеждения неубежденных или же для защиты квакерских принципов от атак оппонентов, сколько в написанном квакерами друг для друга, в частности – в их письмах и автобиографиях. Они передают спонтанное

возникновение чувств и идей из живой сути движения – из вспышек озарения, а не благодаря доказательствам. Сборник документов, изданный под названием «Первые глашатаи Истины», ссылки на который часто будут появляться ниже, приводит наглядные, непосредственные примеры того, каким образом Истину первоначально провозглашали в различных общинах в Англии, там, где возникли регулярные собрания Друзей.

В тот период, когда первые участники движения начали сходить со сцены, Годовое собрание, центральный исполнительный орган Общества Друзей, попросил каждое квакерское собрание отправить в Лондон сообщение о том, каким образом Истина впервые пришла в их общину. Собрания реагировали медленно, некоторые ответили лишь тридцать лет спустя, в 1720 году. Эти отчеты оставались неиспользованными и почти забытыми до 1907 года, когда они были опубликованы во всей своей причудливой простоте, а иногда с грубоватыми, но убедительными выражениями. В приводимых ниже цитатах орфография откорректирована.

В Аппер-Сайде... впервые провозгласили Истину Томас Стейси, Томас Стаббс и еще несколько человек... и некоторые вскоре после того, как уверовали, встречались, когда и числом по пять или шесть, чтобы ожидать Бога в молчании, и Господь благословил нас своим присутствием и дал нам дух распознавания.

К этому времени нас было довольно много, собравшихся в этой местности (Корнуолл), чтобы сидеть в молчании и ожидать Господа, и в то время у нас было много спокойных моментов и встреч, когда мы чувствовали, что лишь Учитель подле нас помогает в наших духовных потребностях.

И Джон Уилкинсон, пребывая несколько дней с нами, посоветовал организовать собрание, где никто не говорил бы ни слова, чтобы ждать Господа, каковое и было создано, и некоторое время проводилось в доме Кристофера Стори в верхней комнате, пока там не стало слишком мало места.

Так как Друзья в результате были прилежны во внутреннем исполнении истинного молчания, Господь соизволил в свое время наполнить сердца многих новым вином, поэтому некоторые Друзья не могли сдерживаться и говорили по нескольку слов, чтобы их дух мог успокоиться. Велика была чувствительность и сокрушенность сердец в те дни, ибо мы были свидетелями Господа рядом с нами, его живого присутствия, отчего шло пополнение сил.

Они [Уильям Катон и Джон Стаббс, проповедуя в графстве Кент] старались устраивать и создавать собрания и собирать на них уверовавших, чтобы встречаться и сидеть вместе в ожидании Господа в молчании, в испытании того Света Жизни в себе, который преобразил их в конце концов так, что они постепенно смогли чувствовать, владеть и наслаждаться той живой реальностью, которую уже давно исповедовали.

Эти отрывки, написанные людьми, которые были свидетелями того, о чем сами же и писали, изображают в самых простых словах суть квакерского осуществления религии. Это был источник, из которого произошли все действия – будь то проповедь Истины или же участие в социальном служении. Небольшая группа, которая встречалась в молчании «ожидать Господа», была генератором, который вырабатывал свет и энергию квакерского движения. Как генератор, этот источник вырабатывал энергию и отдавал ее вовне. Когда эти встречи стали многочисленными и более зависимыми от проповеди и человеческого руководства, генератор стал работать хуже, свет потускнел, а энергия ослабла. «Друзья росли как сад Господень», – пишет один из очевидцев. Но результатом этого самого роста стала новая опасность. Большие собрания играют важную и незаменимую функцию сами по себе, но они не столь пригодны для «перерастания в храм Бога живого», как меньшие, более тесные встречи.

У авторов квакерских «Дневников» собрания, в которых они участвовали, часто описываются так, что можно ощутить присутствовавшие на этих встречах пыл и энергию. Например, у Ричарда Дэвиса это заметно, когда он рассказывает об одном собрании 1657 года:

Хотя встреча было молчаливой, если судить по количеству слов, но среди нас было Слово Господа Бога. Оно было подобно молоту и пожару; оно было острее всякого обоюдоострого меча; оно пронзило наши внутренности; оно расплывало нас и привело нас к слезам, и едва ли у кого-то из нас глаза остались сухими. Благословенная сила Господа покрыла нашу встречу, и я бы сказал, что только Бог управлял этим собранием.

У Томаса Стори мы находим рассказ о собрании, состоявшемся в корабельной каюте:

И, когда мы собрались вместе в большой каюте, благое присутствие Господа установило глубокое, духовное молчание пред Ним, и Утешитель праведных прорвался к нам Своей неудержимой силой, и сильно сплотил нас в Его небесной любви, в которой мы были сильно тронуты до слез. Во славе было это проявление, и оно смирило всех нас, и удивило там некоторых, кто не понял этого.

Следующий отрывок описывает собрание в бостонской тюрьме, проведенное с заключенными двумя Друзьями, Робинсоном и Стивенсоном, которых должны были на следующий день казнить:

В это время, хотя сердца невежд были ожесточены против нас, и нас заточили в темном, тесном каземате, мы сидели вместе в ожидании Господа. ... И это было время любви, ибо хотя мир сей ненавидел нас и жестоко обходился с нами, Господь соблаговолил удивительным образом и проявил нам свою поддерживающую любовь и доброту в наших невинных страданиях. И особенно те двое достойных, жизнь которых подходила к завершению, ... многие добрые и божественные слова они сказали нам, будучи сами наполненные покоем.

В книге «Первые глашатаи Истины» содержатся имена двухсот пяти мужчин и женщин, «которые первыми пробудили свидетельство о Боге» в какой-то определенной местности. В книге упоминаются пятьдесят шесть различных видов деятельности, которыми занимались те, кто стал Друзьями, и чьи имена в ней представлены. Двенадцать – бывшие мировые судьи. Девять были рукоположенными церковными служителями. «С севера пришло много пастухов и земледельцев», – пишет некий лондонский автор. Джордж Фокс появился среди них как организационный гений движения. Он был самым выдающимся «общественным Другом», как называли тех, кто шел и проповедовал всем, желавшим слушать – на рынках, в домах, в тавернах, в долинах и пустошах, часто в церквях после службы. Иногда они прерывали священника, и прихожане жестоко обходились с ними. Когда им удавалось убедить слушателей, они направляли их на молчаливое собрание поблизости, а если такого не существовало, то собирали людей и создавали собрание. Убеждение было лишь первым шагом. Убеждение или изменение нрава часто требовало долгих, медленных трудов, проводившихся в тишине молитвенного собрания. Постепенно внутренней дисциплиной человеческая воля смирялась и приводилась в подчинение воле Бога. На собрания, которые проводили общественные Друзья, иногда собирались тысячи слушателей. Такие собрания назывались «молотильными», потому что выступающий старался отделить зерна в своей аудитории от плевел. Иногда такое занятие называли «вспашкой». Это означало вспашку твердой почвы для того, чтобы смогло прорасти внутреннее божественное семя. Хоугил и Барроу, два выдающихся общественных Друга, пишут Маргарет Фелл, хозяйке поместья Свортмор-Холл, следующее:

Джордж [Фокс] в тот день встречался с Друзьями; а мы оба были на месте общественных собраний, среди грубого мира, занимаясь обмолотом и вспашкой.

«Обмолачивайте пшеницу», – пишет Фокс Хоугилу и Барроу. «Чтобы Ветер мог отделить плевелы, и чтобы зерно могло быть собрано в житницу». «Житницей» было молитвенное собрание, а молотильное собрание служило приглашением на него. Общественная работа этих друзей имела важное значение, так как была первым этапом в истории многих собраний Друзей. Молитвенное собрание было менее зрелищным, но в нем заключалась настоящая жизнь и сила квакерского движения. Общественный Друг мог обессиленным удалиться со своего служения в молчание молитвенного собрания, чтобы перезарядиться для дальнейшего служения.

Вот какими словами описывают Хоугил и Барроу свою работу в Лондоне:

Мы организовали наше пребывание таким образом: по Первым дням мы собираем Друзей вместе в нескольких местах вне грубого многолюдья, а мы вдвоем ходим в большое место встреч, в котором будет пребывать тысяча людей, и которое всегда почти заполнено, – чтобы молотить среди мира сего; и мы остаемся там до двенадцати или до часу, а затем переходим – один к одному месту, другой к другому, где Друзья встречаются в частном порядке; и остаемся там до четырех или пяти часов.

Джордж Фокс в возрасте двадцати восьми лет, после четырех лет поисков, пяти лет проповедования и двух тюремных заключений прибыл на северо-запад Англии, где убедил большое количество людей и положил начало квакерскому движению. Его посещение деревни Престон-Патрик в Вестморленде один очевидец описывает так:

Джон Одланд повел Джорджа [Фокса] к тому месту или отгороженной церковной скамье, где обычно сидели они с проповедником, но он отказался и сел на задней скамье возле двери, а Джон Кэмм сел рядом с ним. Там он сидел молча около получаса, в ожидании Бога; в это время молчания Фрэнсис Хоугил выглядел беспокойным, он вытаскивал свою Библию, открывал ее, вставал несколько раз и снова садился и закрывал книгу; трепет и страх были в нем, однако он не посмел начать проповедь. После упомянутого молчания и ожидания встал Джордж в могучей силе от Бога и в проявлении этого его уста открылись, чтобы проповедовать об Иисусе Христе, Свете Жизни и пути к Богу и Спасителе всех верующих и подчиняющихся ему; и произносилось это с такой силой и авторитетом, что большинство аудитории, коих было несколько сотен, были по-настоящему тронуты до сердца и были убеждены в истине в тот же самый день, ибо это был день Божьей силы.

Этот по-настоящему замечательный день никогда не забудется мною, Томасом Кэммом, который с некоторыми другими братьями назначен квартальным собранием собирать упомянутые материалы. Я тогда присутствовал на этой встрече еще школьником, около 12 лет от роду, но я благословляю Господа за милость его, которая склонила меня к религиозности. И я до сих пор помню этот благословенный и славный день, в который моя душа тем самым живым свидетельством, поддержанным в тот момент проявлением Божьей силы, была по-настоящему открыта, убеждена и обращена, и многих других, которые являются доказательствами этого яркого богослужения, на котором присутствовал сей верный слуга Господа Иисуса Христа, и с помощью которого мы были обращены и повернулись от тьмы к свету и от власти сатаны к силе Божьей.

Люди этой конгрегации созрели для послания Фокса. Это была неорганизованная, нестабильная группа сикеров – людей, которые отошли от всех традиционных форм религии, чтобы искать что-то лучшее. Иногда этим конгрегациям сикеров уже открывалась значимость

молчаливого ожидания Господа. Для них шаг к квакерству был коротким, как и показывает пример группы в Уигтоне:

Примерно в 1653 году несколько человек собирались вместо посещения общепринятых богослужений, и часто сидели в молчании. Одними из этих столь обособленных людей были Уильям Пирсон с женой, Джеймс Адамсон-старший, Джон Шинхаус, в чьих сердцах Господь вызвал добрые желания найти Его.

Примерно в то же время Господу угодно было направить своих верных слуг: Джорджа Фокса, Уильяма Дьюсбери, Джеймса Ланкастера и Роберта Уитерса, которые пришли в дом Уильяма Пирсона (из Тиффинуэйта, близ Уигтона), чье сердце Господь отворил дабы принять этих посланников Бога в дом его, где у них было собрание с этими обособленными людьми, которые были ими обращены ко Христу, их учителю, и жили и умерли в вере.

Подобная группа встречалась в Россе:

В начале двенадцатого месяца года 1655 Томас Гудеер, йомен, проживающий в Йоркшире, и Джордж Скафф будним днем пришли пешком в Росс в дом Джеймса Меррика, кожевника, где они когда-то уверовали, оттуда после небольшого отдыха пошли они в дом со шпилем [здание церкви, – прим. пер.], где собралось очень много людей (знавших, что придут вышеупомянутые друзья), многие из которых желали и ожидали услышать Истину, и которые какое-то время до того перестали посещать обычные богослужения, и которые перестали внимать поучениям священников, и которые прежде часто собирались вместе сами по себе и много раз сидели в молчании. И никого особенного между собою они не выбирали для речей и проповедей, но каждый из них был волен выступить с проповедью, поэтому сила Господня мощно действовала в их сердцах, и большие открытия бывали среди них.

Таковыми были квакеры до возникновения Общества Друзей. То же самое происходило в Новой Англии. В ряде квакерских автобиографий указывается, что их авторы пришли к квакерским в сущности принципам независимо друг от друга.

Необычайная простота этого действия – ожидания Господа – сокращает богослужение до его важнейших универсальных элементов, лишенных каких бы то ни было случайных добавлений. Это стало логичным результатом исторической эволюции. Со времен Генриха VIII в Англии знание Библии становилось все более распространенным. К моменту революции под руководством Кромвеля ее держали в памяти уже настолько хорошо, что практически любой религиозно мыслящий человек мог цитировать из данного авторитетного источника длинные отрывки. Когда благодаря этому знанию Нового Завета христианство того времени уже можно было сравнивать с христианством первого века, стал заметен ряд радикальных отличий. Было очевидно, что в ходе христианской истории оказалось добавленным многое из того, чего там не было в начале. Кроме того, предполагалось, что при появлении христианство существовало в своей наиболее чистой форме. Пуритане приступили к «очищению» унаследованной религии от посторонних элементов, которые были привнесены в ходе истории. Но существовала большая разница во мнениях относительно того, насколько глубоко может или должна быть выполнена такая очистка. Первые пуритане отказались от папы римского, мессы, образов и пяти таинств из семи, создав тем самым Англиканскую церковь. Пресвитерианство, которое было второй волной пуританства, шедшее от Кальвина, отказалось от правления епископов и передало власть пресвитерам, или старейшинам. Для этого они нашли безупречный прецедент в Новом Завете. Затем появились более радикальные индепенденты или конгрегационалисты; они отказались от централизованной формы церковного управления, которого не существовало во времена Нового Завета, и заменили ее децентрализованной и более демократичной

процедурой. Баптисты пошли еще дальше. Они отказались от крещения младенцев и сделали членство в церкви зависимым от обращения в веру и дара Святого Духа, как это описано в Новом Завете. Наконец возникли квакеры. Они отказались от всех ритуалов, всех предварительных заготовок в богослужении и от профессиональных пастырей, что оставило место лишь пророческому голосу, как единственному внешнему выражению, которое с самого начала слышалось в Церкви Нового Завета. Они не наделяли никаких официальных лиц религиозными или административными обязанностями. Богослужение и административные вопросы рассматривались как общая ответственность местной группы или собрания. Правда, старейшины и наблюдатели в ранней церкви существовали, в конце концов они появились и у квакеров, осуществляя консультативные функции и находясь не над собранием, а под ним, действуя как инструменты его воли.

Этот отчет о прогрессивном «очищении» исторической церкви в Англии слишком краток, чтобы быть точным, но он в общих чертах передает основные направления происходивших изменений, которые в конечном итоге породили квакерство. Это было движение от консервативного религиозного правого фланга в сторону радикального религиозного левого фланга, чьи этапы можно пометить как католицизм, англиканство, пресвитерианство, конгрегационализм, баптизм и квакерство. Это движение на всех своих этапах производило существенные изменения, которые из религии распространялись на политику, науку, литературу и другие сферы жизни.

Однако в XVII веке квакерство стояло в одном шаге от самой крайней формы религиозного радикализма того времени. Эта крайне левая тенденция называлась «рантеризмом» или «антиномизмом». В наши дни ей соответствовала бы метка «анархизм». Течение подобное квакерству, в своих богослужениях полностью полагающееся на свой замкнутый внутренний мир, при отсутствии всех внешних правил и ограничений неизбежно имеет тенденцию скатываться в анархию. Но молитвенное собрание, оказавшееся свободным от внешних форм, ни в коем случае не было единственной структурной частью квакерства. Шаги, благодаря которым Общество Друзей избежало анархии, выстраиваются в наиболее важный процесс его ранней истории.

Квакерские «Дневники» или автобиографии раннего периода показывают, что некоторые обращенные прошли все этапы пути – направляясь от католического правого фланга, пройдя через пресвитерианство, конгрегационализм, баптизм или какую-нибудь анабаптистскую секту и, наконец, остановившись в квакерстве.

Одного примера будет достаточно. Джон Граттон (1641–1712) перечисляет эти этапы в своем «Дневнике»:

Я воззвал к Господу, чтобы он сказал мне, что же он будет делать со мною, и чтобы он показал мне, кто те люди, которые поклоняются ему верно.

Меня не удовлетворила их доктрина избранности и осуждения, что оставило меня в большом затруднении.

Когда люди пели псалмы в доме со шпилем, я не смел петь те же строки или изречения Давидовы. Это было бы ложью в моих устах.

Пресвитерианские священники, которых я так сильно почитал и которыми восхищался, провели свои прощальные проповеди и покинули нас (по приказу правительства о Реставрации)... Они не должны были молчать по команде человека, если их послал Господь и повелел им проповедовать... Так что я покинул их.

Священники епископальной церкви пришли в белых стихарях и читали Книгу общих

молитв... Я видел, что это была форма без силы... Их богослужение было церемонией и внешней формой без жизни.

Я отправился в Честерфилд, чтобы поискать и встретить тех людей, которых называют индипенденты [от англ. Independents – независимые, – прим. пер.], потому что мне понравилось это название, передающее, что вообще ничего в человеке не зависит от человека; однако они зависели лишь от смерти и страданий Христа в его собственном теле, и не стремились увидеть ни его, ни его появление в себе, чтобы это стало их жизнью. Поэтому были они мертвыми книжниками и сухими деревьями, не приносящими плодов, ибо я читал Писание и видел: «А в ком нет Духа Христа, тот и не принадлежит Ему».

Я нашел людей, которых звали анабаптистами. Я подумал, что они подошли к Писанию ближе любого, кого я уже знал... После того, как они вышли из воды, ... я не увидел появление духа обновленной жизни или силы... Их крещение было только водой, которая смогла смыть грязь лишь с плоти.

После посещения странной секты под названием магглтониане он пишет:

Через какое-то время я услышал о собрании [Друзей], проходящем в Экстоне, в доме некой вдовы Фарни. Я пошел на него и обнаружил, что различные Друзья проделали много миль, чтобы добраться дотуда; и когда я пришел, то убедился, что они были в той истине, о которой и я был убежден, хотя их так осмеивает мир сей.

На том собрании мало было сказано, но я сидел на нем в спокойствии и склонялся в духе пред Господом, и почувствовал, что он со мной и с Друзьями, и увидел, что они дали отдых своим умам, и ожидали ощутить то, как его присутствие и сила будут действовать в их сердцах. Они были духовными верующими, поклонявшимися Богу в духе и истине, и я ощутил, что они чувствовали и вкушали благодать Господа, как и я; и хотя мало слов было произнесено, но я был очень доволен этим собранием. И вознеслась сладкая мелодия, которая прошла через собрание, и присутствие Господа было среди нас; от встречи с Господом на этом собрании я ощутил наибольшее успокоение, восстановление сил и удовлетворение, чем когда-либо ощущал на каком бы то ни было собрании за всю свою предыдущую жизнь.

Тем закончились долгие поиски Джона Граттона. Он пришел к своим религиозным принципам независимо от чего-либо, если не считать Писания. Он точно знал, чего ищет, прежде чем нашел это. Впервые он пришел к квакерам, услышав, что они проводят свои собрания открыто, несмотря на «Акт о сектантских молельнях», который запрещал все религиозные богослужения кроме тех, что проводятся в англиканской церкви, в то время как другие секты встречались тайно.

Эти люди были презираемы, их преследовали, они страдали сильнее других, ибо другие могли избегать страданий, время от времени как-то приспособиваясь. Но эти люди терпели и стояли наперекор дующим ветрам и низвергающимся на них дождям и наводнениям. (Из «Дневника» Джона Граттона)

Когда он нашел квакеров, они мало чему могли его научить о внутреннем Христе, которого он сам уже нашел. Но имелась существенно важная разница между одиноким слушателем внутреннего божественного голоса и членом организованного собрания, в которое разными потоками стекалось множество отдельных течений духовной жизни. История Джона Граттона развивается параллельно с историями многих других людей, которые присоединились к новому движению. Им квакерство дало что-то новое, в то время как пуританство в основном было следствием процесса отказа от чего-либо. Этим новым

элементом стало учение об одном источнике, из которого произрастает все остальное. Активирующей основой всего движения был Внутренний Свет, внутренний Христос, «то, что от Бога в каждом человеке», сила Бога, свидетельство Божье, семя Царства, чистая мудрость, исходящая свыше (Иак. 3:17).

Общество Друзей не впало в анархию, поскольку его члены осознали, что этот Свет предназначался не для одного человека. Это был Свет, создавший мир и единство среди всех людей, которые откликнулись на него, «ответили на него друг в друге», если использовать выражение, часто встречающееся в письмах Джорджа Фокса. Именно это учение о Свете как объединяющем принципе сделало квакерство чем-то большим, ежели просто еще одна секта несогласных, продвигающая протестантский принцип индивидуальности и частного суждения дальше, чем ее предшественники. Присутствие Света Христа позволило собранию людей стать Телом Христовым – основанием, которое по существу делает его ближе к католическому, чем протестантскому, учению.

ГЛАВА 2

Внутренний Свет как ощущаемый опыт

Когда так называемый «общественный Друг» вставал, чтобы убеждать слушателей Истины, его целью было побудить их ожидать Господа, чтобы непосредственно и немедленно ощутить жизнь и силу Божью, возлагаемую на их души. Это было именно той целью молитвенного собрания Друзей, к которой он направлял своих слушателей. Говоривший указывал на пустоту внешних форм, ритуалов, символов веры, гимнов, священных книг и церковных проповедей, когда они не являются непосредственными и искренними воплощениями внутреннего духа. Эти формы, когда их подготавливают заранее и независимо от внутреннего духа, становятся религией из вторых рук, то есть религией, основанной на чужом опыте. Пример того типа проповеди, с помощью которого было создано Общество Друзей, можно найти в рассказе Маргарет Фелл об убеждении ее Джорджем Фоксом, пришедшем в церковь, где она была прихожанкой:

На следующий день, день наставлений и поста, он [Фокс] отправился в Альверстоунский дом со шпилем, но не входил внутрь, пока не собрались люди. Я со своими детьми пришла намного раньше. И когда они пели, он вошел, а когда они закончили петь перед проповедью, он встал со своего места или скамьи, и высказал желание, чтобы ему позволили говорить. И тот, кто стоял за кафедрой, разрешил ему. И первые слова, которые он произнес, были такими: «Не тот иудей настоящий, кто по букве, и не то обрезание настоящее, что снаружи; но тот иудей, кто иудей по духу своему, и то обрезание настоящее, что в сердце своем». И так он продолжал далее, и сказал, что Христос – свет мира сего, и просвещает Он всякого человека, приходящего в мир, и что этим светом люди могут быть собраны к Богу, и так далее. Я поднялась со своей скамьи и дивилась учению его, ибо никогда не слышала такого прежде. И затем он продолжил и, открыв Писание, сказал: «Писание было словами пророков и Христа, и словами апостолов; и, произнося эти слова, они радовались, и слова эти были у них от Бога». И еще сказал: «Тогда следует воспринимать Писание не иначе, как вместе с породившим его Духом. Вы скажете, Христос говорит это, апостолы говорят то; но что ты сам можешь сказать? Дитя ли ты Света, ходишь ли в свете и говоришь ли то, что внутри тебя от Бога?» Это было таким открытием для меня, что врезалось мне в сердце; и тогда я увидела ясно, что мы все были не правы. Поэтому я села обратно на скамью и горько заплакала. И я взывала в своем сердце к Господу: «Мы все – воры, мы все – воры, мы приняли Писания на словах и не знаем ничего о них внутри себя». И

это так легло мне на душу, что я, как следует, не скажу, о чем говорил он дальше; но он продолжал выступать против лжепророков, и священников, и обманщиков людей.

Другими словами, авторы Писания обладали тем, о чем они проповедовали. Почему же тогда мы опираемся на них, когда могли бы сами получить такой же опыт для самих себя, когда могли бы ощутить Самого Христа, который есть Свет мира? Ведь это он сияет в наших сердцах.

Протестанты отвергли власть Церкви. Вместо этого они установили власть Библии как источника религиозной истины. Как и прежде они считали, что были времена пророков и апостолов, когда Бог говорил непосредственно с человеком. Религиозное богослужение состояло из восприятия того, что Бог сказал давным-давно, и объяснения вдохновенных записанных слов. Протестантский проповедник увещевал паству иметь веру в истинность Библии и подчиняться ее предписаниям. Служба была, по сути, педагогическим процессом, своего рода религиозной школой, где читались наставления по Божьему плану спасения людей. И давались заверения, что если этот план принять через веру, то последует спасение.

У квакеров была иная концепция. Они считали, что Дух Божий, который дал начало Писанию, все еще продолжает действовать в человеческой душе. Было более важно слышать то, что Он говорит им напрямую, чем то, что Он как-то раз сказал много веков назад. Богослужение заключалось в ожидании Господа – чтобы услышать Его голос и почувствовать Его силу. Ритуалы, книги, слова и песни, которые в свое время были живыми выражениями, по большей части уже не сохранили свою жизненность. Они уже не обязательно являются отражением опыта верующего. Квакерское богослужение было построено таким образом, чтобы предотвратить замещение церемонии, проводимой для Духа, не включать формы, подготовленные до времени богослужения, и в тишине ожидания предоставлять возможность Духу появляться в любой выбранной им самим форме. Какова будет эта форма, никто не может предсказать. «Ветер дует, куда ему угодно. Ты слышишь шум его, но не знаешь, откуда и куда он дует. Так и тот, кто родился от Духа» (Ин. 3:8).

Общественный Друг при обращении к тем слушателям, которые ожидали слов его, а не Господа, не мог взывать к опыту, который они не получили сами. Однако он мог прибегать к Писанию, к которому они по большей части относились как к главному авторитету в вопросах религии. Там он мог найти много такого, что подходило его цели. И религия пророков Ветхого Завета, и религия ранней христианской Церкви базировались не на форме и традиции, а, в случае с пророками, на непосредственном ощущении голоса Бога в душе, или, как у ранней Церкви, на обновляющейся и возрождающейся силе Внутреннего Христа. «Новый человек, с Христом внутри» – это было основным понятием и опытом, на котором образовалась ранняя Церковь.

Каковой бы ни была вера первых христиан насчет второго пришествия Христа во плоти, ощущение того, что он остается с ними в форме Духа, было укрепляющим, будоражащим фактором, который придавал им жизнь и силу. Так получилось, что квакерские проповедники чаще всего обращались к Иоанну и Павлу. Учение Иоанна о том, что Христос есть Слово Божие, с помощью которого был создан мир, Свет, который просвещает всякого человека, Хлеб Жизни, который сходит с небес, Путь, Истина и Жизнь, источник воды, питающей Вечную Жизнь, Виноградник, у которого все мы ветви, Воскресение и Жизнь – эти фигуры речи отлично вписывались в квакерскую тематику. Истинная религия есть Жизнь, а не слепое следование определенной доктрине или особой форме. Язык Павла был в такой же степени уместен. «Как чада света» (Еф. 5:8) или его послание к Фессалоникийцам «Ибо все вы – сыны света» (1 Сол. 5:5) дали квакерам одно из их имен. «А если кто не имеет Духа Христова, тот не принадлежит Христу» (Рим. 8:9).

«Потому что вы сыны, то Бог послал Духа Сына Своего в сердца ваши» (Гал. 4:6). «Когда же

Бог благоволил... открыть во мне Сына Своего» (Гал 1:15,16). Эти отрывки часто использовались. Павел думал об этом Внутреннем Свете как о Боге, или Христе, или Духе, а не только как об одной составляющей Троицы. «Вы храм Бога живого» (2Кор. 6:16). «Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца» (2Кор. 4:6). «Если только Дух Божий живет в вас» (Рим. 8:9). «Но каждому дается проявление Духа на пользу» (2Кор. 12:7).

Систематическая теология или философия не выработала единую новозаветную доктрину о передаче этого ощущения внутреннего Христа, или внутреннего Бога, или внутреннего Духа. Существуют различия в концепциях Иоанна, Павла, автора Послания к Евреям, синоптических Евангелий, Иакова и авторов Посланий Петра. Аналогичные различия появляются в трудах ранних Друзей. Они не были тринитариями в обычном смысле этого слова. Слово «Троица» редко встречается в их работах. Исключением являются случаи, когда они отмечают, что этого слова нет в Библии. В их представлениях Бог не разделен, Бог един. Он проявляется по-разному. В Ветхом Завете Он явился как Отец, в Евангелии – как Сын, а с евангельских времен – как Дух, открывая Свою волю в сердцах тех, кто внимает Его голосу. Будучи Внутренним Светом Он проявляет Себя как Отец, Сын и Святой Дух. Баркли пишет:

Этим зерном, благодатью и словом Божьим и светом, о котором мы говорим, всякий просветляется... Мы понимаем духовный, божественный, невидимый источник, согласно которому Бог пребывает как Отец, Сын и Дух; должная мера его божественной и прославленной жизни явлена во всех людях как зерно, которое по своей природе притягивает, приглашает и склоняет к Богу.

Глава «Всеобщий и Спасительный Свет» из «Апологии» Баркли является свидетельством настоящего научной мысли. Автор опирается не только на Библию, но и на отцов Церкви и на первых лидеров Реформации. Так как эта книга – научный труд, то ее слишком аналитический и систематический характер не позволяет дать полное представление о том, как на самом деле Друзья ощущали этот свет, когда он их осенял в момент ожидания ими Господа в молчании. Для них это была не интеллектуальная, не теологическая концепция, а живой опыт. Защищая себя от своих врагов, которые использовали любые возможности для уничтожения нового движения, ранние квакеры неизбежно и необходимо рационализировали свой опыт и пытались объяснить его, но в письменных посланиях друг к другу они выражались так, как чувствовали. Пастырские послания Фокса содержат убедительное объяснение того, как Свет понимался Друзьями сначала.

Все Друзья повсюду обитают в Силе Бога... ибо это переносит все ваши души в мир, в единство, в Бога. [Послание 104, 1655]

Пребывайте в Силе и знайте Силу Бога друг в друге, ... что из всякой засухи и бесплодия может вывести вас... И когда вы встречаетесь в Свете, внимайте ему, ибо вы можете почувствовать Силу Бога в каждом из вас... Вы, которые чувствуете Силу Бога, Вы чувствуете Христа, ибо Христос есть Сила Божья. [Послание 130, 1656]

Фокс говорит, что именно эта Сила создает Братское сообщество.

Известно, что Таинство Братства находится в этой Силе... Из-за недостатка этой Силы Евангелие, в котором заключено настоящее Братство, обратило христианство в руины... И вы, которые пребываете во власти Бога, вы пребываете в Таинстве Братства. [П.169, 1658]

В Силе Бога есть Братство Креста, которое оберегает все виды дружеских чувств в мире. [П. 216, 1662]

И всем народам человечества надо проповедовать вечное Евангелие, Силу Бога, через

которую Жизнь и Бессмертие придет к Свету, в чьей Силе есть Братство. Для того Слово Господа Бога всем вам. Те, кто получили убеждение Силой Господа Бога и Светом, пусть пребывают в нем, и в этом они могут достичь единства. [П. 189, 1659]

Не пренебрегайте Силой, в которой есть Евангелие как Братство, которое будет держать всех в единстве. [П. 228, 1663]

И ожидайте в Свете Силу для избавления от мирского... чтобы со Светом ваш разум мог держаться Бога, который есть Непорочность, и в ней можете пребывать в единстве вы все, шествующие в Свете Жизни. [П. 49, 1653]

Эти отрывки являются ключом к самой сути раннего квакерского движения. В группе, «стоящей спокойно в Свете» (П. 10, 1652), появлялись братское чувство, единство и сила. Как в случае сведения вместе углерода и кислорода при достаточно высокой температуре происходит внезапное слияние этих двух веществ и значительное высвобождение энергии, так и в собравшейся для богослужения группе, когда сердца открыты первоисточнику единства, члены растворялись друг в друге. Происходило обострение чувства жизни, братства и силы. Дары Духа, божественная сила, изливаются на группу, которая способна осознать божественное Присутствие. Внутренний Христос является объединяющей силой. «И все Им стоит» (Кол. 1:17). «Ибо Он есть мир наш, ... разрушивший стоявшую посреди преграду» (Еф. 2:14). Фокс никогда не уставал повторять, что Единство – в Свете, а вне Света есть раздоры, разлады и, как он любил говорить, «пререкания».

[Свет – это] Слово Жизни, Слово Мира, Слово Примирения, которое делает из раздвоенного одного нового человека, и если вы придерживаетесь того, в жизни нет разногласий, но есть единство... Поэтому ожидайте в Свете там, где есть единство, где есть мир, где есть Цельность с Отцом и Сыном, где нет ни размолвок, ни расхождений. [Послание 115, 1656]

В этом вся основа мирного учения Общества Друзей – мир внутри человека и мир в обществе.

В этих посланиях Фокса мы находим множество имен для Света: Свидетельство Божие (П. 208), Хлеб Жизни (П. 211), Царственное Зерно (П. 211), Виноградник (П. 215), Мудрость, сладкая, прохладная и чистая (П. 242), Источники Жизни, открытый для вас (П. 38), Голос Истины (П. 222), ваша Обитель в Силе Господа (П. 246), то, что от Бога в каждом (П. 182), то, что от Бога в совести каждого (П. 114), Небесное Достоинство (П. 313), та Любовь, которая владеет всем (П. 336), Истина внутри (П. 186). Этот список можно продолжить и далее.

Разнообразие этих обозначений указывает на то, что у Джорджа Фокса не было последовательной философской или теологической системы, в которую он мог поместить свое учение о Внутреннем Свете. Тем не менее, к удивлению у него было больше философии, чем теологии, хотя его философия была построена скорее на чувствах и интуиции, а не на системном мышлении. Для Фокса вселенная, по-видимому, состояла из двух видов существования, называвшихся им по-разному – сущность и тень, вечность и время, единство и множественность, жизнь и форма. Целью религии было привести людей от второго в первое, или «до» первого, как обычно выражался Фокс. Свет был Жизнью, которая исходила из сущности, вечности, единства и стекала к тени, времени, множественности. Через религиозное вдохновение Сила влекла людей к высшему типу бытия, которое существовало прежде низшего типа бытия и которое продолжит существование после прекращения существования бытия низшего типа.

В письмах и других работах Фокса существует много такого, что характеризует его как мастера своеобразного философского взгляда на вселенную. Как пророк Фокс следовал

иудейской традиции, свидетельствуя о личном Боге. Пророки являются инструментами, с помощью которых Он доносит Свои слова и Свою Волю. Как философ Фокс следовал эллинистической традиции, постигающей внутреннее Единство, которое существует вне времени и пространства, *реальное* по отношению к познаваемому миру, *цельное* в отличие от разнообразия, передаваемого чувствами. Именно это внутреннее Единство создает во внешнем мире, полном раздоров и разобщенности, участки покоя и гармонии. Когда в 1650 году Фокс впервые заявил, что он живет согласно добродетели той жизни и силы, которая устраняет причины всех войн, он имел в виду, что его жизнь проходит в согласии с этим Вечным Бытием:

И основной Покой, обитающий в сердце бесконечной тревоги.

Таким образом, он был далек от мира суеты, борьбы и раздоров.

В своих первых письмах Фокс говорит о Свете как о том, что «ведет от множества разного к одному Духу» и советует своим друзьям «пребывать в Цельности... чтобы направлять и сохранять все в единстве Духа и Залог Покоя» (П. 24, 1652). «Свет Божий един» (П. 25, 1653). Друзья никогда не использовали для Внутреннего Света термин «искра», как это делали некоторые другие мистики. Применение слово Искра могло подразумевать, что Свет был разделен, одна его часть пребывает в одной форме, другая часть – в другой. Был только один свет. Чем ближе все приближаются к нему, тем ближе все они приближаются друг к другу, подобно радиусам окружности, приближающимся к центру, если использовать образ из Плотина. Фокс оставляет в своем «Дневнике» запись, датируя ее 1648 годом, временем начала своего служения:

Великое дело сотворил Господь, направляя меня, и были открыты мне чудесные глубины за пределами того, что можно выразить словами. Но как только люди приходят в подчинение Духу Божьему и возрастают в образе и силе Всемогущего, они могут получить Слово Мудрости, которое открывает все и позволяет узнать скрытое единство в Вечном Бытии.

Узнать это «скрытое единство» – значит войти в состояние, в котором Адам пребывал до грехопадения. Грехопадение Адама было падением от единства к множественности. Что же касается Джорджа Фокса, он чувствовал, что пришел познать «состояние более прочное, чем состояние невинности Адама» и даже «состояние во Христе, который никогда не падет». Непорочное состояние Адама основывалось на невинности. После искушения он пал. А непорочное состояние Христа основывалось на сопротивлении искушению. Следовательно, оно остается устойчивым. Чтобы достичь такого состояния, Фокс поднялся «в духе через пламенный меч в рай Божий». Он достиг сути вещей, поэтому и говорит: «Мироздание было открыто мне».

Это «единство в Вечном Бытии» есть основная сущность по сравнению с внешним, изменяющимся миром тени.

Смотрите, находите ли вы что-то вечное в вашем появляющемся осмыслении, чтобы направить свой разум прочь ото всех внешних вещей, которые смертны и бранны. [П. 19, 1652]

Пребывайте в том, что ведет прочь от Теней, образцов, традиций. [П. 72, 1654]

Поэтому вы можете надо всем миром стоять в Свете, который осознает и порицает это, и с этим вы сможете наблюдать конец мрака. [П. 73, 1654]

Друзья, будьте осторожны с имеющим внешнюю форму, дабы не потерять Силу, но

придерживайтесь Силы и Семени Бога, с которыми вы будете жить в Истинном смысле. [П. 173, 1659]

Все познают друг друга в Том, Который есть Сущность. [П. 166, 1658]

И поэтому вы, живущие в неизменной Жизни и Свете, вы видите Христа, который не меняется, но вершит все изменяемые вещи, образы, формы, тени... Поэтому в Силе Господа Бога... живите, ... в которой есть совершенное братство, которое было прежде несовершенства. [П. 221, 1662]

Во внутреннем мире есть вечная и неизменная сторона жизни, разума и духа.

В том живите, что неизменно, неизменной Жизнью, неизменным Разумом, с неизменным Духом и Мудростью, и с неизменными богослужением и церковью, в которой Христос – неизменный глава. [П. 200, 1661]

Это существовало до нашего изменчивого мира борьбы и тени и будет существовать после него. Фокс редко упоминает Свет, не указывая его первенство во времени по отношению к сотворенному миру. В начале был Свет, или Слово, и с помощью этого был создан мир.

Крепко стойте в Неизменной Жизни и Семени Бога, которое было прежде всех изменений, и которое останется, когда все это уйдет. [П. 76, 1654]

Вы, которые развернулись к Свету, ходите в Свете, который никогда не изменяется, вы можете прийти и увидеть то, что было в начале, прежде этого мира, то, где нет ни тени, ни тьмы. [П. 105, 1655]

Ибо этот Свет было до Времени и есть во Времени. [П. 111, 1656]

Получайте живую пищу от Бога, чтобы питать себя во времени тем, что было до времени. [П. 122, 1656]

Живите в том, что было перед Враждой. [П. 147, 1657]

Берегите свой ум в силе Всемогущего, а не в Слабости, и не в немощах, а в Силе Господа, которая была еще до Слабости и немощей. [П. 159, 1658]

Из таких отрывков можно воссоздать довольно последовательную философию Внутреннего Света. Ни один другой ранний квакерский автор не выражался столь подробно, возможно за исключением Исаака Пеннингтона, который также сравнивает Свет как сущность в противоположность тени. В основе вещей лежит Бытие, его характеристиками являются Единство, Сущность, Жизнь, Мир, Сила, Свет; оноечно и неизменно. Из него в этот временный мир теней, распрей, множественности и изменений изливаются Его собственные Единство, Жизнь, Мир, Сила, Свет (можно использовать лишь некоторые из этих имен) с тем, чтобы преобразовать этот нижний мир в Его собственное Подобие. Христос есть эта «Сила Божья» (П. 184, 186), эта «Мудрость Божья» (П. 247), Путь, Истина и Жизнь, которая постоянно исходит от Бога, чтобы создавать и восстанавливать этот мир. В полной мере это было воплощено в Иисусе из Назарета.

Он ваш пророк, ваш пастырь, ваш епископ, священник среди вас, открывающий вам и очищающий вас от греха и питающий вас Жизнью и вдыхающий в вас Жизнь. [П. 288, 1672]

Таковы, видимо, основные контуры той картины, которая существовала в сознании Джорджа

Фокса. Но чтобы завершить этот эскиз, необходимо выделить еще кое-что. Мир Тьмы находится под Миром Света. Это Мир Тьмы не отделен от реальности, как это происходит в некоторых системах мысли, которые имеют определенное сходство с системой, разработанной Фоксом, но которые могут быть названы менее реалистичным. Выражение «Мир тени» использовать можно, но, как указывает Пеннингтон: «эта тень есть настоящая тень», а не иллюзия ума. Сквозь все записи Фокса постоянно проходит упоминание о том, что противоположно Свету, о действительной противостоящей силе, которую человек волен выбрать вместо Силы, исходящей от Бога.

Все вы, чьи умы устремлены со Светом к Иисусу Христу, откуда он исходит, в нем ожидайте, с ним все вы можете увидеть Иисуса и все осуждаемое, что противоречит ему. [П. 90, 1655]

Мои дорогие сердца в Семени обитают... а все то, что противно, может храниться ниже. [П. 95, 1655]

Остерегайтесь стремлений к своим собственным желаниям вопреки Вечному Провидению и Силе, которая сейчас работает невидимо, вопреки и наперекор всем Силами Тьмы. [П. 97, 1655]

В котором Семя сияет, отвечая на свидетельство Божие в каждом; оно подминает нижнее, мирское... и все, что противно. [П. 109, 1656]

Сила всех мужчин и женщин – в Силе Бога, которая стоит поверх Силы Тьмы. [П. 208, 1661]

В Его Жизни ожидайте, дабы получить Силу, связать и заковать все нижнее, что противно Истине. [П. 156, 1658]

Поэтому держитесь Силы Господа, которая будет удерживать все противное внизу и снаружи. [П. 180, 1659]

Вместо этого слова «противное» Друзья часто использовали слово «обман», как противоположность правде.

Опровергайте Обман и несите Истину над головами язычников. [П. 87, 1655]

То, что страх и страх Господень может быть среди вас, а Обман будет опровергаться. [П. 96, 1655]

И всем вам ходить в этом Свете, он принесет вам всем простоту и однозначность речи, что заставит Обман трепетать [П. 111, 1656]

Господь Бог Вседержитель даст тебе мудрость, смелость, мужественность и дерзновение вымолачивать весь обман. [П. 113, 1656]

Что... может подвигать вас проповедовать всем душам, захваченным обманом. [П. 114, 1656]

В письме 1653 г. Джорджу Фоксу от Джервиса Бенсона из Лондона говорится:

Моли Господа за меня, чтобы я мог быть во всей вере; с дерзновением свидетельствовать Истину против всех обманов.

Природа обмана также точно описывается в письме от Энтони Пирсона:

Я считаю, что мое сердце полно обмана, и я чрезвычайно боюсь быть обманутым (как был раньше) и быть соблазненным внешней формой без силы, проповедью прежде познания Истины.

Обман – это состояние внешней формы без силы. Квакеры считали, что христианская церковь семнадцатого века опустилась до такого состояния. Оставаться в зависимости от внешних форм – крещения, причастия, песнопений, «проповедей по часам» и официального принятия символов веры как условия спасения – означало оставаться в теневом, брэнном, изменчивом мире и во всем, что противостоит Свету. Этот мир формы был реальным миром, но он был «обманом» в том смысле, что внешняя форма не исполняла ту роль, которую обязывалась исполнять. Общепринятым у квакеров обозначением тех христиан, которые не ожидали в Свете, было слово «изображающий» в отличие от «обладающий».

Это противопоставление является древним, постоянным разграничением, которое делалось пророками, мистиками и реформаторами, акцентировавшими внимание на внутренней жизни, а не на внешней форме. «Повиновение лучше жертвы, и послушание лучше бараньего жира» (1 Цар. 15:22); «Мне отвратительны ваши воскурения» (Ис. 1:13) – это примеры возгласов, исходящих от пророков по всему Ветхому Завету. И недовольство Христа фарисеями, которые подобны окрашенным гробам, внутри полным костей мертвых, вторит этим обвинениям. Мир видимости и мир реальности, какие бы различия мы ни проводили между ними с метафизической точки зрения, отличаются. Обман возникает тогда, когда внешность занимает место реальности, вместо того, чтобы быть ее подлинным и искренним выражением. Проповедуя эти взгляды, квакеры не говорили ничего нового. Новым было лишь создание религиозной практики, в которой внешняя форма занимала место реальности не столь неправдоподобно, чем обычно. Ожидание Господа в молчании может, конечно, стать формальным, но молчаливое ожидание никого не обязывает ни к каким действиям или же высказываниям, которые не являются искренним результатом внутренней жизни и мысли. Если молчаливое ожидание становится формой, участник, как правило, понимает это, особенно если, как это иногда бывает даже на лучших квакерских собраниях квакеров, ему случается заснуть. Вот как Баркли говорит о квакерском богослужении:

Враг, а именно дьявол, не способен подделать его, как он может обмануть или ввести в заблуждение любую душу во время ритуального действия... Он может сопровождать священника к алтарю, проповедника на амвон, ревнителя веры к молящимся вместе с ним, книжника-богослова на его занятие... Когда душа входит в это молчание и, как бывало, приближается к небытию в результате своих собственных действий, дьявол проникнуть не может.

Баркли признает, что дьявол «не стремится приходить на наши собрания», но также на квакерском собрании перед ним стоит более сложная задача, чем в других местах, ибо здесь нет действий по какой-либо установленной форме, которые можно совершать обычным образом и через это заменять собой вдохновенное событие.

Слова «вверх» или «над», которые Фокс часто использует, говоря о Внутреннем Свете, относятся не к какой-либо позиции в пространстве, а скорее к Свету, как самому высокому в природе по ценности и силе. В одном из своих ранних выступлений он говорит:

Я увидел также океан тьмы и смерти, но бесконечный океан света и любви простирался над океаном тьмы.

Несколько цитат из «Посланий» указывают на то, что Свет находится «над» или стремится «вверх».

Ожидайте, сколь отмерено, когда Дух Божий поведет вас вверх к Богу, держитесь в мире и единстве. [П. 70, 1654]

То, что новое, направит все ваши желания вверх к живому Богу. [П. 77, 1654]

Следуйте в Истине и ее любви вверх к Богу. [П. 79, 1654]

Пребывайте над тем, что будет препятствием душе. [П. 86, 1655]

Старайтесь уследить за многими мнениями, но живите с тем, которое простирается над всеми ними. [П. 95, 1655]

Жизнь Бога, возрождаясь, подведет вас к Нему. [П. 114, 1656]

Восходите на вершины гор путями благовестников и широко возвещайте о том, что Бог есть в каждом. [П. 195, 1660],

Помните о Свете и живите в нем, и он будет держать вас над мирским. [П. 203, 1661]

Пусть ваши умы, души и сердца будут выше всего внешнего и видимого. [П. 283, 1670]

Всякий раз, когда Фокс в своем «Дневнике» упоминает о каком-либо препятствии, он прилагает усилия, чтобы оказаться «поверх его». Это чувство света, как подъемной, вздымающей силы, было для него первичным. Часто он сравнивает его с Камнем в вершине свода (П. 84, 109, 121, 164).

Другой характерной особенностью Света является дарование его каждому человеку «в меру». Это не означает, что каждому человеку истина недоступна в полную силу, а скорее указывает как на очевидный факт, что некоторые люди постигают от Истины больше, чем другие. Обращаясь к письмам Фокса, как основным источникам, мы находим такие выражения:

Помните о чистой Жизни Бога в вас, отмеренной вам, дабы направить вас к Богу. [П. 69, 1654]

Друзья, ожидайте, сколь отмерено Духом Божьим, который направит вас к Богу. [П. 70, 1654]

Друзья, ожидайте, сколь отмерено Жизнью Бога, дабы направить свой разум к Отцу Жизни – туда, где нет ни тени, ни изменчивого. [П. 77, 1654].

Ожидайте, сколь отмерено Жизнью Бога, дабы возрастать с ним в любви, в Добродетели и в Бессмертии, в том, что не увядает, что соединяет и сплачивает ваши сердца. [П. 77, 1654]

Живите с тем, что отмерил для вас сам Бог, в чем нет раздора, лишь единство. [П. 94, 1655]

Пусть Друзья ни выходят за пределы отмеренного им Богом, ни сильно радуются уготованной другому человеку судьбе. [П. 118, 1656]

Если быть верными своей мере Света, нас будет направлять вверх к Богу, к еще большей

степени Истины. Выходить за пределы отмеренного нам и стараться походить на тех людей, которым отмерено больше нашего, означает быть лживыми и изображать из себя нечто большее, чем мы есть.

Конкретным примером применения этой идеи на практике является то, что квакеры в целом относятся к участию в войне, как неподобающему христианам. Однако если человек чувствует, что совесть побуждает его воевать, он должен быть верным этой мере Света, которая у него есть, хотя она и столь мала. Если он действительно живет по вере и в ожидании полагается на Господа в том, что сможет стать восприимчивым к большей мере Света, ему будет дана большая мера. В конечном итоге он придет к осознанию ошибочности участия в войнах. В своем первом состоянии он был бы трусом, если бы не сражался; во втором состоянии он был бы трусом, если бы стал воевать.

Следующая особенность Света, которую можно понять скорее через фактический опыт, чем благодаря какой-либо теории, характеризуется применением слова «откликаться». Оно часто встречается в текстах Фокса. Друзьям на Барбадосе он пишет:

Будьте верны и проповедуйте правду во всех странах, ходите в Мудрости Божьей, откликаясь на то, что от Бога в каждом. [П. 186, 1659]

В другом месте он призывает «Друзей за морями»:

Делайте работу Господа преданно и вы почувствуете ее процветание, как отклик того, что от Бога в каждом. [П. 182, 1659]

Друзьям в Новой Англии, у которых была возможность проповедовать индейцам:

Свидетельство Божье откликается во всех людях, будь они язычники, не исповедующие Христа, или же исповедуют Христа лишь с внешней набожностью, без Силы. [П. 292, 1672]

Самый известный отрывок, в котором встречается эта идея, находится в письме из тюрьмы для «Друзей в служении»:

И вот – слово Господа Бога ко всем вам и наставление всем вам в присутствии живого Бога: будьте примером, образцом во всех странах, местах, островах, нациях, где бы вы ни оказались, чтобы ваше поведение и жизнь могли проповедовать среди самых разных людей; тогда вы будете радостно идти по земле, откликаясь на то, что от Бога в каждом.

Ответственностью квакерских проповедников было «откликаться на то, что от Бога в каждом». То есть, обращаясь к тому же Свету Бога в своих слушателях, который они чувствовали в себе, они были уверены, что этот Свет поведет тех к той же Истине. Фокс так говорит о своем служении: «он указал им путь и с этим покинул их». Для него проповедь означала подводить «людей к окончанию всех проповедей». Согласно квакерской теории, было бы невозможно убедить кого-либо в Истине, если бы этот человек уже не имел в себе божественное семя Истины. То, что от Бога в слушателе, должно откликаться на то, что от Бога в проповеднике. Если этого не происходит, реакция слушателя проявляется «во внешней форме, но не в Силе».

Этот «отклик на то, что от Бога в каждом» является основой не только общественной деятельности квакеров в целом, но и всей их теории социального поведения. Мы не можем «откликнуться тому, что от Бога в каждом» никакой формой насилия, физической или психологической, ибо насилие заставляет двигаться только внешнюю плоть, но не

внутренний дух. Но если мы считаем, что даже в самых злых людях есть то, что от Бога, мы можем обратиться к нему и можем – хотя без надежды на непреходящий успех – достичь его и привести в движение процесс преобразований изнутри.

Послания Фокса, хотя они часто бесформенные и напыщенные, представляют собой достаточно последовательную теорию о природе Света и о том, как он воздействует на человека, теорию, очевидно, исходящую скорее из опыта, чем из какого-либо процесса логических рассуждений. Свет, ощущаемый в личностной форме, может проявиться как Отец, Сын или Святой Дух – Бог неделим. В менее личностной форме он проявляется как Истина, Сущность, Жизнь, Сила, в противоположность обману, тени, форме без силы. Как Истина и Сущность, он сияет из мира, который выше нашего мира обмана и тени, и направляет нас к себе. Этот верхний мир вечен. Он существовал до нашего бренного мира и переживает его. Этот верхний мир есть мир единства и мира в отличие от нашего нижнего мира множественности и раздоров. Свет – принцип единства, который создает братство тех, кто раскрывается перед ним. Более того, Свет, пропорционально отпущенной каждому мере, есть источник Силы, с помощью которой те, кто следуют ему, могут созидать единство не только в своем собственном духовном сообществе, но и повсюду, посредством «отклика на то, что от Бога в каждом».

ГЛАВА 3

Внутренний Свет в представлениях

Вышеупомянутый Свет, впервые явившийся Друзьям на уровне чувств и опыта, лучше всего показан в посланиях Джорджа Фокса. Было неизбежно и необходимо то, что в скором времени этот опыт оказался логически обоснован и приведен в соответствие с другими общепринятыми представлениями. Какое отношение имеет Свет к Писанию, совести, разуму, историческому Христу, грехопадению человека и его спасению? Задача логического обоснования легла в основном на двух неопитов – Роберта Баркли и Уильяма Пенна. Они оба изучали теологию во Франции. Оба могли привлечь к защите квакерства обширное знание христианской мысли и истории. В области теологии систематическим мышлением больше выделялся Баркли, в то время как Пенна отличало мышление политика и управленца. Они оба настаивали на том, что размышления о религии были гораздо менее важны, чем ее непосредственный опыт. В своем трактате под названием «Всеобщая Любовь» Баркли приводит два примера такого отношения:

Друзья собрались вместе не благодаря единству мнений или же утомительному и тщательному разбору понятий и убеждений, требованиям согласия с собою, опутыванием себя организационными соглашениями. Они собрались благодаря тайной потребности, которую почувствовали в себе многие по-настоящему впечатлительные и серьезные души из разных и всяческих сект, и которая побудила каждую из этих сект искать что-то находящееся за пределами общепринятых мнений, то, что могло бы удовлетворить эти усталые души.

О том же пишет Уильям Пенн в своей работе «Ключ, открывающий врата...»:

Не мнение, не умозрительное построение, не научное понимание о том, что есть истина, не согласие и не подпись под заявлениями или предложениями, сколь обоснованными словами они бы ни выражались, все это не делает человека истинным верующим или истинным христианином.

Тем не менее, несмотря на придание доктрине вторичной роли, Баркли и Пенн вполне осознавали важность последовательной системы идей, без которой религия является расплывчатой, не способной к распространению. Внутренний Христос является не только Силой Бога, но также и Светом Бога, а Свет – это знание.

Следующее ниже краткое изложение квакерских идей является частично трактовкой, а частично обзором. Конфликты XIX века явились результатом некоторых крайних позиций, которые не описаны в настоящей главе.

Священное Писание

Соотношение между Внутренним Светом и Священным Писанием было вопросом продолжительных дискуссий между квакерами и протестантами. Для протестантов Писание было первичным, а Святой Дух вторичным – вспомогательным средством для его понимания. Библия была Словом Божиим. Ничто не могло быть ни добавлено к ней, ни удалено из нее никакими последующими откровениями религиозной истины. Для квакеров первичным был Внутренний Свет, или Дух, а Писание, то есть некоторая запись слова Божьего – вторичное, подтверждающее и уточняющее для откровений Внутреннего Света.

Согласно квакерскому учению Свет, или Внутренний Христос, был, как сказано в Евангелии от Иоанна, Словом Божиим, которое может выявить дальнейшую истину; словами Иисуса: «Когда же придет Он, Дух Истины, то наставит вас на путь истинный» (Ин. 16:13). Откровения поступают через Дух в том объеме, в каком человек способен их воспринять. Ветхий Завет в настоящее время не может быть принят в качестве полного проявления Истины, ибо, хотя он пришел от Духа, он отображает только то, к чему человек был подготовлен, что соответствовало меркам того времени, когда он выбирался из обычаев и представлений первобытной жизни. Ни один христианин не принимает его полностью. Мы принимаем «Не укради», но мы не принимаем «в одежду из разнородных нитей, из шерсти и льна, не одевайся» (Лев. 19:19). Разве сам Иисус не использует отличающиеся слова для широкой группы слушателей и более глубокие – хотя и не отличные – для узкого круга своих учеников? Бог говорит через символы и образы, а притча, которую народ воспринимает в буквальном смысле, открывает просветленной душе глубокую духовную истину. Если Библия была порождена Духом Божиим – с чем соглашаются все христиане – нельзя ли довериться тому же Духу, как источнику истины, сегодня? Не исключено, что Друзья будут склонны согласиться с таким комментарием в Бхагавадгите: «Для просветленного, который познал Всевышнего, все священные книги так же бесполезны, как сосуд во время потопа».

Баркли отмечает, что та Библия, которая сейчас есть у нас, была создана в процессе отбора на основе духовного распознавания, следовавшего за написанием разных книг. Как же так произошло, спрашивает он, что у нас есть именно этот конкретный выбор канонических книг, а не какой-то иной выбор, именно эти конкретные изложения греческих и еврейских текстов, а не иные, если не благодаря духовному озарению тех, кто сделал выбор? Что в Послании Иакова, например, указывает на его достоверность? Разве оно не противоречит Павлу насчет первичности веры? Нигде в Писании не утверждается, что Библейский канон является окончательным. Мы выступаем не за новое Евангелие, говорит Баркли, а за новое откровение старого Евангелия: «Я не вижу необходимости верить тому, что Писание – это полный Библейский канон». Сэмюэль Фишер написал несколько сотен страниц, чтобы показать, что все версии Библии искажены и неопределенны. Такой критический взгляд на Писание в наше время является обычным, но в семнадцатом веке это было смелым новаторством.

Для протестантов того времени это учение о первичности Духа над Писанием показалось опасным и анархическим, открывающим дорогу почти любой ереси или причуде, провозглашенной в качестве божественной истины. Но логика квакеров была

неопровержима. Как же искренне принимать любую правду, спрашивали они, если не на основе внутренней готовности ее принять? Если нет этого внутреннего принятия, вдохновенного Духом Истины, то принятие носит формальный характер и может быть лицемерным. Исаак Пеннингтон пишет:

Если я получаю правду пред тем, как Господь Своим Духом являет ее мне, я теряю свое водительство и следую лишь советам плоти, которая алчет получать истины и исполнять религиозные обычаи без Духа.

Тем не менее, квакеры полностью осознавали опасности чистого индивидуализма и субъективизма. Как мы увидим далее, кажущиеся откровения Света должны проверяться и перепроверяться Писанием, откровениями другим людей, а также трудами авторов, которые признаны искренними приверженцами Истины.

Есть три варианта отношения к библейским доктринам и событиям, которые часто в личном опыте людей последовательно приходят на смену друг другу. Первый – это наивное, некритическое, буквальное принятие всего изложения. За этим может последовать критическая переоценка в свете научных фактов и исторических исследований. Результатом такого анализа, как правило, становится отказ от отдельных частей Библии, а иногда и абсолютно скептическое отношение к библейскому религиозному учению в целом. Далее может следовать третий этап – возвращение к вере с пониманием более глубоких смыслов, присущих словам Библии, при сохранении критического отношения. На этом этапе нас не столько заботят ее историческая обоснованность или рациональное соответствие с нашими научными или философскими взглядами, сколько наше отношение к внутреннему смыслу истории, мифа и символа. Символ является языком религии, но он никогда не был заменой религии. Вся живая теология вырастает из личного опыта. Соответственно, каждый библейский текст, чтобы у него была реальная ценность, должен иметь духовную значимость для внутреннего религиозного опыта читателя или слушающего. Эту третью стадию можно понимать как толкование Библии через Внутренний Свет. Важность этого для Друзей иллюстрируется рассказом Кэтрин Филлипс о проповеди, которую она услышала в 1753 году на борту судна, следовавшего в Америку:

Священник, заметив, что на нашей службе мы говорили экспромтом, сказал мне, что и он мог бы проповедовать экспромтом, и что мы можем услышать его в следующее воскресенье, если нам будет угодно. Так что, когда наступил этот день, мы все сидели в большой каюте, и он проповедовал без записей. Темой его выступления было преображение Христа, которое ему виделось как нечто удивительное (чудо), он рассуждал об этом, как о чуде; для него оно осталось лишь чудом. Он не подошел к духовному смыслу текста – на самом деле мне показалось, что он не понял его.

Совесть

Внутренний Свет не отождествляется с совестью. Совесть – это не Свет во всей его полноте, а «мера Света, данная нам». Свет озаряет совесть и стремится преобразовать нечистую совесть в ее чистое подобие. Совесть является частично продуктом Света, который сияет в нем, а частично – продуктом социальной среды. Поэтому совесть не безошибочна. Но всегда нужно поступать по совести, потому что она отражает ту меру Света, которая есть у нас, и с помощью которой мы формируем наши моральные суждения. Меру Света, находящуюся в совести, можно увеличить; когда это происходит, совесть становится более чувствительной к нравственной Истине.

Друзья часто описывали духовный рост как процесс возрастания «чуткости». В ту эпоху слово «чувствительный» не имело такого значения, которое у него есть сейчас. Одной из целей молитвенного собрания было сделать совесть более чуткой, т. е. чувствительной. Когда

мера Света в совести возрастает, она, по словам Фокса, «ведет к Богу». В нас все больше и больше развивается способность видеть Истину глазами Бога.

Если проводить аналогию с наукой, то физический мир не познан нами полностью. Но по мере того, как наши научные приборы становятся все более чувствительными, мы можем узнавать о нем все больше и больше. Точно так же нравственная Истина не может быть известна нам полностью, но по мере роста чувствительности у нашей совести, мы можем больше узнавать о ней. Свет – это Абсолют, к которому постепенно приближается относительная совесть человека; как и физический мир – это Абсолют, к которому постепенно приближается наше относительное научное знание.

Разум

Те же соображения справедливы в отношении связи между Светом и разумом. Так же как наша Совесть вырабатывает наши мнения о добре и зле, так и наш разум вырабатывает наши суждения об истинном и ошибочном. Друзья не обращали внимания на соотношение Света с эстетическими предпочтениями. Вероятно, в этой области будут справедливы те же соображения, что и в случае с совестью и разумом. Существуют просвещенный разум и затемненный разум. Баркли говорит, что «худшие гонения в христианской истории имели в своей основе тщательные рассуждения».

Разум должен отталкиваться от определенных предпосылок, которые он сам по себе не создает. Если эти предпосылки плохи и отражаются на вытекающих из них логических выводах, в результате получается еще большее зло. Примером может быть доктрина о превосходстве государства, как она была осуществлена Гитлером. Просвещенный разум в противоположность затемненному будет отталкиваться от правильных предпосылок. И сам Свет, который есть Истина, будет все дальше и дальше вести разум по верному пути. Как говорит Баркли: «Так как Дух Божий является источником всякой истины и здравого смысла, поэтому мы с уверенностью говорим, что он не может противоречить ни свидетельствам Писания, ни правильному разуму».

В квакерских работах много сказано о неспособности разума достичь религиозных истин, если Свет, или Писание, или другие произведения, вдохновленные Светом, не снабдят его верными предпосылками для деятельности. То же самое и в науке. Научные истины создаются не голым разумом, а разумом, опирающимся на реальные факты, выявленные ранее в ходе экспериментов.

Всеобщность Света

Ни одно из квакерских представлений не вызвало большего сопротивления, чем учение о том, что Свет Христов был дан всем людям во всем мире с самого рождения человечества. Эта концепция была особенно невыносима для тех протестантов, которые считали, что только избранные будут спасены. В 1656 году Фокс делает такую запись в своем «Дневнике»: «Большое сопротивление выказывали в то время священники и книжники против Света Иисуса Христа, отрицая то, что он дан всем». Он выпускает листовку, в которой говорится об исполнении пророчества: «И в эти дни последние, – говорит Бог, – Я изолью Дух Мой на всех людей. И дочери, и сыновья ваши будут пророчествовать». (Иоиль, которого цитирует Петр в Деяниях 2:17). Далее следует россыпь цитат из Библии, в том числе таких, любимых квакерами: «Ибо благодать Божия появилась для спасения всех людей» (Тит. 2:11), «Светом для народов Я сделаю тебя, Моим путем спасения всех людей земли» (Ис. 49:6). Этот Свет есть внутреннее Евангелие, «которое проповедовали всем, живущим под небесами» (Кол. 1:23), утверждение очевидно противопоставляющее внешнее Евангелие. Павел, который не знал Христа «из плоти», был обращен внутренним Христом. Такая же возможность открыта каждому человеку. Павел несомненно считал, что Вечный Христос был известен задолго до

исторического Христа. Он говорит об израильтянах в их странствии по пустыне: «И все они пили один и тот же духовный напиток, ибо пили они из духовной Скалы, сопровождавшей их, и Скала эта была – Христос» (1Кор. 10:4).

На возражение противников, что «нет другого имени под небесами, данного людям, через которое мы можем спастись» (Деян. 4:12), Баркли отвечает: «Я признаю, что нет другого имени, через которое мы можем спастись, но спасение заключается не в книжном знании, а в знании, полученном через опыт». Он продолжает, утверждая, что многие люди, которые никогда не слышали об историческом Христе, имели опыт познания Внутреннего Христа. Уильям Пенн идет дальше всех в защите этой доктрины, которую иногда называли «языческой божественностью». Работу «Советы», предназначенную для своих детей, Пенн заканчивает словами:

Этот благословенный принцип Вечного Слова... с помощью которого все было сотворено и человек был осведомлен о спасении, есть великий свет и соль эпох Пифагора, божественный разум Анаксагора, благой дух Сократа, непорожденный принцип и творец всего света Тимея, Гиеронов бог в человеке, вечный, невыразимый и совершенный принцип истины Платона, Зенонов создатель и отец всего, корень души Плотина, ... божественная сила и разум, непогрешимый, бессмертный закон в сознании людей, о котором говорит Филон, закон и живое правило ума, внутреннее руководство души и вечная основа добродетели, о которой говорит Плутарх.

Пенн считает, что, с пришествием Христа «Дух, который был более скромно распространен прежними произволениями, излился на все человечество».

Этот принцип всеобщности, несомненно, был заимствован не только из Писания, но и из восприимчивой чувствительности людей, которые не могли допустить мысли о том, что всякий человек должен быть осужден Богом любви из-за неизбежного незнания. Не были ли протестанты бессердечными и непоследовательными, приписывая грех Адама всем людям, хотя многие никогда и не слышали об Адаме, в то же время отказываясь приписать спасительную благодать Христа всем людям, когда многие никогда и не слышали о Христе? Квakerским авторам не составляло труда найти в дохристианских книгах множество высказываний о внутреннем, божественном водительстве и множество того, что свидетельствовало в пользу главных христианских добродетелей. Баркли цитирует Иустина Философа, Климента и Августина, чтобы показать, что они верили в существование дохристианского христианства. История очевидным образом показывает, что мера света, данная людям, была значительно увеличена после пришествия Христа. Но она также показывает, что великие люди древности не были лишены ее, и это можно установить из их трудов. То, что мы признаем в случае с теми, кто записал свои мысли, должно быть верным и по отношению к неграмотным верующим.

Это учение о всеобщности Света основывалось также на опыте общения квакеров с нехристианами. Иосия Коул пишет: «Оказалось, что эти индейцы большие трезвенники и относятся к нам по-христиански, более чем так называемые христиане». При обсуждении индейцев Фокс доказывал губернатору американской колонии, что индейцы обладают «Светом и Духом Божьим». Элизабет Ньюпорт в поездках к индейцам в резервацию Катарраугус пришла к выводу, что они делятся на «христиан» и «язычников». Она говорила, что «язычники верят в квакерское богослужение и водительство Духа, в то время как христиане ждут информации от миссионеров».

Библейское учение о Боге как Творце само по себе достаточно веско показывало всеобщность Его Света. В Библии есть два упоминания творения. В книге Бытия сказано: «Дух Божий носился над водою», а в начале Евангелия от Иоанна говорится о Слове, которым все сотворено. Это Слово есть Сам Бог как Творец. «Слово было у Бога, и Слово

было Бог». Как Творец, Бог также «Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Ин. 1:9).

Баркли называет его «квакерским текстом». Воспринимая главу в целом, даже в более современном переводе, этот стих по-прежнему можно использовать как защиту утверждения о всеобщности Света. Свет, который просвещает *всякого человека*, так как является источником созидания во Вселенной, пришел в этот мир в человеческом образе Иисуса Христа. Будет справедливым заметить, что богословие Общества Друзей по существу является Иоанновым богословием. Как Творец, Бог есть Дух, через который человек рождается снова, так что на самом деле новая жизнь создается в нем (Ин. 3:3). Но до пришествия Христа полная природа этого созидательного Слова не была известна. «Он был в мире, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал» (1:10). Затем Иоанн говорит (1:14): «Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины. Мы видели славу Его». Мировой процесс достиг своей цели, когда Слово полностью проявилось в человеческом существе, хотя оно с самого начала частично проявлялось в каждом акте творения.

Вечный Христос и исторический Иисус

Воспринимая Библию как целое, мы можем обнаружить три основных этапа в созидательном или эволюционном процессе, посредством которого Бог постепенно проявляет Себя. Когда «Дух Божий носился над водою», возник мир природы. Когда Бог вдохнул Свой Дух в Адама, возник человек. И когда «Слово стало плотью», там и тогда произошло новое изменение, новое устройство Духа, что подняло человека на более высокий уровень жизни. Следовательно, Христос есть большее, чем проявление сущности Бога; Он больше, чем учитель; больше, чем пример нам для подражания. Он является источником спасающей силы. История человечества с момента его прихода показывает, что всем, кто принял его, он дал «право стать детьми Божьими» (1:12).

Но даже до пришествия Христа Бог никогда не оставался незамеченным. Он явил себя в природе: «От сотворения мира ясно проявляется незримая извечная сила и божественность Бога, ибо все это видно в том, что создано Богом» (Рим. 1:20). Он явил себя в человеке, как показывают большие проникновения в Истину дохристианских философов и авторов Ветхого Завета. И наконец, как завершение этого длительного процесса возрастающего откровения и выхода новой созидательной Силы, Он явил себя в Иисусе Христе.

В значительной степени благодаря Евангелию от Иоанна и более поздним посланиям Павла, близким ему в своем богословии, Друзья разработали свои идеи о соотношении между Иисусом-человеком и Вечным Христом, Внутренним Светом, Богом, касающиеся созидательной деятельности, направленной на этот мир пространства и времени. Проблема, которая казалась настолько трудной для ранних христианских мыслителей и которая занимала лучшие богословские умы на протяжении более пяти столетий – как божественная природа и человеческая природа Иисуса существуют вместе в одном человеке? – не беспокоила первые поколения Общества Друзей. Они по своему опыту знали, как божественный Свет связан с их собственным человеческим сознанием. Они понимали, что соотношение между божественным Духом и человеческим разумом в Иисусе следует тому же принципу, с одним важным исключением: «сполна одарил Его Господь Духом Святым» (Ин. 3:34). Фокс цитирует этот стих в своем длинном письме, в котором отстаивает всеобщность Света. Это было так близко ранним квакерам, что они пришли к четко сформулированной теории о различиях природы Христа и их самих. Это была простая христология, базирующаяся на опыте. Из-за того, что они сами ощущали некую меру Духа, им было понятно, как можно ощущать Дух без меры, то есть полностью. Если бы они, подобно грекам, попытались думать в понятиях метафизической сущности, то столкнулись бы с теми же трудностями, что и ранние христианские богословы, которые находились под греческим влиянием. Как могут две различные сущности – божественная и человеческая –

пребывать вместе в одном человеке? Но, как и иудеи, квакеры думали в понятиях воли. Они по опыту знали, что иногда их собственная воля объединялась с Божьей волей, но бывало, что их воля и противоречила Божьей воле. От такого восприятия не трудно было перейти к осознанию того, что воля Иисуса была полностью Божьей волей, – не параллельной Божьей воле, а самой Божьей волей.

Иисус был полностью человеком, он «был искушаем подобно нам», в противном случае воплощение было бы видимостью, а не реальностью. Он также был полностью Богом, потому что сопротивлялся искушениям и разрешал божественному Духу полностью владеть им. Свет является единым. Он не делится так, что одна его часть находится в одной личности, а другая часть – в другой. Когда Свет полностью воссиял в Иисусе, его не убьют другие люди. Таким образом, можно сказать, что, поскольку Иисус обладал Светом сполна, он и был Свет. Внутренний Свет есть Внутренний Христос. Это не означает, что Иисус типологически отличается от других людей. Люди типологически не отличаются друг от друга. Каждый человек уникален. Это основная характерная черта человеческих существ как таковых. Уникальность Иисуса, согласно христианской вере, заключается в том, что он был высшим проявлением Бога на человеческом уровне. Так как Внутренний Свет – это Бог явивший Себя человеку, Иисус из Назарета был Богом, явившим Себя в истории. Без исторического откровения внутреннее откровение было бы неполным. Каждое откровение для своей полноты требует другого откровения. Бесконечное требует временного, а временное требует бесконечного.

Искушение

Слово или Свет, непрерывно исходящие от Бога с целью созидания в этом мире любого добра, сполна присутствуют во Христе и в определенной мере во всех людях. По этой причине квакеры не старались искать различия между Вечным Христом и историческим Иисусом. Часто бывает трудно сказать, о ком из них они говорят. Каждое событие имеет свое внутреннее и свое внешнее, свою вечную и свою преходящую стороны. То же самое можно сказать и о земной жизни Христа, включающей его жертву на кресте за грехи всего мира. Эта жертва имеет как временную, так и вечную значимость. Каждый аспект значимости является неполным без другого. Христос навсегда есть «Агнец закланный» в книге, «написанной еще до основания мира» (Откр. 13:8). В этом заключается сама природа Бога – вечно жертвовать собой ради своих детей, расплачиваясь за их грехи и получать их обратно к Себе, как отец в библейской притче получил своего блудного сына. Это происходило и до жертвы Иисуса, как изложено пророком Осией, который, беседуя с Яхве, говорит: «Я вел их [заблудших израильтян] узами любви» (Ос. 11:4).

Жертву Иисуса мы рассматриваем как временной поперечный срез в вечном процессе, явление во времени и пространстве Сути Бога, вечно распятого ради Своих детей. Эта жертва была принесена не просто для того, чтобы показать людям на земле путь к примирению с Богом, хотя и это было частью замысла. Это произошло как неотъемлемая часть всего вечного процесса.

Как показывает история, само по себе распятие обладает спасительной и искупительной силой. Как сквозь горнило доменной печи можно увидеть железо, расплавляемое для отливки в новые формы, так и распятие служит расселиной, через которую мы видим расплавленное ядро бытия. Там через боль и жертву отливается новая и более совершенная форма жизни.

Квакеры не разделяли понятие Ветхого Завета о жертве Христа как кровавом жертвоприношении, предложенном ради успокоения разгневанного Бога. Кровавое жертвоприношение, совершенное по закону Моисея, было для них внешней формой, принадлежащей к старой заповеди. Они считали, что слово «кровь» в Новом Завете используется метафорически, как фигура речи, естественная для культурного наследия

еврейского народа, но не как имеющее такое же значение для них самих. Для них более характерным было считать «Кровь Христа» Внутренним Светом в его искупительной и очищающей ипостаси.

В 1648 году, в начале своего служения Джордж Фокс пишет:

Вскоре после этого проходило еще одно большое собрание изображающих, и на него пришел капитан, которого звали Амор Стоддарт. Они рассуждали о крови Христа. И пока они рассуждали об этом, я увидел, благодаря прямому открытию Невидимого Духа кровь Христа. И я вскрикнул среди них и сказал: «Разве вы не видите кровь Христа? Увидьте ее в ваших сердцах, чтобы отмыть ваши сердца и вашу совесть от мертвых дел, для служения Богу живому?» Ибо я видел ее, кровь Нового Завета, как она поступила в сердце. Это поразило изображающих, которые представляли кровь только вне себя, а не в себе.

Это обычное квакерское фокусирование на внутренней жизни, а не на внешнем событии.

В своих письмах Фокс иногда называет Внутренний Свет «кровью», особенно когда говорит о нем как об очищающей силе. После упоминания Света как Источника Воды, «который орошает растения и заставляет их возрастать в Господе, от которого происходят чистые живые Источники», он продолжает говорить о другом его назначении:

И вот вода, которая является свидетелем на земле, которая омывает; и вот приходит Дух, которого познают, Свидетель, который крестит, и Свидетель, Кровь которого очищает. [П. 155, 1657]

Свет, как кровь, тоже есть жизнь.

И сейчас, вы собраны во имя Иисуса, ... чьей крови вы приобщились, да, даже божественного человека, которая является его жизнью. [П. 279, 1670]

Это сопоставление крови и жизни указывает на то, что мы возрождены не столько смертью Христа, сколько его жизнью в наших сердцах. Здесь мы возможно имеем ключ к пониманию того, что имел в виду Христос, когда сказал на Тайной Вечере: «сия чаша есть новый завет в Моей Крови» (1Кор. 11:25). Упоминание о новом завете напоминает апостолам о ветхом завете, который, как они, будучи евреями, хорошо знали, есть соглашение между Яхве и Израилем в пустыне Синайской. Здесь был заключен договор, по которому народ Израиля признал Яхве своим Богом, а Яхве признал Израиль Своим народом. Это соглашение было скреплено Моисеем и стало вечным ритуалом (Исх. 24). Народ стоял перед жертвенником Господа. Животные были закланы, а их кровь влита в чаши. Частью крови окропили жертвенник, а другой частью окропили народ со словами: «Вот кровь завета».

В своем символическом значении кровь представляла жизнь (Лев. 17:11,14). Две части ранее независимые друг от друга были объединены в единый живой организм, используя ту же кровь или жизнь. Таким образом, между Яхве и Израилем устанавливается кровное родство, как внутри племени или семьи. Чтобы скрепить эти отношения, была принесена в жертву жизнь живого существа, дабы его кровь, вливая в других, смогла объединить их в одну жизнь. Другие семитские племена чувствовали себя соединенными со своими божествами родственными узами. Эти народы не были выбраны своим богом и не выбирали его. В случае с Израилем такой союз был осознанным выбором, скрепленным кровью третьей жизни для установления органичной связи.

Иисус, зная, что завтра прольется его собственная кровь, упоминает предсказанную Иеремией (Иер. 31:31) кровь нового завета, который будет записан в сердцах. Что может быть

естественнее этого? Как и кровь старого завета, его кровь создаст живую связь между Богом и человеком. Его кровь должна была стать той третьей жизнью, которая преодолела бы разрыв между божественным и человеческим, покончила бы с изоляцией и отчуждением человеческой личности. Это должно было стать сложением в одно, соединением того, что было разделенным.

Павел пишет: «А теперь во Христе Иисусе вы, бывшие некогда далеко, стали близки в крови Христа, ибо Он есть мир наш, сделавший из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду вражды» (Еф. 2:13,14). Это миротворческая и объединяющая сила Вечного Христа, Света Мира, единственного Христа, который известен Павлу.

И более детально: «Бог есть свет... Если мы ходим во Свете, подобно как Он во свете, то имеем общение друг с другом, и кровь Иисуса, Сына Его, очищает нас от всякого греха» (1Иоан. 1:5,7). Этот стих может показаться *нелогичным заключением*. Какова связь между Светом, общением и кровью? Но если мы отождествим кровь и жизнь, как это делали евреи, смысл становится ясным. Общение, созданное Светом или Жизнью (Иоанн отождествляет их, Ин. 1:4), которое подобно жизни агнца, принесенного в жертву Моисеем, есть третья жизнь, объединяющая две разделенные жизни в одну. Внутренний Свет не только соединяет человека с Богом, но и объединяет людей друг с другом в духовное сообщество, что, как мы уже видели, ясно выражено в посланиях Джорджа Фокса.

По этой же причине редко можно услышать, как Друзья упоминают объединяющую силу Света, не указывая при этом то, что она соединяет их и с Богом, и друг с другом. «Это тот цемент, – говорит Баркли, – посредством которого мы соединены как с Господом, так и друг с другом».

Джон Бернит пишет об «открытиях той силы, которая каждодневно была среди нас и милостиво созидала в наших сердцах, которая до сих пор все больше и больше соединяет нас с Богом и связывает нас вместе в совершенных узах любви, братства и принадлежности к общности, так что мы стали единой группой». Единение с Богом становится единением людей друг с другом, побеги становятся единым Виноградником, а молитва Христа исполняет то, «что все они могут быть едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они также могут быть в нас» (Ин. 17:21).

Ответственность человека за добро и зло

Двумя важными религиозными доктринами квакеры отличались от своих протестантских оппонентов и были ближе к католикам. Они считали, что праведность не может быть заранее придана человеку Богом, если человек не является праведным по собственной сути. Протестанты же считали, что Бог, благодаря жертве Христа, мог заранее придать праведность Христа человеку, даже если тот продолжал грешить. Квакеры также верили, что совершенство и свобода от греха были возможны и в этом мире, в то время как протестанты считали, что все люди, даже святые, продолжают грешить «мыслью, словом и делом». Эти две доктрины по-прежнему являются предметом острой религиозной полемики, и отношение к ним влечет важные практические последствия.

Католицизм был доиндивидуальной религией, существовавшей задолго до эпохи Возрождения с ее тенденциями индивидуализма. Согласно такой религии жизни разных людей, тесно связанных друг с другом, могут отвечать за правоту и вину друг друга примерно таким же образом, как голова страдает из-за огрехов желудка или извлекает пользу благодаря его хорошей работе. Эта концепция, базирующаяся на тесной взаимосвязи людей в родовом обществе, характерна для всех ранних религий, включая религию иудеев вплоть до времени вавилонского пленения. В католической доктрине член Церкви обладает и ее сверхъестественной праведностью и ее запасом благодати, накопленными в частности

благодаря страданиям и смертью Христа, а также благодаря всем мученикам, молитвам и покаяниями всех праведников за все столетия. Соответственно, человек, который по роду своих жизненных обязанностей должен участвовать в том, что есть зло, например, солдат, вынужденный убивать, может восполнить личный недостаток добродетели через накопленную добродетель Церкви. Это не заранее установленная добродетель, а настоящая добродетель, влияющая на человека внутренне через его органичные отношения с Церковью, и через Церковь – с Христом.

Но протестантизм покончил с этой органичной взаимосвязанностью и заменил ее на индивидуалистическую, почти механистическую, концепцию. Не случайно, что протестантизм и современная механистическая наука возникли в одно и то же время. Вмененная (заранее приданная) праведность признавалась единственно возможным средством спасения для грешника. Так как на этой порочной и греховной земле более не было запаса праведности, который мог бы помочь грешнику, он должен был получать свою праведность посредством сверхъестественной операции. Это предусматривалось в рамках действия, случившегося давным-давно, и на которое человек, как личность, не мог никак повлиять. Поскольку эта операция была для него внешней, она не влияла на него внутренне. Даже готовность принять ее в качестве средства спасения шла извне, в качестве дара благодати. Однако, Бог мог посчитать человека хорошим, подобно тому, как судья может освободить от наказания за преступление, оставляя преступника таким же по сути преступником, каким он был ранее.

Квакеры возродили католический принцип взаимосвязанности, но на другой основе. Как показывает Баркли, человек, соединяя себя не с Церковью, а с Вечным Христом, опосредовано принимал Божью добродетель и Его страдания за грехи. Чтобы быть эффективной, как в свое время в Иудее, вся работа по искуплению должна повторяться в каждом человеческом сердце. Человек должен быть распят со Христом, как сказал Павел, и воскреснуть со Христом ради обновления жизни. Через это человек мог бы получить и незаслуженную добродетель, но это было бы настоящее внутреннее качество, а не заранее предрешенная добродетель, которая может даже попустительствовать появлению дальнейших грехов.

Ветхий Завет заканчивается тупиком. Он не может ответить на вопрос, почему праведники страдают. Медленно, в течение тысячи лет религиозное понимание иудеев становится все четче, до тех пор, пока Яхве, прежде известный как примитивный племенной бог войны, не осознается абсолютным правителем вселенной. И тогда Божество, которое в прежние времена являлось в виде Бога, ревнующего к другим богам, смогло сказать устами своего пророка, второго Исаии, народу в изгнании: «Я Господь, и нет иного. Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия» (Ис. 45:6,7). Здесь религия древнего Израиля достигает своего апогея. Возвышение Божества не может развиваться дальше.

Израиль вернулся из пленения, но не к свободе. Им правили и его преследовали персы, греки и римляне. Пророк, провидец и священник вопрошали: «Как такое может быть, когда Бог справедлив и всемогущ?» В книге Иова решение проблемы находится вне ограниченного человеческого разума, хотя чувствуется, что все это как-то происходит в бесконечной мудрости Бога. Автор Экклезиаста впадает в пессимизм. Автор книги пророка Даниила пророчествует, что Бог навлечет катастрофическое происшествие, через которое те, кто страдает незаслуженно, получат воздаяние. Но и это не отвечает на отчаянный крик души: «Почему ты заставил меня страдать?»

Ответ достигается с помощью одного из тех странных движений истории по спирали, через которое человек возвращается к более ранней вере, но на новом, более высоком уровне. Примитивная система с жертвоприношениями Израиля была построена на доктрине, подразумевавшей то, что за грехи народа может быть предложена и принята невинная

жертва. Случай с попыткой Авраама принести в жертву Исаака указывает на то, что эта жертва, которая когда-то была первенцем, теперь заменяется на символическое приношение. Для древнего Израиля такие искупительные страдания казались разумными. Людям того времени еще не свойственно применять индивидуальный подход. Для них вся жизнь кажется сплетенной в жизненной цельности. Но Израиль становился все более цивилизованным, и его племенное братство на крови исчезало. Вместо него мы видим множество отдельных лиц. Теперь, как заявили Иеремия и Иезекииль, каждый человек должен страдать за свой собственный грех. «Душа согрешающая та умрет» (Иез. 18:20). На такой индивидуальной основе проблема страдания неразрешима. Иов был прав. Нет причин, почему праведный человек должен быть невинной жертвой, страдающей за грехи других.

В Новом Завете древняя драма с жертвоприношениями разыгрывается вновь, теперь не в обстановке племенного общества, а в мировых масштабах. Сын Божий предлагает Себя за грехи всего мира. Для современного индивидуалистического мышления такая доктрина оказывается невероятной, возможно даже абсурдной, или же она механически истолковывается в рамках некоей строгой правовой схемы, согласно которой Христос позволяет разгневанному Богу наказать Себя вместо человека. Но для тех, кто приходит к осознанию единства всей жизни в Боге, доктрина Искупления полна смысла. Потому что Он сделал Себя единым с ними, Бог непременно должен пострадать за грехи человеческие. Племенная концепция взаимосвязанности жизни в племени заменяется учением о том, что вся жизнь едина в Боге, чьи страдания за грехи являются искупительными и созидательными.

Но не все страдания искупительные и созидательные. Боль, потеря и нужда могут быть унижающими и разрушительными. Как это было у одного из трех, висевших на крестах у Иерусалима. Но у Другого было воскресение и новое воплощение в Его церкви. Так что все страдания жертвенны, поскольку они становятся едиными со страданиями Вечного Христа, стремящегося привести человечество к жизнеутверждающему и духовно родственному состоянию.

Являются ли страдания нашего времени искупительными и созидательными? Когда Авигея встретила отверженца Давида, она сказала: «Душа господина моего будет завязана в узле жизни у Господа Бога твоего, а душу врагов твоих бросит Он как бы пращою» (I Цар. 25:29). Этот «узел жизни» у Бога тогда не включал в себя врагов. Но в Новом Завете в него включены уже и враги. Даже самаритяне, у которых существовала межнациональная напряженность с израильтянами, Иисусом были отмечены как соседи, которых мы должны любить, как самих себя. Если сегодня страдания мира существуют для созидания и с целью искупления, они должны быть ради всех без исключения. Поэтому именно в день распятия сила воскресения распространилась среди рода людского.

Достижение совершенства

Квакеры полагают, что этот процесс искупления и обновления иногда может продвигаться настолько, что полностью освобождает человека от греха, и тот оказывается, по крайней мере временно, в состоянии совершенства. Легко соскользнуть к неверной интерпретации этой доктрины. Совершенство не является статическим состоянием самодовольства. Оно не только обеспечивает рост, оно требует роста. Разве Христос не возрел в премудрости и теле (Луки 2:52)? Как пишет Баркли, совершенный мальчик может стать совершенным мужчиной, и он не является совершенным мальчиком, если не находится на пути к тому, чтобы стать взрослым мужчиной. Согласно притче человек, владевший одним талантом, был ближе к совершенству, чем человек, владевший пятью, потому что его талант рос за счет процентов. Совершенство означает просто жить в меру дарованного нам света (нашего таланта), и если мы будем верны этому, нам будет дано больше. Джоб Скотт пишет в своем «Дневнике»: «Если мы достигаем всего, на что мы способны, мы совершенны; ибо ничего, что мы не можем, наш Бог ... не требует». Эта доктрина очень важна, поскольку делает

достижимым внутреннее состояние мира и спокойствия, даже в этом несовершенном мире – при условии, что человек в полной мере использует разнообразные таланты, имеющиеся у него. Протестанта того времени постоянно терзало внутреннее чувство вины и первородного греха. Его жизнь была чередой выборов между грехами. В сущности, такую же позицию занимают некоторые видные теологи и сегодня. Они правы, считая, что мы естественным образом присоединены к порочному обществу, но это не делает все наши поступки порочными. Мы также естественным образом присоединены к Вечному Добру.

Для квакеров доктрина того, что полная свобода от греха невозможна, была чистым поражением. Джордж Фокс в полемике с теми, кто «защищал учение о грехе», сказал: «Если ваша вера в Бога истинна, это даст вам победу над грехом и дьяволом и очистит ваши сердца и совесть». Тем, кто говорил: «Мы всегда должны бороться», он ответил: «Это грустный и безутешный вид стремления к борьбе против убеждений, которые мы никогда не сможем преодолеть». В «Первых глашатаях Истины» мы видим запись о том, что индипенденты, обнаружив невозможность существования счастья и мира в жизни, «сдались и сели смиренно». Конечно, состояние «совершенства» по мнению квакеров можно и утратить, а не только получить.

Наличие внутреннего мира было для квакеров главной проверкой правильной ориентации. Это не имело ничего общего с результатами действия. Результат был в руках Божьих. Мир приходит к тому, кто живет согласно божественным предписаниям, даже если эти предписания не могут поначалу принести особо многого. Там, где нет страха неудачи и нет чувства сделки с совестью, там душа пребывает в мире. Человек может пребывать со внутренней свободой и покоем, даже если Бог налагает на него бремя мирских страданий. Человек может, как часто Фокс пишет в своих посланиях, «держат голову над водами, ... которые штормит», даже если остальная часть его тела погружена в бурлящую пучину.

Каждый вдумчивый человек сталкивается с проблемой стойкости и компромисса. Солдат ощущает себя вынужденным делать многое, что противоречит моральному кодексу, который он впитал с детства. Пацифист чувствует, что не может выпутаться из всего, что связывает его с войной. Им обоим нелегко. У обоих возникает чувство разочарования и поражения.

Проблему можно сформулировать следующим образом: «Следует ли человеку стараться жить согласно самым высоким из известных ему стандартам, прямо встречая вероятность их неосуществимости?» или же «Следует ли ему направлять свои усилия к достижению более приземленной цели с некоторой вероятностью ее достижения?» Большинство людей принимают второй вариант, полагая, что небольшая прибыль лучше, чем вообще ничего.

Тем не менее, выбирая более приземленный и более достижимый стандарт, некоторые оставляют в своей жизни какое-то место для сохранения уважения к самому высокому. Это особенно верно в отношении приверженцев великих религиозных конфессий, которые все начинали с отрицания компромиссов, однако по мере роста численности и разнообразия своих членов постепенно пришли к их принятию. Но даже в этом случае они пытались сберечь способ, с помощью которого можно было бы сохранить стойкость, несмотря на позицию, в целом приемлющую компромиссы.

В католической церкви есть свои священники, монахи и монахини, которые стремятся буквально выполнять заповеди Христа, касающиеся ненависти, борьбы, любви к собственности. Их заслуги помогают в искуплении грехов тех, кто вовлечен в компромиссы. Исторически протестантизм считал, что в этом мире все грешны, но через чудо благодати будет достигнуто совершенство, по крайней мере некоторыми и в дальнейшем. Индуистский взгляд на жизнь терпим к компромиссам на ранних стадиях существования человека. После того, как он выполнил свои обязанности домохозяина, в старости он может перейти к отчужденности от мира, что открывает путь к конечной цели. Буддисты допускают

компромиссы из-за невежества человека, но когда-нибудь в будущем воплощении каждый человек достигнет просветления. Это изложение является слишком кратким для верного отображения существующей картины, но и оно показывает, что ни одна из великих религий в вопросе о компромиссах полностью не сдалась.

Квакерам приписывают склонность к утопизму и называют перфекционистами, потому что они не ограничивают освобождение от ненависти и вражды каким-то особым классом профессионалов или будущим состоянием в этой или в следующей жизни. Они, действительно, перфекционисты в том смысле, что считают для каждого человека возможным и должным быть полностью послушным воле Бога, когда она проявляется внутренне. Но даже такое полное послушание не означает, что цель жизни уже достигнута. Божественный Свет является первопричиной роста. В этом Свете совершенное семя вырастает в совершенный росток, который, в свою очередь, развивается и становится совершенным растением. Компромисс же заключается в умышленной небрежности при выборе действий, соответствующих наилучшим образцам.

Грехопадение

История о грехопадении принадлежит к тому классу мифов, которые отображают в весьма символической форме подлинные явления в истории человечества.

Ранние Друзья находились под влиянием учения о грехопадении, но, как это было в случае с католиками, грехопадение они не считали столь полным, как это было у кальвинистов. Человек не был абсолютно падшим существом. В нем еще осталось божественное Семя, которое в конце концов размоет змею голову (Быт. 3:15). Несмотря на то, что фигуры речи могут легко ввести в заблуждение, иногда у нас не остается другого выхода, кроме как воспользоваться ими. Вероятно, распространенным пониманием учения о Внутреннем Свете было таковое: божественный Свет, сияющий внутри, появился извне человека, и благодаря ему божественное Семя в человеке прорастает и растет дальше. Семя будет расти, если оно не слишком сильно угнетено твердой землей. Но землю можно вспахать и орошать проповедью Истины, богослужениями и молитвами. «Естественный» человек, как и все другое естественное, является творением Бога. Однако, как бы низко он ни пал, в нем остается что-то от того божественного Слова, с помощью которого все было создано и создается.

Баркли считает, что нисхождение человека от сверхчеловеческого состояния к человеческому можно частично понять, если сравнивать его с дальнейшим падением – от человеческого состояния к состоянию, недостойному человека. В первом случае человек нисходит от жизни в Духе к зависимости от закона и разума, а во втором случае опускается с зависимости от закона и разума к состоянию чувственной страсти. Баркли различает три сферы:

Как ничто, стоящее ниже духа человека (например, дух скотов или любых других существ) не может правильным образом достичь или постичь человеческое, ибо человек – существо более высокой природы, так не может дух человека, природного человека, ни получить, ни различить Божественное.

Мы верим, что тот просвещенный разум, который подчиняется и следует за этим истинным светом, может быть полезным для человека даже в духовной жизни, хотя он по-прежнему подчинен и принадлежит другой сфере. Так и животная жизнь в человеке, регулируемая и направляемая его разумом, помогает ему следовать тому, что рационально.

Это подводит нас к сути квакерской теологии, как произрастающей из реального опыта. Человек оказывается в сумеречной зоне разума, балансирует между двумя мирами – верхним

миром Света и нижним миром Тьмы, духовным миром сверхъестественного и материальным миром дочеловеческого. Он волен располагать свою жизнь в одной из трех сфер: он может жить согласно Свету, он может жить своим человеческим разумом, или же он может отдаться на милость своим чувственным вожеланиям. Его тело принадлежит животному миру, его ум рационален, а Внутренний Свет внутри него является божественным. Он никогда не бывает свободен от этих трех компонентов, хотя они настолько тесно связаны между собой, что между ними невозможно провести четкие границы. Многое зависит от того, как они соотносятся между собой. Свет Истины должен направлять разуму, а разум должен помогать инстинктам правильно упорядочивать жизнь. Это простая эмпирическая теология, но в ней обобщается большая часть идей ранних квакеров. Дальнейшее ее рассмотрение будет в заключительной главе.

Отношение божественного и человеческого

Квакеры не считали для себя особенно важным заниматься интерпретацией метафизических отношений между Богом и человеком. Эти отношения скорее ощущались, чем понимались. Однако на этот счет существовали вариации идей и взглядов, которые имели важные последствия для квакерской истории. Квакерский квиетизм, конфликты и разногласия XIX века, революция в квакерской мысли, произошедшая в начале XX века – все это прямо или косвенно связано с данной темой.

К началу XX века почти все квакерские авторы были критично настроены к «Апологии» Баркли, которая в то время являлась практически основным выражением характера квакерской мысли. Например, Уильям Чарльз Брейтуэйт во «Втором периоде квакерства» обвиняет Баркли в дуализме, в том, что он слишком резко отделяет Свет, как божественное, и человеческий разум, как природное. Это, говорит он, не только делает необъяснимым соединение божественного и человеческого во Христе, но и не оставляет никаких следов добродетели в человеке, с помощью которой он может стремиться к Богу. По словам Баркли человек после грехопадения Адама является «естественным» и порочным. Все, что он может делать – лишь пассивно ждать появления Света, который является совершенно посторонним, и не противиться ему, когда он явился. В такой системе человек не играет реальной роли в своем спасении. У него есть лишь пассивная функция – не противиться спасительной силе Света.

Такое резкое разделение божественного и человеческого Брейтуэйт приписывает кальвинистскому влиянию на Баркли, который вырос в атмосфере шотландского пресвитерианства. Он утверждает, что это стало одной из причин позднейшего упадка квакерства, ибо привело квакеров скорее к ожиданию божественного водительства, чем активному стремлению к нему. Брейтуэйт говорит, что сегодня мы рассматриваем божественное и человеческое, как близкие друг другу понятия. «Мы стремимся выразить истину в понятиях жизни, объединенной в Боге». «Духовное имеет право на существование в нашей природе». «Может показаться, что сейчас голубые небеса жизни в широком смысле находятся вне пределов нашей досягаемости, но мы чувствуем, как их воздух касается наших лиц».

Здесь перед нами встает фундаментальный вопрос, который часто обсуждался на протяжении христианской истории. Впервые он появляется при разногласиях между греческой и латинской формами христианства, и в наши дни вновь затрагивается в дискуссиях между либеральной теологией, находящейся под влиянием гегельянства, и различными формами неокальвинизма или бартианства. В другой форме он появляется в долгой и нескончаемой философской дискуссии между теми, кто рассматривает вселенную с точки зрения внутренних органичных отношений, и тех, кто рассматривает ее с точки зрения внешних механистических отношений. Для первых божественное является существенным внутренним элементом в человеке, составной частью человеческой личности. Для вторых божественное и

человеческое полностью отделены, хотя и способны взаимодействовать, как это бывало, вовне.

Если бы дуализм «естественного» человека и Света был столь абсолютным, как это иногда проявляется у Баркли, то у людей едва ли хватало бы добродетели даже для принятия Света. Тем не менее, у Баркли различие является скорее моральным и практическим, чем метафизическим. В начале своего религиозного пути человек должен рассматривать Бога как нечто совершенно постороннее. Если человек не приходит к пониманию того, что сам он духовно не возрожденный, то он не может возродиться в высшей форме жизни. Первой функцией Света, как на то часто указывает Фокс, является выявление греха. Человек, думая о своей схожести с Богом, может настолько возгордиться, оценивая себя, что никогда не станет стремиться к духовному возрождению. Однако дуализм Баркли носит временный характер. Он может быть преодолен. Свет, который на первый взгляд кажется внешним, может в конечном итоге войти в гармонию с человеческой волей для подлинно органичного единения с Богом.

Критики Баркли принимают его фигуры речи слишком буквально. Альфред Нив Брейшоу говорит применительно к «Апологии» (курсив его): «Этот Принцип или Свет в человеке сравнивали со свечой в светильнике, горящей некоторое время, *но остающейся в своей главной сути неизменной*». Руфус Джонс применительно к «Апологии» говорит: «Сверхъестественное Семя лежит как “реальная сущность”, спрятанная и дремлющая в природной душе, как очищенное зерно лежит в бесплодной каменистой почве». Светильник – это механистический образ, который не полностью применим к живому организму, но он действительно помогает проиллюстрировать разницу между Светом и совестью, сравнивая ее со светильником. Образ Семени, вероятно, взят из притчи о Сеятеле. Семя Царства может лежать в такой каменистой почве, что никогда не выпустит корней, но оно также может лежать в плодородной почве и прорасти. Баркли говорит, что оно лежит «во множестве» в каменистой почве, подразумевая, что порой оно может лежать где угодно.

«Апология» Баркли была написана в основном для опровержения учения кальвинизма и особенно «Вестминстерского исповедания». Автор идет на уступки своим оппонентам для нахождения общей почвы, чтобы, отталкиваясь от нее, одолеть их. Но экстернализму кальвинистской теории не находится места в интернализме квакерства Баркли. Баркли выступает против доктрины об предопределении, в которой говорится о грехе перед Богом. Человек – существо «природное», или «естественное», в противоположность «сверхъестественному» (к счастью, эти слова мало употребляются сегодня), но он способен сделать выбор – принять или не принять «сверхъестественное». Если он принимает, дуализм Бога и человека преодолевается и его конечным результатом становится единение, или единство. Таким образом, Баркли говорит о возможности стать единым с Семенем; «единение» является «способом бытия Христа в святых», но не Его пребывание во всех людях:

Человек подвергается влиянию, и в нем возникает воля, благодаря которой он приходит к тому, что действует совместно с благодатью; ибо, согласно (доктрине) Августина: «Тот, кто сотворил нас без нас, не спасет нас без нас».

Это также приводит к тому, что передача благодати от Христа к нам, благодаря которой мы соделаемся участниками Божеского естества, словами Петра (2Пет. 1:4), и становимся едины с ним, как ветви с виноградной лозой, и имеем основание и право на то, что он делал, пострадав за нас. Поэтому его смирение становится нашим, его праведность – наша, его смерть и страдания – наши.

Это сильно отличается от кальвинизма, который выставляет человека столь порочным и до такой степени далеким от всего божественного, что он полностью зависит от внешних

действий по его возрождению.

Фундаментальный вопрос «Является ли человек по своей природе в единстве с Богом или же он достигает единства в качестве цели долгого восхождения по мистической лестнице к совершенству?» имеет важные последствия в плане поведения. Некоторые полагают, что «деятельность с Божественным Присутствием» возможна всегда при условии простого понимания нами, что Бог постоянно в нас и вокруг нас. Это называется «таинством жизни». В соответствии с этой точкой зрения каждое действие по-настоящему священо, и нам нужно просто осознать этот факт, потому что для нас это может быть полезным. Согласно этой точке зрения нет никакой разницы между религиозным и светским; небольшая разница появляется только из-за нашего непонимания сути. Другая точка зрения гласит, что непрерывная деятельность с Божественным Присутствием является труднодоступным достижением и становится возможной только для праведников после длительного периода подготовки посредством духовных упражнений. Хорошо известный случай брата Лоуренса, который чувствовал на кухне ту же степень Божьей близости, что и в присутствии святых таинств, объясняется тем фактом, что он достиг такого состояния жизнью, наполненной поисками и усилиями. Жизнь целиком может быть таинством, но это является целью духовного пути, а не одним из этапов пути. В соответствии с первой точкой зрения религиозное доводится до уровня светского. Согласно второму мнению светское медленно и с усилием поднимается до уровня религиозного. Квакеры по большей части придерживаются второй точки зрения. Все те авторы «Дневников», которые пишут на основании непосредственного опыта, прошли с борьбой от тьмы к миру Света. Они никогда не оставались целиком и постоянно в Свете. Они испытывают периоды отступлений. Тем не менее, на протяжении большей части своей жизни, когда большими усилиями воли им удается приглушить эгоцентричные желания, у них есть непрерывное осознание направляющей руки Бога.

В истории христианской мысли расхождения в ответах на проблему отношений человека с Богом возникают не только из-за психологических различий в людях. Они присущи и двум корням христианства – религии иудеев и греческой философии. Христианство возникло в Палестине. Оно быстро распространилось в греко-римском мире, впитав многое из модели мышления, восходящей к Платону. Это проявляется в Новом Завете. Синоптические Евангелия написаны древними иудеями, и их характер сильно этический. Прежде всего предметом их интереса является хорошее деяние. В писаниях Павла и Иоанна, хотя и в них отчетливо проявлена древняя иудейская традиция, сильно выражено влияние греческой мысли и стремление к большей степени понимания философского и богословского значения Воплощения. В иудейской религии отношения между Богом и человеком подобны отношениям между двумя людьми, конечно, разделенными в пространстве и времени. Но иногда Дух Божий может нисходить на человека, чтобы донести через него особое послание другим людям. Такой человек становится пророком, передающим то, что говорит Бог. Это явление божественного в человеке носит временный характер. Оно происходит для выполнения определенной божественной цели. Порой пророк говорит сам от себя. Дух может сойти на любого человека в любое время. Человек должен большей частью заботливо готовиться к таким случаям, не зная, в какой момент они могут произойти.

В греческой философии того типа, который мы здесь рассматриваем, единство Бога и человека – не временный ритуал для выполнения конкретной цели, а продолжающееся состояние и результат самой природы человеческого существования. Грех человека заключается в игнорировании этого единства; достоинство человека заключается в его претворении в жизнь. Бог есть основа и источник всего сущего. Если искать, его всегда можно найти в глубинах души. Бог – это вечная добродетель, все остальное – зло. Бог – это вечная подлинность, все остальное – видимость.

В концепции древнееврейской мысли человек спасаем действием; в концепции греческой он

спасаем существованием. У иудеев целью является послушание божественной воле; у греков цель – правильное знание: «Вы познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32). Иудеи, следовательно, стремятся к изменению воли; греки – к изменению природы. Если древнееврейская концепция подчеркивает важность действия по послушанию воле Божьей в этом мире, то греческая подчеркивает важность размышления и ухода из этого мира, как дороги к вечной жизни. Для иудеев единство с Богом происходит от действия Бога Творца во времени; для греков единство с Богом – вневременной факт, который нужно понять как вечную Истину. Для иудеев совершенное богочеловеческое общество, Царство Божие, наступит в определенное время в истории человечества в этом мире; для греков – это Царство уже есть в наших сердцах в мире духовном, отличном от нашего материального существования. В древнееврейской концепции Воплощение – это чудо. Его нельзя понять. В греческой – это естественная и неизбежная кульминация долгого процесса божественного откровения. У иудеев Мессия появляется в истории для введения нового социального порядка; у греков Сын Божий вечно рождается и стремится постоянно воплотиться вопреки сопротивлению плоти. С точки зрения иудеев вдохновение случается время от времени и его нужно ждать; с точки зрения греков вдохновение непрерывно и его следует искать. Для иудеев зло реально и происходит из-за действий лиц, отвергающих Бога; для греков зло менее реально, чем добро, и происходит от природы более низменного мира чувственных желаний в противоположность высшему миру духовной жизни. Для иудеев религия – явление посюстороннее; для греков – потустороннее.

Это сравнение можно продолжать и далее – тема обширна, но, вероятно, достаточно было сказано для того, чтобы указать на характер этих двух различных источников христианской мысли. Христианский теолог, ограничивая себя одним из них, мог прийти к довольно последовательной системе богословия. Тем не менее, возникают трудности, когда, как в случае с Павлом, в какой-то степени следуют им обоим. В целом же и со многими исключениями можно сказать, что католицизм склоняется к греческой концепции, а протестантизм – к древнееврейской. Платон и Аристотель оказали сильное влияние на религиозную мысль католического средневековья. Богословие Фомы Аквинского, которое стало преобладающим в католицизме, тяготело к аристотелевской концепции. Протестантизм был попыткой вернуться к форме христианства, более близкой древнееврейской концепции. Лютер и Кальвин считали, что Платона и Аристотеля, как язычников, следует избегать и опровергать.

Можно сказать, что квакерство объединило эти две концепции, но без каких-либо попыток выработать последовательную систему. Различие между Сущностью и Тенью, Энергией и Формой, Реальностью и Обманом, проведенное Фоксом и Пеннингтоном, характерно скорее для греческой концепции. То же касается и учения о всеобщности Внутреннего Света, как важного элемента во всех человеческих существах. Слышимые на квакерских собраниях вразумления с призывами «сконцентрироваться», «углубиться» с целью поиска откровений Света в глубинах души, характерны для великих мистиков Церкви, которые следовали по пути, ранее изученному Платоном и Плотиним. Молчаливое ожидание в божественном присутствии на молитвенном собрании и культивирование созерцания и чувствительности к внутреннему водительство – это скорее греческое, чем иудейское.

С другой стороны, устное служение на квакерских собраниях имеет корни скорее в иудейской пророческой традиции, чем в греческом мистицизме. Первые квакеры считали себя пророками в иудейском смысле. Иногда они имитировали древнееврейских пророков словом и делом. Акцент квакеров на действии, как необходимом и неизбежном следствии внутреннего откровения, – это скорее иудейское, чем греческое. Квакеры сегодня известны скорее своими делами, чем глубиной духовной жизни; скорее действием, чем повседневным существованием. Для многих квакеров богослужение и созерцание ценны не сами по себе, а как средства для определения правильного действия.

То, что квакерство не выработало последовательную систему богословия, не является важной причиной для критики, поскольку в его происхождении заметно как греческое, так и иудейское влияние, заметна как созерцательная сторона, так и деятельная. Логическая последовательность скорее ведет к статичной системе идей, которая легко может превратиться в застывшее вероучение, привести к формальной проверке при принятии в церковное членство, к превращению в политическое движение. Логическая непоследовательность ведет скорее к росту, развитию, новым откровениям истины, которые приближаются к одной последовательной системе идей – Истине. Из-за того, что застывшее вероучение неприемлемо, незаменимым остается искренний поиск истины.

В квакерстве есть две взаимодействующие динамики – уход к внутреннему Источнику Истины и возвращение к активным действиям во внешнем мире. Первая по своему религиозному характеру – греческая, вторая – иудейская. Квакерство является одновременно и созерцательным и деятельным, метафизическим и этическим; не потому, что объединило эти два подхода в одну последовательную теоретическую систему, но потому, что объединило их через опыт.

ГЛАВА 4

Молитвенное собрание

За обнаружением Внутреннего Света последовали решительные и бескомпромиссные усилия, приводившие к действиям в соответствии с этим открытием. Они заключались в реализации уникального религиозного опыта квакеров, опыта революционного характера. То, что Бог открывает Себя непосредственно в человеке, принимается в большинстве ветвей христианства и в некоторых сектах всех религий мира. Квакерское собрание с его молчаливым ожиданием Господа доводит эту доктрину к ее логическому заключению. Если Бог открывает Себя, то богослужение не может быть меньшим, чем трепетное ожидание в Его Присутствии. Если Он говорит с человеком, то высочайшая привилегия для человека – слушать.

Центром католического богослужения является алтарь, протестантского – проповедь, для Общества Друзей же богослужение есть попытка сделать таким центром божественное Присутствие, проявляющееся внутри человека. В католической церкви алтарь расположен таким образом, чтобы стать центром богослужения; в типичной протестантской церкви внимание притягивает кафедра проповедника. В то же время в доме собраний Друзей нет видимой точки концентрации внимания; происходящее в нем богослужение направлено не на действия, не на слова других людей, а на внутреннее переживание собравшейся группы.

Эти три типа можно сравнить с тремя способами преподавания науки: лекционно-демонстрационным методом, лекционным методом и лабораторным методом. При лекционно-демонстрационном методе преподаватель предъявляет своим учащимся факты, которые ему хочется донести посредством выполнения экспериментов, в которых эти факты проиллюстрированы. Так и священник на алтаре не только говорит о божественном, но и являет божественное в виде Святых Даров внимающему собранию. При лекционном методе преподаватель с помощью слов излагает то, что хочет донести. Примерно в той же форме протестантский проповедник с помощью Писания, гимнов и проповеди возвещает природу божественного. Он скорее показывает путь к спасению, чем возвещает о факте спасения в данный момент. Священное иногда может присутствовать, но как дополнение. Основной целью является провозглашение Слова Божьего, как оно засвидетельствовано в Писании. В научной лаборатории студенту предоставляется возможность провести научные опыты.

Могут быть и обычно даются какие-то рекомендации, но для начинающих. В них предлагается способ достижения желаемого результата и говорится об ошибках, которых следует избегать. Более опытные студенты достигают результатов самостоятельно. У них могут быть успехи или неудачи. Они могут даже открыть что-то отличное от того, что предполагалось. Так и на квакерском собрании каждому человеку предоставляется возможность попробовать самостоятельно ощутить присутствие Бога. Посредством устного служения могут предлагаться какие-то рекомендации по способу получения этого опыта или озвучиваться предостережения насчет препятствий и трудностей, возникающих при его достижении, таких как грехи и искушения. Такие рекомендации – это знания *о чем-то*, но не те непосредственные знания и осведомленность, их участник богослужения должен постигнуть сам.

Те, кто работают в лаборатории, не всегда являются искателями-одиночками. Один может помогать другому, особенно если все они работают над общим проектом. То же происходит и на квакерском собрании – искатели, каждый из которых особая личность, не занимаются поисками независимо друг от друга. Их поиск – групповой, и в нем те, кто более опытен, помогают тем, кто еще не продвинулся так далеко.

Уход и возвращение

И хотя ни одна фигура речи не передает суть адекватно, образ научной лаборатории можно развить чуть дальше. Работник лаборатории уходит от рутинной повседневности этого мира для созерцания и ощущения основополагающих истин в небольшом помещении, укрытом от внешнего влияния. Возвращаясь из лаборатории, он применяет по отношению к внешнему миру обнаруженную им истину. Такая истина имеет свое собственное значение, не зависящее от практического применения. Теоретическая наука, или наука ради науки, всегда почиталась стоящим делом. Но как обильно иллюстрирует история, даже теоретическая наука рано или поздно становится прикладной или практической. Искатель отдаляется от мира, однако в конце концов возвращается в него, чтобы применить в житейских делах найденное.

Этот процесс *ухода и возвращения*, используя фразу из Арнольда Тойнби, характерен для жизни в целом. Если мы строим дом, нам время от времени приходится отвлекаться от процесса, мы изучаем план и возвращаемся с более полным осознанием желаемого результата. Если мы путешествуем, то иногда останавливаемся, чтобы внимательно изучить карту и убедиться в нашем понимании направления, а затем идем вперед с большей уверенностью.

Если действие – лишь действие и ничего более, оно становится бессмысленным. Из одного лишь действия рано или поздно возникнет чувство бесполезности, потому что действие как таковое, требует концентрации внимания на ограниченном поле. Но при концентрации внимания для действия отсекается внимание от всех остальных объектов. Таким образом, само действие может лишиться смысла, ибо смысл вытекает из соотношения одного объекта с другими, а также из отношения части к целому. Например, если рассматривать тычинки цветка сами по себе, это может иметь не много смысла. Их значение важно относительно цветка и, в более полном смысле, – всего растения. Действие по строительству кирпичного дома требует концентрации внимания на одном кирпиче в определенный момент времени, однако один кирпич сам по себе не несет большого смысла. Для того, чтобы этот кирпич приобрел значение, необходимо рассматривать стройку в целом. Чистое действие относится к части, которая не имеет смысла, если оторвана от целого. Только созерцание целого раскрывает смысл.

Именно по таким причинам, как эта, чувство бесполезности настолько широко распространено сегодня. В современной жизни принято акцентировать внимание на действии и еще раз действии. Но чтобы действовать, человек действия поневоле ограничил свое

внимание на такую малую часть пространства, что его действие становится почти бессмысленным. Рано или поздно он начинает задаваться вопросом, а стоит ли ему делать то, что он делает, ибо он не может определить свое отношение к целому. Жизнь, состоящую из чистого действия, можно сравнить с деятельностью человека на сборочной линии завода. Вся его ответственность возможно состоит в том, чтобы вворачивать один винт в каждую деталь, проходящую мимо. Так как он не видит собранную машину, его деятельность может стать для него бессмысленной. Малозначимость его поступка может ощущаться и тем, кто покупает это изделие целиком. Если это автомобиль, то человек может спокойно и естественно не замечать важности этапов его производства.

Как бесполезна жизнь, состоящая исключительно из действия, так и жизнь, состоящая исключительно из созерцания, в равной степени может быть бессмысленной. Строитель, который проводит свое время, разглядывая чертежи, путешественник, который только лишь смотрит на карты, музыкант, который раздумывает над партитурой, но никогда не дотрагивается до струн, – никто из них не осуществляет свободный выбор. Такой человек теряет свою свободу. Его всецело захватывает и подчиняет то, что он рассматривает. С одной стороны человек, проводящий время лишь в действии, теряет чувство ценности своего действия и становится механизмом. С другой стороны, тот, кто полностью поглощен источником или целью действия, перестает быть свободной личностью, потому что не делает выбор. Необходим как уход, так и возвращение; одного без другого недостаточно. Негативный опыт возвращает нас к источнику смысла и значения; положительный ведет вперед, к осуществлению осмысленного и появлению значимости в рутине жизни.

Поскольку в большинстве аспектов человеческой жизни присутствуют оба эти явления, нас не должно удивлять, что и то и другое обнаруживается в нашей религии. Богослужение можно рассматривать, как уход с целью ощутить божественный Источник ценности и смысла. Это – очищение эгоистичных желаний, чтобы найти Божью волю и повиноваться ей.

Удаляясь туда, где ощутимо присутствие Бога, человек стремится воспринимать итог, как его видит Бог. Пристрастие к его определенной части – к конкретной личности, нации, расе или классу – может быть преодолено путем общения с Отцом всего сущего. Даже пристрастие к частной собственности ослабевает благодаря знанию Того, кто владетель всего. Ненависть к обидчику может быть преодолена единением с волей Того, кто «посылает Его дождь на праведных и неправедных». Уходя от отдельных творений к Создателю всего сущего, мы можем поместить себя ближе к созидательному Сердцу Вселенной, Источнику из которого происходит все сущее. Подобно этому мы можем наблюдать различные действия человека и по ним судить о его характере, но мы не узнаем человека по-настоящему, пока не пообщаемся с ним о его сокровенном, об источнике его воли. Такое знание других людей достигается не силой мысли, а через любовь, ту любовь, которая стремится не владеть, но излиться.

Внешние механизмы и процедуры на собраниях Друзей ведут к культивированию этого ухода. На первый взгляд может показаться, что собрание возможно описать только через отрицание – нет алтаря, нет кафедры, нет проповеди, нет органа, нет хора, нет священных символов и нет кого-то, обладающего верховной властью. Нет внешнего объекта внимания, отвлекающего участника богослужения от разворота к самому себе и поиска в себе откровения Божественной воли. Что бы на богослужении ни проявлялось внешне, это должно быть прямым результатом того, что есть внутри – иначе это будет просто форма, не имеющая силы. Сначала должно быть обращение к источнику силы, а затем ответное появление силы. Такое чередование между уходом и возвращением никогда не бывает столь резким и полным, что одно состояние полностью исчезает при наступлении другого. По мере развития духовной жизни может получиться, что эти два состояния постепенно сливаются, пока в жизни наиболее опытных не становятся одним целым.

Друзья никогда не выступали против деятельности, но они выступали против того, что ими

называлось «тварной деятельностью», то есть, невдохновенной деятельностью, деятельностью, в основе которой не лежит божественная сила. Тварная деятельность – это выполнение формальности, или ритуала, который во время выполнения не является искренним выражением внутреннего состояния, или же это акт служения человеческому, который во время его выполнения не является результатом подлинного интереса.

История христианского мистицизма и еще в большей степени восточного мистицизма показывает, что наивысшее значение иногда приписывают уходу, как полному отрицанию, при котором отсутствует искушение влиться во внешний мир. Отшельник удалялся в пещеру. У него не было ни мирских благ, ни семьи, у него едва ли были плотские радости. Иногда плоть умерщвлялась для удержания ее в повиновении. Все подчинялось предположению о том, что созерцание Вечной Сущности, служащее опорой и поддержкой этому брэнному миру, является наивысшим опытом из всего доступного человеку. Ничто другое не бралось в расчет.

Есть некоторое сходство между квакерством и этой крайней формой отрицающего мистицизма. Квакеры верят в уход ради получения ощущения Божественного. Они также считают, что такой опыт, будучи наивысшим из всех человеческих переживаний, имеет ценность сам по себе, независимо от каких-либо результатов в деятельности или личностных преобразованиях. Для того, чтобы оценить уход как средство достижения чего-либо вне его самого, следует поставить в зависимость низшее от высшего. Современные тенденции оценивать все с прагматической точки зрения, то есть с точки зрения результатов, а не внутренней ценности, не характерны для квакерства в его сути. Это непрагматичное отношение касается не только высшего религиозного опыта, но и всех действий, совершаемых из-за ощущения их добродетельности. Результаты как богослужения, так и социальной активности находятся в руках Божьих. Только Бог может знать, какими с течением времени будут эти результаты в целом.

Тем не менее, история Общества Друзей показывает, что принятие принципа ухода через богослужение не привело к какой-либо попытке окончательного или полного ухода. За путешествием к Свету через отрицание неизменно следовало путешествие в реальности к полному нужды, но хорошему миру. Свет есть Бог в своем качестве Создателя и Искупителя, как об этом говорится в первой главе Евангелия от Иоанна. Жить в Свете значит стать Божьим сотрудником в деле созидания и искупления. Но Свет это также Реальность в отличие от тени, Действительность в отличие от обмана, Единство в противоположность разрозненности, Мир в отличие от соперничества, Вечное в противоположность временному. Жить в свете значит отрицать мирское; в этом квакерство согласно с отрицающими мистиками. Однако квакерство одновременно миро-отрицающее и миро-утверждающее: миро-отрицающее для поиска Бога, исходной Жизни, Истины и Любви как основы всего сущего; миро-утверждающее в своем возвращении к активной жизни через деятельную силу Бога как Личности, Христа как Слова для присоединения к делу искупления, посредством которого мир сей находится в согласии с Богом. Плоды Святого Духа должны существовать, и они существуют. Павел относит к ним «любовь, радость, мир, терпение, доброту, доверие, кротость и воздержание» (Гал. 5:22).

Подход через отрицание означает острый дуализм Бога и мира сего. Сначала Бог кажется трансцендентным, отделенным от мира, совершенно далеким от человека. Но дальнейший опыт показывает, что такое представление – неполное. Мир не отделен от Бога, но отчужден от Него злом. Отчуждение подразумевает сохраняющееся родство, как у блудного сына и его отца. Отчуждение никогда не является полным разделением. Бога, вероятно, и можно найти лишь через уход человека от мира, но истинно верующий должен возвращаться обратно в реальный мир для исполнения своей обязанности дитя Божьего – с тем, чтобы через него мир мог находиться в согласии с Богом. Но слова «через него» не означают, что человек решает эту задачу исключительно своими силами. Он способен достигать ее, поскольку ему

помогает мудрость и сила внутреннего Христа, «сила Божья и мудрости Божья» (1Кор. 1:24). Это искупление, примирение Бога и Его мира. «Бог через Христа примиряет мир с Собой», и Бог поручил это служение примирения человеку (2Кор. 5:19). Это искупительное страдание, страдание одного человека ради другого. По возвращению в мир истинно верующий должен взять на себя бремя страданий мира сего. И это тоже Воплощение. По возвращению в мир человек, поскольку он наполнен духом Христа, должен стараться воплощать в себе дух Христа.

Ведущими квакерами, как правило, были отцы и матери, часто с многодетными, экономически независимыми семьями. Не встречается каких-либо записей о том, что кто-то из них становился отшельником. Они часто отправлялись в дальние поездки, посещая собрания и семьи и проповедуя на квакерских и неквакерских встречах. Вот что на этот счет говорит Баркли:

Бог действительно произвел во многих то смирение и отвлечение от любви и забот мира сего, в тех, кто повседневно обитает в мире, но внутренне искупил его грехи, будучи и в браке, и занимаясь своими законными ремеслами. То, что, как полагали, было доступно лишь тем, кто скрывался в скитах и монастырях.

Следующий отрывок из Уильяма Пенна показывает, как отрицающий, квиетистский путь признает за верующим жизнь в служении:

Когда вы приходите на ваши собрания... что вы делаете? Собираетесь ли вы тогда лишь телесно, зажигая огонь, окружая себя теми искрами вашего собственного пламени, и поэтому, угождаете сами себе и ходите в «Свете вашего собственного огня, и в искрах, которые разожгли сами» ...? Или же вы садитесь в Истинном Молчании, давая покой вашей собственной воле и трудам, и ожидаете Господа, останавливая свой ум в том Свете, которым Христос просветил вас, до тех пор, пока Господь не вдохнет в вас жизнь, восстановит ваши силы и подготовит вас, ваш дух и душу, дабы вы были готовы к его служению, которым вы могли бы предложить ему чистую и духовную жертву?

Как пассивная, так и активная фаза богослужения снова и снова изображаются в Библии. В Ветхом Завете повеление «Умолкните и знайте: Я – Бог» (Пс. 45:11) уравнивается следующим: «Сын человеческий! стань на ноги твои, и Я буду говорить с тобою» (Иез. 2:1). И в Новом Завете Христос произносит не только «мир Мой даю вам» (Ин. 14:27), но и «не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10:34).

Состояние внутренней отрешенности от мира и одновременно внешней вовлеченности в его дела привело ко многим недоразумениям. Квакеров, живших примерно с 1700 до 1850 год, особенно в XVIII веке, часто называют квиетистами. Квиетизм – это учение о том, что все эгоистичные черты и поступки должны подавляться или усмиряться для того, чтобы божественное могло найти беспрепятственный доступ к душе. «Бога больше всего там, где меньше всего человека», – так благожелательно выражает эту позицию Дж. Г. Уиттьер в своем стихотворении «Собрание». Для квиетиста поиск Бога начинается с устранения таких препятствий как своеволие, мирские желания, жадность, гордость и вожделение для того, чтобы внутреннее пространство было готово принять Божественного гостя, если Ему случится войти. Это не крайняя форма отрицающего мистицизма, которая устраняет душу. Пространство и есть человеческая душа. Душа пребывает в ожидании Бога. Здесь используется слово «душа», а не «разум», потому что разум предполагает мысль, а весь внутренний человек – его дух, или душа – помимо мысли обладает чувствами, интуицией и ощущениями. Целью христианства является возродить душу, а не устранить ее.

В такой интерпретации применение термина «квиетизм» к Обществу Друзей не лишено

некоторого оправдания. Многие квакерские проповеди и записи придавали особое значение устранению всего мирского, временного и внешнего для того, чтобы душа могла открыться внутреннему миру и, словами Джорджа Фокса, «Стоять спокойно в Свете» (П. 10, 1652). Следующий отрывок из проповеди Элиаса Хикса иллюстрирует тот тип водительства по этому пути через отрицание, который иногда предлагался на квакерских собраниях:

Я ничего не чувствовал, когда пришел на это собрание; и не было у меня никакого желания, кроме как погрузиться в самоуничужение и ничтожность. Какое-то время я оставался в таком состоянии, пока не обнаружил, как что-то шевелится и растет в моем духе. И это было то, к чему я стремился – быть пустым, ничего не знать, ни к чему не призывать и ничего не желать.

Здесь важно не ошибиться в понимании такой «пустоты». Элиас Хикс был фермером. У него были жена и дети. У него была активная жизнь. Он проявлял себя в служении и движении социальных реформ, в том числе борьбе против рабства. Тем не менее, он понимал, что полная самоотдача тому, что мог бы явить в нем Бог, была истинной основой деятельности, направляемой Богом, в отличие от «тварной деятельности». Нужно отказаться от эгоцентричной воли, если в человеческой жизни и через нее активным должен стать Бог.

Этот отказ от человеческих претензий на волю с тем, чтобы воля могла сосредоточиться в Боге, как правило, не сопровождается большим эмоциональным всплеском, подобному тем, что происходят на собраниях христианского пробуждения. Ждать, освободившись от пыла страсти и желаний, в молчании и в Свете – таков обычный опыт. Джордж Фокс советует в своих письмах: «Пребывайте в бесстрастной, милостивой, святой Силе Божьей» (П. 131). «Живите в бесконечной силе Господа... имеющей мудрость, милостивую, бесстрастную и чистую» (П. 242). «Будь спокойным и бесстрастным в своем собственном разуме и духе» («Дневник», I, 432). Такой опыт может сопровождаться глубоким чувством, но ему не присущи эмоциональные всплески, которые часто имеют своим источником сильное своекорыстие, иногда из-за страха вечного наказания. Бурные реакции, как правило, имеют несколько постоянных результатов. Друзья, как правило, прислушиваются к словам пророка: «Вы обретёте силу свою, если поверите в Меня. Будьте спокойны и терпеливы» (Ис. 30:15). «Верующий в него не постыдится» (в буквальном смысле «не засуетится») (Ис. 28:16).

«Общество Друзей», – говорит Эвелин Андерхилл, – «не явило великого созерцателя». Это верно, если, под великим созерцателем мы имеем в виду, прежде всего, человека, занимающегося созерцанием. Квакеры выделяют регулярное время для созерцания, как индивидуального уединения, так и общественных собраний, но созерцание всегда было для них внутренней стороной полного действия, которое для цельности должно обладать идеальным балансом между внутренним и внешним. Результатом реального опыта божественного Присутствия стало повышение чувствительности у совести, и участник богослужения мог выйти из тихого ожидания с ощущением того, что на него возложена новая и иногда очень трудная задача.

Без глубокого осознания Божественного Духа, посредством которого мир сей объединяется изнутри, социальные реформаторы могут предложить лишь внешние средства исцеления. Современное общество распадается, потому что потеряно чувство внутренней, объединяющей Жизни. Мы существуем в мире разрозненности, и наше единство в этом мире стало чем-то вроде механического множества, собранного силами, действующими на нас извне. «Тот же, кто не пребудет во Мне, уподобится ветви, которая отброшена и засыхает» (Ин. 15: 6). Только богослужение может восстановить это чувство внутреннего единства, которое делает возможным органичный социальный порядок.

Слово «чистый» ранее часто использовалось Друзьями при описании Внутреннего Света, Жизни и Силы, очищенных ото всех случайных или общепринятых наслоений. Джон

Вулман, один из величайших квиетистов и социальных реформаторов, называет Свет «чистой мудростью». Это обозначение почерпнуто, вероятно, из стиха в Послании Иакова.

Значение этого отрицающего слова «чистый», как его использует Вулман, хорошо иллюстрируется в следующем отрывке:

Существует чистый источник, помещенный в человеческом разуме, который в разных странах и в разные времена имел разные названия. Тем не менее, он чист и исходит от Бога. Он расположен глубоко внутри, не ограничен какими-то формами религии, не есть исключение для тех из них, к которым сердце лежит в совершенной искренности. Люди любой нации, в которых он укореняется и растет, становятся братьями в лучшем смысле этого слова. Выбрав для себя пути, которые кажутся наиболее легкими для нас, когда нет согласия с этой Чистотой, не имеющей начала, мы тем самым берем бразды правления в свои руки и отрицаем послушание Ему, служение Которому есть истинная свобода.

Из этого нам видна связь между Чистым Источником, свободным от мирской скверны, и социальным действием. Чистый Источник расположен «глубоко внутри», однако он рождает братство. Для него не является исключением ни одно сердце, пребывающее в совершенной искренности. Его чистота заключается в удалении неискренних и легких путей, которые возникают, когда кто-то берет «бразды правления в свои руки», то есть, из-за эгоизма или эгоцентризма. Вулман объединяет неискренность и эгоизм. Истинное Я есть то, что находится в союзе с Богом, а не ложное, сконцентрированное на себе эго. Служение Богу является «истинной свободой», ибо свобода возникает в результате разрыва с подневольностью миру. Это внутренняя свобода, которую человек может чувствовать даже в тюрьме, а не физическая, внешняя свобода.

Как можно прочесть далее в работе Вулмана, оказывается, что эта чистота заключается также в отдалении от всего общепринятого. Упоминая детей рабовладельцев, он говорит:

Из-за обычаев их родителей, их соседей и людей, с которыми они общаются, развивая свой разум, и от которых они постигают представления о вещах и способах поведения, вход в их сердце для добрых движений существующей извечно Чистоты становится в значительной мере закрытым.

Под этим он подразумевает, что общепринятые взгляды на допустимость рабства перекрывают пути движения тому Источнику, который после очищения от устоявшихся традиций, мог бы привести к осознанию рабства как зла.

Таким образом, способ через отрицание состоит в избавлении от всего, что является неискренним, ложным, эгоцентричным и общепринятым. Он открывает пути для того, чтобы с помощью соответствующих усилий встречать Правду напрямую и по-новому, как она есть, очищенную от всего, что противоречит ей. Ожидать, полагаясь на Господа, это своего рода тренировка, и легко понять, почему это приводит к социальному новаторству. Традиционалистская, неискренняя, эгоцентричная воля редко желает перемен к лучшему. Только воля, которая «погружается» в более глубокую, более реальную, более всеохватывающую Жизнь, объединяющую нас изнутри, может чувствовать ту Правду, которая еще не проявилась в брэнном мире. Познать главное Единство сути существования значит стараться как можно сильнее воплотить его в человеческом братстве. Фокс пишет:

Помните о том, что есть чистое друг в друге, что соединяет вас вместе, ибо ничто не будет соединять или сближать кроме того, что чисто; объединяет и создает только то, что чисто. [П. 13, 1652]

Отсутствие внешних таинств на молитвенном собрании Друзей является одним из проявлений пути через отрицание. В квакерской теории нет ничего, что категорически исключало бы такие обряды, как крещение и причастие, при условии, что они будут пережитыми, подлинными внешними проявлениями реальных, внутренних состояний святости. Но любая формальность, которая становится рутинной с заранее предписанными деталями, неизбежно терпит неудачу при попытке воплотить то, что она должна была отражать. Внутреннее состояние не находится под контролем человека, и поэтому он не может предсказать время и форму внешнего выражения этого состояния. Любое искреннее, подлинное внешнее проявление внутренней благодати является таинством. В этом смысле таинства бесчисленны, как это было в древних религиях. В жизни с великой святостью каждый поступок может стать сакраментальным.

Наиболее значимо в Новом Завете близость к таинству выражена в шестой главе Евангелия от Иоанна, в которой Иисус говорит: «... если вы не отведаете Тела Сына Человеческого и не напьётесь Крови Его, то и не будет в вас жизни. Тот, кто ест Моё Тело и пьёт Мою Кровь, обретает жизнь вечную» (Ин. 6:53,54). Эти слова были произнесены, когда чудесным образом хлебами и рыбой было накормлено пять тысяч человек. Эти слова не имели никакого отношения к хлебу и вину ритуала, подразумевающего таинство. Может быть таким образом Иисус намеревался показать, что каждая трапеза может быть таинством. Он тщательно проводит различие между материальным хлебом и «истинным хлебом небесным», духом живого Христа.

В Обществе Друзей используют слова «крещение» и «причащение» для выражения опыта присутствия Христа и опыта служения на молитвенном собрании, согласно изречению Иоанна Крестителя: «Я крестил вас водою, а Он будет крестить вас Духом Святым» (Мк. 1:8; Ин. 1:33). Молитвенное собрание достигает своей цели, когда участвующий в нем чувствует крещение Духом. Причащение происходит тогда, когда молящийся общается с Богом и со своими со-участниками богослужения. Тайная вечеря была введена ранней Церковью в виде общей трапезы или праздника любви друг к другу (1Кор. 11), и это, говорит Баркли: «мы не будем осуждать». Ранние квакерские мыслители были осведомлены о том, как постепенно христианское священство перерастало в такое состояние, когда определенные лица были наделены исключительным правом проводить таинства. Доводя протестантское учение о священстве всех верующих к своему логическому итогу, квакеры покончили с внешним соблюдением таинств.

Форма напоминания о Тайной Вечере, когда Иисус главным образом рассуждал о любви и единстве (Ин. 13-17), по странному несчастью стала точкой разобщенности между христианскими сообществами. В Евангелии от Иоанна Иисус предлагает Своим ученикам омыть друг другу ноги. Если бы дух этого таинства был поддержан, празднование Вечери объединяло бы, а не разъединяло.

Рудольф Отто говорит о трехсоставном качестве тишины на собрании Друзей, упоминая мистическое молчание таинства, молчание ожидания и молчание единства, или братства. В молчании таинства

... то, что ранее было только недостаточностью, только стремлением к чему-то, теперь выходит на сцену как живая действительность, как опыт трансцендентного в милосердном, сокровенном присутствии, как посещение Господом своего народа... Поэтому такое молчание есть молчание как таинство. Оно существовало в формах богослужений древнего Израиля и существует в нынешней католической мессе в момент пресуществления.

Молчание ожидания «естественным образом переходит в молчание как таинство».

Когда квакеры собираются вместе для времяпрепровождения в тишине, это, прежде всего, становится временем ожидания и в этом смысле имеет двойное значение. Это означает нашу погруженность, т.е. внутреннюю концентрацию и отрешенность от многообразия внешних отвлекающих факторов. Но в этом есть и значимость для подготовки души к тому, чтобы стать орудием божественного творца, натянутым луком небесного лучника, настроенной лирой божественного музыканта. Это молчание в первую очередь не столько немота в присутствии Бога, сколько ожидание Его пришествия, ожидание Духа и его послания.

Отто выделяет то, что названо им «мистическим» качеством молчаливого богослужения. Он говорит об ощущении «тварности» перед силой и святостью живого Бога, о чувстве благоговения и приобщения к чуду, когда молящийся склоняется в раскаянии в божественном присутствии. Когда Дж. Вулман пишет: «Мой разум был застлан благоговением», он имеет в виду сверхъестественное качество молчаливого ухода из нашего привычного мира, освещенного земным светом, в мир, озаренный Светом Божественным. Богослужение подводит нас к границе мыслей. За ней смутно различается бесконечное пространство, окутанное тайной. Там находятся источник и судьба нашего существования. Но благоговение и приобщение к чуду не уведут нас далеко. Как говорит нам этот благочестивый автор, только любовь может проникнуть в темную облачность неведения. Когда благоговейный страх и удивление соединяются с любовью, результатом становится благоговейная почтительность, являющаяся первым шагом к богослужению.

На богослужении

В основной массе квакерской литературы есть очень мало того, что можно было бы использовать в качестве руководства к молчаливому богослужению. И это ожидаемо. Истинным руководством является Дух, который, как ветер, дышит, где хочет. В этом квакерство коренным образом отличается от католицизма. В католицизме молчаливая молитва, медитация или созерцание с использованием каких-то слов, приложенных к форме духовной практики, которая далее проводится без слов и особого обряда, часто аккуратно направляется духовным наставником. Наставник выбирает упражнения, которые сочтет подходящими на конкретной стадии прогресса, достигнутого душой, полагающейся на его попечение. Разные религиозные ордена используют разные системы. Одна система – игнатианская – включает в себя первое упражнение на память, затем упражнение на понимание и, наконец, упражнение на волю, в котором совершается жертвоприношение или подношение с участием жертвы.

Советы из выдающихся католических религиозных книг людям, занимающимся внутренней молитвой и молчаливым богослужением, могут оказаться ценными, при условии не следовать им рабски. Баркли дважды с симпатией цитирует одну из лучших книг такого рода – «Sancta Sofia» или «Святую Мудрость». Он также цитирует послание святого Бернарда. Ссылаясь на книги католических мистиков, он говорит, что квакеры менее отрешены от мира, чем они. Кроме того, почти в каждой квакерской библиотеке можно найти работы мадам Гийон, Франсуа Фенелона и Мигеля де Молиноса – ценные руководства к молитвенной жизни.

Общим для многих из этих наставлений является согласие в том, что в молитве существуют четыре основных этапа: мысленная молитва, эмоциональная молитва, приобретенное созерцание и, наконец, ниспосланное созерцание, или мистическое единение человеческой души с божественным. Скрупулезно прописанные труды, посвященные этой теме, разделяют эти этапы на подэтапы. Например, в труде Пулена «Достоинства внутренней молитвы», где чувствуется сильное влияние святой Терезы из Авилы, говорится о четырех степенях интенсивности мистического единения души с Богом, заканчивающегося духовным единением, которое позволяет жить одновременно и непрерывно на верхних и нижних

уровнях жизни.

Мысленная молитва – первая из четырех основных стадий – состоит, в своей простейшей форме, из повторения про себя заученной молитвы, или возможно короткой молитвы, повторяющейся рефреном снова и снова. Это возможно для любого человека, каким бы низким ни было его духовное состояние. После этого у него, возможно, получится использовать свои собственные слова, мысли или фантазии. Его могут попросить сосредоточиться на какой-то духовной теме, например, на семи добродетелях в противоположность семи грехам, на Заповедях Блаженства или на Десяти Заповедях. Или же ему может быть предложено как можно ярче представить какое-нибудь событие из жизни Христа или провести воображаемую беседу с каким-нибудь святым. Ценность таких упражнений в некоторой степени будет зависеть от способности наставника чувствовать особые потребности подопечного.

От мысленной молитвы молящийся, возможно, перейдет к эмоциональной молитве, молитве сердца, без слов. В ней более заметным является чувство, а не идея, но какая-то идея, например, любовь, благодарность, послушание, раскаяние, может являться центром особого внимания. Это называется сосредоточением, повторным собиранием разрозненных фрагментов души в одной точке концентрации, в точке самого глубокого чувства. Следующая стадия – приобретенное созерцание – является молитвой простого отношения, полной простоты. В это время больше не ищут истину, но наслаждаются ею однонаправленным взглядом души. Уже не ощущается эмоций предыдущей стадии, но все еще существует необходимость тренировать волю. Лодка должна приводиться в движение веслами, но уже не с такими усилиями, как раньше, потому что пристань уже близка. Для следующей и заключительной стадии – ниспосланного созерцания или мистического единения человеческой души с Богом – не характерно какое-либо ощущение человеческих усилий. Это чистый, бескорыстный дар божественной благодати. Поскольку сутью его является любовь, его нельзя получить действием воли. Произошел полный отказ от поверхностной воли. Уже нет осознания себя как чего-то отдельного от божественного объекта своей любви. Внимание дается спокойно и без усилий. Отвлекающие мысли исчезли. Есть чувство мира и безопасности, ибо несовершенная жизнь окутана совершенной Жизнью. Человеческое и божественное слились и стали одним целым.

Трудно дать краткое описание того, что иногда называют «мистической теологией». Описанные выше стадии не расходятся с квакерским опытом, несмотря на то, что являются предписаниями. Те, кому очень помогла такая модель, согласятся, что деление духовного восхождения души на различные стадии является искусственным, хотя с интеллектуальной точки зрения может иметь такое же преимущество, как и исследование живого организма по частям. Стадии накладываются одна на другую. Они могут следовать в каком-то другом порядке. Это чувство единения с Богом через любовь может появиться без подготовки, неожиданно, как дождь с ясного неба, что и видно из многих духовных автобиографий. Для разных темпераментов характерны разные пути духовного путешествия. То, что кто-то назовет «молитвой» или «медитацией», Друзья скорее назовут «ожиданием Господа» или богослужением. Даниель Уилер говорит: «бодрствующая душа не может быть долго без молитвы, хотя бы на языке вздоха». И самое главное – то, что путь через отрицание с типичными для него простотой, отстраненностью и внутренним единением должен привести каким-то реальным образом назад, в сложный мир соперничества и разобщенности для того, чтобы сделать существующим найденное в молчании.

Друзья с сомнением подходят к разбору или даже выражению словами труднопередаваемого опыта богослужения. Тем не менее, в благочестивых книгах можно почерпнуть много полезного из того, что бывает на собрании. Молящийся садится в тишине. Он стремится успокоить свои блуждающие мысли. С чего ему следует начинать, так чтобы его богослужение не превратилось в мечтательную задумчивость? Возможно, с повторения

молитвы, или стиха из Писания, или отрывка поэтического произведения. По мере продвижения он возможно будет в состоянии предложить молитву своего собственного авторства, которая сливалась бы с мыслями, касающимися текущих проблем его повседневной жизни. Он не должен бояться выражать свои эгоцентричные желания, потому что он, прежде всего, должен быть искренним. Затем он может обнаружить, что эти желания, когда их высказали перед Богом, принимают другую форму, пропорции и направленность. Через некоторое время что-то может предстать в его уме: прошедшее событие, будущая возможность, фраза или эпизод из Библии или откуда-то еще, на чем зафиксировалось его внимание. Этот центр внимания теперь рассматривается не в мирском, а в религиозном окружении. Видна его вечная, а не временная сторона.

Воля и чувства участника богослужения смешиваются, потому что явившаяся перед ним мысль сияет жизнью и силой. У него больше нет ощущения своих личных поисков, а есть ощущение, что поиск идет через него. Растет чувство божественного Присутствия. Он не думает об истине, а воспринимает ее и обладает ею. Может случиться, что наступит момент, когда молящийся считает необходимым высказать собранию пришедшее ему. Или же он может принять решение действовать в какой-то момент в будущем, в соответствии с воспринятым им Светом. Если участник богослужения ожидает спокойно и сдержанно, если окна его души открыты всему, что может озарить Свет, бывает что, он теряет чувство отдельного существования и оказывается в состоянии осознания большей Жизни, на которую опирается его собственная жизнь. Чувство единения с Богом может прийти неожиданно. Это случается чаще, чем обычно думают, поскольку нередко бывает, что его не распознают. Такое полное самозабвение бывает нелегко воскресить в памяти. Существует более приземленное самозабвение сна, которое невозможно вспомнить вообще. На противоположном полюсе располагается более высокое самозабвение, при котором интенсивно пробуждаются все возможности души, в результате чего сознание расширяется и принимает находящееся за пределами мысли и памяти.

В этом мире мы поневоле зависим от символов и фигур речи. Их недостаточно, хотя, вероятно, они более понятны, чем философские абстракции. Можно говорить о духовном пути вверх или же о необходимости постижения глубин. Эти две метафоры имеют тот же смысл. Обычным советом Друзьям на собрании является «погрузиться» или «углубиться». Есть представления, лежащие на поверхности нашего сознания, с помощью которого мы приспособляемся к окружающей нас среде, и есть глубокие внутренние чувства, с помощью которых мы настраиваемся на духовную среду вокруг нас. На богослужении мы концентрируем наше внимание на том, что глубже рассудочного мышления, на том, с помощью чего мы различаем добро и зло и знаем, какова для нас воля Божья. Совет «углубиться» связан с притчей Иисуса о двух домах, один из которых был построен на песке, а другой на камне. Чтобы достичь камня, нужно было углубиться, копая (Луки 6:48). Подобным образом находят истину, которая не может быть поколеблена внешними смятениями.

Опыт великих мистиков может помочь верующим, живущим в наши дни. Эти мистики иногда упоминали три шага – очищение, просветление и единение. На первом шаге, очищении, человек стремится избавиться от всего эгоистичного и манящего его к власти и собственности. На втором, просветлении, человек начинает осознавать истину, приходящую с идеями или воспоминаниями, которые являются ему во время молчаливого ожидания. И на третьем шаге, единении, молящийся избавляется от чувства отделенности от Бога и познает Источник Вечной Жизни, являющийся основой всего сущего. Эти три шага могут быть проделаны в любом порядке, но, как правило, их совершают в порядке, изложенном выше. Часто начальная стадия богослужения – это очищение через самопроверку, благодаря которой человеку становится понятно, от чего следует избавиться, если он хочет достичь цели. Однако святая Тереза говорит, что самопроверка может завести слишком далеко.

Выполнение самопроверки – великая милость Божия, но говорят, что слишком много ее – так же плохо, как и слишком мало. Поверьте мне, с Божьей помощью, созерцая Его Божественность, мы будем продвигаться вперед дальше, чем при долгом взирании на самих себя.

Джордж Фокс пишет:

Стойте в том, что чисто, после того, как вы посмотрите на себя. [П. 10, 1652]

Первая функция Света – выявление греха. Он показывает тень от препятствий на пути.

Ожидайте Бога в том, что чисто, согласно вашей меры, и стойте спокойно в этом, чтобы увидеть своего Спасителя, чтобы освободить себя от того порочного, что свет открыл вам. [П. 16, 1652]

Открытый таким образом порок есть соблазн и источник тревог.

Когда появляются соблазны и тревоги, погрузитесь в то, что чисто, и все утихнет и оставит вас... Стойте спокойно в той Силе, которая приносит мир. [П. 10, 1652]

После избавления от этих пороков, Свет будет сиять более ярко, открывая Истину. Это просветление. Оно может настать, когда вспомнившийся факт или высказывание озаряются новыми значением и смыслом.

Выше просветления стоит опыт единения. Мистики обычно думают об нем только как о единении с Богом, но квакеры, которым окружающий мир более интересен, чем многим великим мистикам, думают о нем, также как о единении со своими соратниками. Чувство единения с Богом и чувство единения с ближними настолько тесно связаны, что первое лучше всего представляется, когда ощущаешь его в комплексе со вторым. Фокс пишет:

Друзья, помните, существует Вечное, которое собирает ваши сердца вместе, направляет их к Господу и дает вам увидеть, что вы записаны в сердцах друг у друга. [П. 24, 1653]

Не только Свет ведет к единению, но и единение ведет к Свету. Тот, чья душа излучает Свет Христа, состоит в единении с Богом и его последователями.

Это чувство единения с ближними не является каким-то необычным типом переживания. Здесь можно провести аналогию с игроком из спортивной команды, который сначала играет отдельно, самостоятельно рассчитывая каждый свой шаг. В какой-то момент происходит изменение. Он становится неотъемлемой частью команды, двигаясь вместе с ней, не думая о себе. И вот он, словно клетка живого организма, бессознательно желает то, что желает вся команда.

При разговорах о том, что мы находимся в единстве с Богом и ближними, затрагивается опыт, относящийся к нашей повседневной жизни. Из всех подобных повседневных переживаний богослужение является самым высоким и самым обширным. Продвижение в богослужении – это продвижение в усилении простоты и искренности. Первым делом мы оказываемся в мире разобщенности, полном противоборствующих сил. Наши души становятся более простыми благодаря вниманию к одной поглощающей правде, которая ведет нас к Богу. Молящийся возможно пришел на молитвенное собрание в состоянии смятения. Увещание Фокса «Опасайтесь быть спешащими со многими мыслями, но живите в том, что идет над ними всеми» (П. 95, 1655) сразу не так легко осуществить. Чтобы разум успокоился, требуется время. Фокс призывает нас не избавляться от множества мыслей, а жить в том, что идет над

ними всеми. В отношении навязчивых мыслей автор «Облака неведения» предлагает нам «смотреть поверх их плеч». Истинное богослужение состоит не в отсутствии низшего, а в присутствии высшего. Мы не должны вырывать из себя какую-либо важную часть нашей психической структуры. «Ничто в духовной жизни не может быть плодотворным, если достигается путем насилия», – говорит Беда Фрост. Мы можем принять низшее и в то же время сосредоточить внимание на высшем. Низшее не будет удалено силой, но отойдет на задний план. И затем на границе сознания сможет возникнуть высший мир Духа, который будет смешиваться с низшим и поднимать его вверх.

Когда мы восходим на гору, мы сближаемся с другим альпинистом и, наконец, оказываемся вместе с ними на вершине. Слово «вместе» подразумевает не согласие в мышлении, а духовное единство, глубокое и внутреннее, иногда неожиданно возникающее в группе. Сэмюэль Фотергил, один из самых красноречивых квакерских проповедников, пишет о возрастании единства из медитации, упоминая

... спокойные моменты степенной медитации, когда ум отрешен от низших связей... и происходит движение вперед к непреложному единению и неразрывному братству семьи Господа.

Эльфрида Тилльярд пишет:

Искра духовного постижения, наполовину спящая в сердце одинокого верующего, возгорается в пламя при соединении с собранным вместе огнем многих душ.

А Баркли следующим образом описывается эффект групповой медитации:

Как железо заточивает железо, так и взгляд на лицо другого, когда они оба внутренне собрались в жизни, дает жизни повод тайно подняться и пройти от сосуда к сосуду. И как много свечей, зажженных и поставленных в одном месте, сильно увеличивают свет и заставляют его сиять все ярче, так и когда многие собираются вместе в той же самой жизни, возрастает слава Божья и является сила Его, дабы укрепить каждого. Поэтому каждый пользуется не только светом и жизнью, исходящими из него самого, но и теми, что исходят из всех остальных.

Богослужение вне дома собраний

Хотя уникальной и важной характерной чертой квакерства является коллективное молчаливое богослужение, квакеры не пренебрегают молитвой в одиночестве или тем, что они иногда называют «периодом святого уединения». Уильям Пенн пишет в своем предисловии к работам Пеннингтона:

Он удивлял родных и близких своим благоговением, серьезными и частыми уединениями, вежливо отказываясь от встреч со всеми гостями, которые могли бы прервать его медитации.

В «Советах своим детям» Пенн также пишет:

... Поэтому делайте перерывы в своих повседневных делах, доставляйте себе удовольствие отправляться в Дом – я имею в виду Тот, который внутри вас – и советоваться со своим собственным сердцем и пребывать в спокойствии... Это отвратит вас от всяческих искушений и проведет вас плавно и ровно через повседневные дела, поддержав при неприятностях и умерив вашу эйфорию от успехов и благоприятствований.

Вот обычная запись в «Дневнике» Джоба Скотта, школьного учителя: «Посидел в молчании, затем отправился в школу». Он пишет:

Я не верю, что без настоящей жажды и сердечного напряжения человек может отойти и посидеть в одиночестве, чтобы попробовать, просто чтобы увидеть, что будет, если посидеть в молчании; и в этом получить благосклонность с источниками елей.

О Дэниэле Уилере, квакере, обучавшем русских приемам обработки земли, писали так:

Однажды он повел меня на поляну у южной стороны этого дома, почти полностью окруженную деревьями, где сказал, что привык уединяться в одиночестве в ранний час утром и поздно вечером, а часто и в полдень, если в это время он был дома.

Но не всегда такое уединение происходило дома. Оно было еще более нужным как источник духовной силы во время религиозной поездки, хотя иногда достичь этого было труднее. Дэниэль Уилер пишет:

Не имея возможности присесть в каюте, я сидел на палубе, и хотя меня часто прерывали, я мог достаточно хорошо успокоить свой ум.

Два других путешественника в Россию нашли выход таким образом:

Мы с дорогим [Уильямом] Алленом сидели вместе, как обычно, в ожидании Господа. Это мы проделывали ежедневно после нашего отъезда из Англии, и обычно два раза в день.

Доктор Джон Рутти считал ежедневное уединение необходимым противоводием от слишком часто посещавших его мыслей о медицинских исследованиях:

Завел часовое ежевечернее уединение как перерыв при чрезмерном изучении естества.

В качестве примера из «Дневника» современного Друга посмотрим слова Джеймса Хендерсона (1855–1942):

Проснулся рано утром... затем прошелся по холму к прекрасной роще, где в одиночестве немного помолился, после чего почувствовал себя более спокойным и собранным.

Это было полезно при подготовке к собранию. Маргарет Лукас пишет:

Что касается молчаливых собраний, мои домашние духовные упражнения научили меня, как их улучшить.

Духовные упражнения, будь то ежедневное молчаливое ожидание в молитве или при регулярном чтении Библии и другой религиозной литературы, помогают сделать молитвенное собрание тем, чем оно должно быть. Если всю неделю ум занят мирскими делами, то после начала молитвенного собрания не так просто погрузиться за отведенное время в духовную жизнь.

Квакеры критиковали за непостоянство в назначении какого-либо определенного времени для проведения своих собраний. Ну а почему бы не сделать так, чтобы собрание начиналось, когда к тому есть побуждение Духа? Ответ на это таков: богослужение начинается не тогда, когда начинается собрание, а только тогда, когда самому молящемуся Дух разрешает начать свое богослужение. Однако молитвенные собрания действительно иногда начинаются

спонтанно. Квакерские «Дневники» ссылаются на множество таких случаев; их называли «возможностями». Бывало так, что группа людей сидела в гостиной или за обеденным столом. Один из ее членов погружался в молчание с выражением торжественности на лице. Вся группа постепенно замолкала. С большой вероятностью через некоторое время человек, чье молитвенное состояние послужило началом собранию делился посланием, которое он держал в своем уме. Следовал период молчания, после чего возобновлялся общий разговор. Ричард Джордан описывает ряд таких «возможностей»:

Вечером... после приятного разговора, который перерос в тишину, я оказался открытым для свидетельствования, и возникла благословенная возможность, подобная ниспосланию драгоценной росы небесной на наши души.

Вечером несколько друзей пришли к нам и мы погрузились в молчание, и наш милосердный Учитель облагодетельствовал нас как будто небесным потоком для успокоения и отдохновения наших душ.

В своей поэме «Пенсильванский пилигрим» Джон Уиттьер описывает такую «возможность»:

Неожиданно молчание воцарилось кругом.
(Было трудно сказать, кем первым оно овладело.)
Оно остановило прятку Анны и возложило свои чары
На негритенка, который гримасничал у очага,
Чтобы придать серьезности его сияющему весельем лицу.
Только старые часы тикали среди отсутствия звука;
Ни взгляды, ни руки не поднимались
В это время успокоения душ, пока, наконец,
Не послышалось чье-то слово –
То ли мягкого наставления, то ли тихой молитвы.

Регулярное ежедневное время семейной молитвы, начинавшееся с чтения Библии, было до недавнего времени обычным делом почти во всех квакерских домах и до сих пор упоминается в «Книге вопросов» Филадельфийского Годового собрания, которая помогает Друзьям в ежегодном процессе самоанализа.*

* См. Приложения, Вопрос 10.

Друзья, которые путешествовали иногда в течение нескольких лет подряд, задавшись целью посетить другие собрания, как правило, навещали и семьи участников этих собраний. Когда такой гость или гости приезжали – как правило, их было двое – члены семьи собрались вместе и проводилось торжественное молитвенное собрание. Произносимые слова иногда посвящались определенному состоянию одного из членов семьи. Часто к всеобщему удивлению казалось, что говорящий ведаёт о тайных мыслях и действиях этого человека. Такое молчаливое богослужение развивает высокую степень чувствительности к состоянию других людей, что хорошо иллюстрируется многими случаями, описываемыми в квакерских «Дневниках».

На протяжении всей своей истории Друзьям было известно, что есть такой вид молитвы, «который можно использовать в любое время», подобный «лампе, постоянно горящей подле престола Божьего». Эти два выражения взяты из последнего издания «Руководства к истинному миру», сборника трудов Фенелона, Гийона и Молиноса, который широко использовался Друзьями в XIX веке.

В юном возрасте Мэри Прауд, впоследствии вышедшая замуж за Исаака Пеннингтона, выполнила первый шаг из серии шагов, которые привели ее к квакерским принципам, – это

были размышления над текстом «Непрестанно молитесь». Она поняла, что не может пользоваться лишь формальными книжными молитвами, единственным видом молитв, которые она тогда знала. Роберт Баркли отмечал, что человек может непрерывно жить в молитвенном состоянии, обычно даже не осознавая этого. У него это называется «внутренней молитвой», он отличает ее от более обдуманного, сознательного усилия.

Внутренняя молитва – это таинство, обращающее разум к Богу. Таинственным образом свет Христа в совести прикасается к разуму и пробуждает его, и если он сгибаем под чувством беззаконий, страдания и потери достоинства, разум взирает на Бога, и, сливаясь с таинственным сиянием Божественного семени, льнет к Нему и постоянно испускает в его сторону какие-то тайные желания и стремления. И именно в таком смысле Писание нам часто велит постоянно молиться.

Такое состояние непрерывной молитвы является целью, но все же редким достижением жизни христианина.

ГЛАВА 5

Устное служение

Устное служение является важным, но не главным элементом квакерского богослужения. Как в теории, так и в действительности собрание, на котором богослужение происходит в непрерывном молчании, может быть столь же ценным, как и то, на котором звучит речь. «Это было время умягчения сердца, хотя среди нас не было произнесено ни слова», – пишет Ричард Джордан в своем «Дневнике». Можно было бы привести множество таких цитат. Безмолвное собрание, как правило, предпочтительнее того, на котором речь возникает не из вдохновенного источника. Но опыт показывает, что собрания, в которых мало или не бывает устного служения, по прошествии времени ослабевают, в том числе количеством членов. Как правило, есть некоторые члены собрания, которым для молитвы не требуется ни помощи, ни водительства в устной форме, но есть и другие, которые в значительной степени в такой помощи нуждаются. Поскольку поиск Истины и Жизни является как групповым, так и индивидуальным поиском, даже более продвинутые участники черпают на собрании силу и воодушевление от других.

Автор участвовал в медитациях дзен с буддистами в Японии. Эти встречи, на которых присутствовало множество людей, располагавшихся стройными рядами в зале для медитаций, проводились в полном молчании. Они казались во многом похожими на собрания Друзей, но чувствовалось важное различие. Там не было никакой связи. Каждый человек был погружен в одиночный поиск истины и подлинной сущности. Но медитирующий мог иногда выйти из зала и испросить краткую беседу со своим *роши*, или учителем, который в таком случае давал специальное наставление. Затем медитирующий возвращался к своей медитации. Его учитель таким очень отличающимся от квакерского способом возмещал потребность в служении.

Несколько иным способом в католической церкви духовный наставник предлагает помощь и водительство одиночному искателю, который в молчании проводит внутреннее духовное упражнение.

Выступающий с проповедью среди Друзей отличается от учителя дзен и католического наставника. Он говорит как непосредственный рупор молитвенной группы, чье понимание истины было выражено словами, иницированными Святым Духом, Присутствием среди

участников. Это сродни тому как, если бы общий духовный потенциал собрания увеличивался до какого-то определенного момента, пока не пересек границу между молчанием и речью, как электрический разряд пробивает пространство между полюсами, когда напряжение достаточно высоко. Во время квакерского служения редко можно услышать местоимение первого лица единственного числа; также говорящий не делится своим собственным опытом за исключением случаев, когда его опыт может проиллюстрировать более общую истину. Как сказал Чарльз Лэмб об одном из тех, чье служение он услышал на квакерском собрании: «Казалось, что не он говорит, а из него говорится».

Теория квакерского устного служения проста. Когда молящиеся сидят в молчании, ожидая Господа, любой из них может найти возникающее в его сознании сообщение, которое, по его ощущениям, предназначено не только для него одного. Именно тогда его обязанностью является донести это сообщение и после этого прекратить говорить. Он должен научиться распознавать уникальное чувство крайней необходимости, которое является свидетельством божественного требования. Если мысль приходит к нему с особенной жизненностью и силой, это может быть для него свидетельством знака Божьего, чтобы говорить. Иногда он может ошибаться. Нет верного способа проверить, было ли божественное водительство в том или ином случае. Однако, если в молитве и смиренном ожидании он почувствовал «спокойный, тихий голос», в дальнейшем он будет все лучше и лучше распознавать возникающий зов. Он научится распознавать и отклонять желание выступить, которое исходит из другого, искаженного источника, такого как склонность выпячивать свои собственные способности или знания, или просто отсутствие сдержанности. Обычно он достаточно хорошо осознает, поможет ли собранию или нет то, что пришло ему на ум. Часто из истинного источника приходит то, что предназначено не для собрания в целом, а для обладания самим получателем. «Хлебом для дома», предостерегая, называет это Исаак Пеннингтон.

В квакерских «Дневниках» мы часто читаем о чувстве бремени и неловкости, которое порой предшествует речи. Тот, кто выступает с устным служением, не хочет нарушить торжественное молчание. Ему может показаться признаком гордыни то, что он должен взять на себя ответственность за собственное решение. Однако когда он осознает, что эта ответственность не только его, но и призывающего его божественного Учителя, если он предан своей вере, то уступит требованию. В квакерских «Дневниках» часто упоминается ощущение полного мира, которое следует за подчинением призыву. Но не всегда следует мир. Иногда даже самые почтенные Друзья садятся после произнесения служения с ощущением беспокойства и чувством «опережения водительства». Так было с Джоном Вулманом, когда он в первый раз говорил на молитвенном собрании. Прошло довольно много времени, прежде чем он почувствовал себя в состоянии говорить снова. Нередко хорошо известные Друзья упоминают чувство сухости и вслед за этим болезненности, которые ощущались ими, когда они оказывались не в состоянии говорить в многочисленной группе людей, собравшихся послушать их. «Сидели в мучительном молчании», гласит необычная запись в «Дневнике» Джоба Скотта. Иногда такая потеря способности говорить как-то объясняется. Ричард Джордан пишет: «Я сидел на протяжении [собрания] в молчании, полагаю, к великому разочарованию многих. Но я был благодарен, что уберется от вознаграждения наворстанных ушей».

Цель устного служения на квакерском собрании отличается от цели проповедования с амвона. Основная функция служения с амвона – учить, пересказывая Писание и объясняя путь спасения для людей. Проповедник призывает своих слушателей принять это как действие веры. Старомодный план спасения, который относится к будущей жизни, сегодня часто заменяют на план социального спасения, касающийся этой жизни.

Нельзя сказать, что на собраниях Общества Друзей вообще нет обучающего служения, но обычно его применяют в случаях, особо выделенных для этой цели. Когда оно произносится с подлинной пророческой силой, то ему может найтись подходящее место в торжественном

ожидании Господа. В Обществе Друзей, как и в других конфессиях, не будет лишним более основательное обучение религиозной истории, теории и практике, но для этого скорее подойдет лекционная форма, а не молитвенное собрание.

Джордж Фокс говорит, что задача квакерского устного служения: «привести людей... туда, где кончаются все проповеди». Исаак Пеннингтон говорит: «Великое дело проповедника Христа сохранить совесть открытой Христу». Устное служение может обозначить тему для медитации, на которой будут сосредоточены блуждающие мысли, но проповедник должен тщательно избегать возникновения у слушателей зависимости от него.

В католических книгах, поучающих духовных наставников, есть частое указание на то, что наставник не должен возлагать на себя слишком многого и не должен давать слишком четкие рекомендации. Скорее он должен стремиться, чтобы человек под его опекой достиг Духа Божьего внутри себя. Св. Иоанн Креста говорит:

Пусть духовные наставники... помнят, что главное действие здесь идет от Святого Духа, и Он настоящий водитель душ, что Он никогда не перестает заботиться о душах и никогда не пренебрегает никакими средствами, с помощью которых они могут получить пользу и приблизиться к Богу самым быстрым и наилучшим образом. Пусть они помнят, что не они действуют; они лишь инструменты, направляющие души правилом веры и закона Божьего... И значит целью их должно быть не направление душ путями, подходящими для них самих, но по возможности выяснение пути, по которому их направляет Сам Бог.

Такой совет в равной степени применим к тем, кто выступает на квакерском собрании. Проповедник является инструментом того Духа, который находится как в его слушателях, так и в нем самом. Если он держится близко к единому Центру, он может достичь любого человека в пределах определенного радиуса.

Для квакерского служения нельзя установить никаких правил. Дух поведет, куда захочет. В общем, произнесенное слово должно быть простым утверждением истины, а не ее аргументированной защитой. Способом Иисуса было сформулировать истину, которую слушающий мог распознать как таковую без обсуждения. Подобно тому, как художник предлагает принять его картину или поэт свое стихотворение без причин, так и говорящему следует предложить свое послание, веря в то, что Свет в нем ответит на Свет в других людях. Жизнь, которая течет от одного человека к другому, движет волю, но если воля принуждается спорами, она движется, если движется вообще, без полного согласия.

Аналитически рассчитанная речь, которая препарировывает религиозный опыт, может быть столь же разрушительной для жизни, как и препарирование разрушительно для растения или животного. Как нами осознается жизнь в наших телах – посредством прямой интуиции без анализа – так осознается и жизнь Бога в душе.

У анализа есть своя особая научная ценность, но Дух, который переходит от одного человека к другому подобно пламени, перескакивающему с одного угля на другой, схватывает истину во всей ее полноте, словно это срастание живого существа. Такой опыт напоминает то, что может случиться в обществе орнитологов, которые будут упоминать разные виды птиц, если настоящая, необычная птица влетит в комнату.

Устное служение на собрании Друзей должно быть спонтанным в том смысле, что никто не приходит на собрание, намереваясь или же не намереваясь говорить. Используя фигуру речи из Иеремии, наша религия должна возникать из источника, а не должна истекать из резервуара. Устное послание должно возникать в свежем и естественном виде из жизни собрания. Другими словами, зерно, возможно, было посеяно ранее и ожидало благоприятных

условий для прорастания. Вопрос, который в итоге перерастает в устное послание, может возникнуть в уме когда угодно, во время обычных обстоятельств повседневной жизни или же во время одиночного уединения для молитвы и богослужения. Затем у него должна быть возможность созреть, его следует сохранять до тех пор, пока не появится четкое ощущение, что настало время высказать его вслух.

Мэри Инглэнд, Друг, жившая в XVIII веке, видела такой сон: когда она опустила кувшин в родник и сразу же вынула, чтобы унести, вода пролилась, но когда она держала кувшин в источнике достаточно долго, вода не расплескалась. Это она приняла как предупреждение о том, чтобы не действовать слишком быстро, если на собрании возникает позыв высказаться.

Поскольку за устным посланием следует молчание, у слушателей есть возможность осознать его. Произнесенное на собрании Друзей слово скорее должно наводить на мысли за пределами темы высказывания, чем являться исчерпывающим. Оно может быть даже в какой-то степени неотчетливым. Духовная истина не может быть столь резко определенной, как научная истина. Она находится на призрачном краю неизведанной области, за горизонтом самоосознанной мысли. Язык Духа символический, и предлагаемое им является не столько фактами, сколько знаками, которые указывают вдаль от себя, на невидимое основание всего сущего. Поэтому голос Духа иногда остается непроизнесенным, ибо его можно выразить лишь вздохом или даже полным молчанием.

Выступление на квакерском собрании может касаться чего угодно, при условии, что это будет в явно религиозной системе координат. В математике то, что является кругом в одной системе координат, в другой системе может оказаться эллипсом. Точно так же некое содержимое светского контекста может принимать совсем иные формы в религиозной системе отсчета. Пожалуй, невозможно определить различие между религиозным и светским, как и различие между красотой и уродством или добром и злом, но большинство людей обладают способностью распознавать это. Важным вопросом с религиозной точки зрения является не «что мы будем делать?», а «что для нас есть воля Божья?».

Что касается религиозных речей, морализаторские банальности не столь действенны, как и не столь действенен простой призыв пребывать в Духе живого Христа. Тот, кто живет в этом Духе, будет естественным образом следовать учению исторического Христа. Если мы искренне испытываем присутствие Христа среди нас, каждое слово будет в гармонии с Его духом. Точно так же, если мы беседуем с каким-либо человеком, чтимым за его характер и достижения, все, что он говорит, соответствует его натуре. Как кто-то заметил: «Мы можем ходить вокруг да около, но мы не можем ходить вокруг да около неопалимой купины».

Проповедь, в которой нагнетается страх из-за последствий греха, не типична для проповедей квакеров. Душу по пути к совершенству ведет положительное отношение к добру, а не страх перед злом. Однако Уильям Аллинсон говорил о Стивене Греллете, что его служение было «торжественным, кратким и тревожным» и вместе с тем «убедительным, пророческим и ободряющими». Первое назначение Света – раскрыть грех и зло. Никто не должен стесняться указывать на темную тень, отбрасываемую преградами к Свету.

Осознание страшной реальности нечестия и последующее чувство смирения и зависимости являются первым шагом на пути к обновлению. Без этого нет начала духовного пути. Но душа не должна оставаться в пропасти. Цель молитвенного собрания – не выявление темноты, а выявление Света, который преодолевает темноту. Соответственно и молящиеся должны быть направляемы к этой цели и к Божественной Жизни в людской душе, Которая одна даст силы для достижения цели. Именно таким стало устное служение Джорджа Фокса, когда он писал дочери Кромвеля, леди Клейпол, которая была «слаба и в сильно угнетенном настроении»:

Какие бы соблазны, отвлечения рассудка, смятения свет ни проявлял и открывал, не смотрите на эти соблазны, смятения, искажения, но смотрите на Свет, который выявляет их... Ибо глядя на грех, порочность и отвлечения рассудка вы поглощаетесь ими; глядя же на Свет, который раскрывает их, вы видите то, что выше их. [«Дневник» I, 488]

Высочайшей формой устного служения на молитвенном собрании является высказанная молитва. Молящийся может обнаружить, что через него дух молитвы на собрании превращается в высказывание. После чего он становится рупором группы в молитве к Богу. Не «я», но «мы» – таков лексикон его мольбы. Молитвы о своем, как правило, лучше всего возносятся в молчании. Некоторым людям молитва кажется настолько личной и интимной, что как слышимая просьба она невозможна. Другие уклоняются от ее произнесения из-за боязни неискренности или формализма. Однако ничто так эффективно не воздействует на собрание как искренняя молитва, произнесенная в смирении. Многие люди бывают благодарны за те слова, которые сами не в силах вымолвить.

Образованных и необразованных, старых и молодых, мужчин и женщин на молитвенном собрании может коснуться зов, обязывающий встать и говорить. Триста лет истории квакеров ясно показали, что дар служения не является исключительным лишь для каких-то особенных людей. Нет никакого другого рукоположения, кроме очевидности того, что был пожалован божественный дар. Самое раннее «открытие» Джорджа Фокса состояло в том, что не надо проходить обучение в Оксфорде или Кембридже, чтобы вести службу. Некоторые из ранних квакерских проповедников были высоко образованными людьми, большинство же из них такими не были. То же самое можно сказать об апостолах и пророках библейских времен. Ни одна группа людей не относилась к первым Друзьям более жестко, чем университетские ученые из Оксфорда, Кембриджа, Эдинбурга и Абердина, которых возмущало то, как низко ценится Друзьями ученость в качестве предварительного условия для служения. Когда Друзей высмеивали, говоря, что они не могут читать Священное Писание на языках оригинала, они отвечали так, как это сделал Фокс:

... Слово Божие – это первоисточник, ... Слово – это то, что являет Божественное, ... Слово – это то, что делает мужчин и женщин божественными и придает им божественную природу. [П. 249, 1667]

То, что Друзья высоко ценили образование как способ подготовки мужчин и женщин быть деятельными в жизни, можно увидеть благодаря школам, которые они создали и поддерживали. Хотя образование может помогать в духовной жизни, оно может оказаться и помехой, и его наличие не является существенным требованием для устного служения.

С самого начала женщины-квакеры осуществляли устное служение наряду с мужчинами. Чтобы показать истинность того, что женщины могут получать призыв к служению наравне с мужчинами, Друзьям нужно было лишь указать на результаты. Баркли пишет:

В этот день Бог действительно обратил многие души с помощью служения женщин, а также через них часто утешал души детей своих, и проявление такого опыта бесспорно.

Наставление Павла о том, что женщины должны молчать в церкви (1Кор 14:34), интерпретировалось в свете его же наставления в том же послании о женщинах, пророчествующих с непокрытой головой (1Кор. 11:5,13). Для отстаивания своей позиции насчет служения женщин Друзья часто использовали слова Петра, цитировавшего выступление пророка Иоиля в Пятидесятницу: «Я изолью Дух Мой на всех людей. И дочери, и сыновья ваши будут пророчествовать» (Деян. 2:17).

Фокс говорит, что неравенство мужчин и женщин было результатом грехопадения, но «с воскрешением Христа... они не могут не встретиться... как они были до грехопадения» (П. 291).

Очевидно, что порядок возложения ответственности за служение на собрание в целом, а не на какого-то человека или лиц, специально подготовленных и назначенных для этого, сопряжен с серьезными трудностями. Служение на квакерских собраниях всегда было и будет оставаться некоторой проблемой. Свободой могут злоупотреблять люди, непригодные из-за поверхностности своего опыта или неспособности достичь высокой мотивации. Джордж Фокс предостерегает от проповеди «хрупким, капризным, поспешным, нетерпеливым умом» (П. 131). Некоторые даже не в состоянии понять религиозный характер собрания и заводят темы, более подходящие для дискуссионной или лекционной площадки, чем для группы, собравшейся в ожидании Господа. Некоторые, кто, несомненно, обладал даром в прошлом, вероятно со временем утратили его и не осознают эту потерю. Слишком частое устное служение может привести к чрезмерной зависимости от произнесенного слова. Джошуа Эванс отмечает в своем «Дневнике»:

На наше последнее собрание пришла группа из четырех Друзей, которые оказались служителями. И мне подумалось так: во время засухи мы глядим на облака в предвкушении дождя. Иногда, не смотря на обильную облачность, выпадает мало дождя, поэтому, когда на скамьях проповедников многолюдно, и умы людей обращены к ним, а не к Попечителю душ, часто случается разочарование.

В притче о сеятеле какие-то зерна не взошли, потому что упали на твердую землю. Земля, возможно, затвердела потому, что по ней туда-сюда ходило много людей, разбрасывавших зерна.

Участник собрания Друзей должен приучить себя к тому, что он услышит много чего неподходящего, по крайней мере, для себя самого. Его терпеливое отношение к выступающим, которые пробиваются, хотя возможно и слепо, к Свету и плутают в пути – уже само по себе ценное упражнение. Если собрание идет не так как должно из-за неправильного служения, каждый член должен понимать, что качество этого собрания зависит частично и от него и его добросовестности. Кроме того, он должен понимать, что на собраниях Друзей, как и при демократии, приходится платить за свободу, в отличие от казенного единообразия. Собрание Друзей может восходить выше или спускаться ниже в сравнении с типичной церковной службой, которая регламентируется так, чтобы ее проведение оставалось на определенном уровне.

Профессиональное, программированное служение затрагивает проблемы, возможно, не менее серьезные, чем те проблемы, которые затрагивает свободное, непрограммированное, спонтанное устное служение. Разделение на духовенство и мирян не способствует единству в религиозном сообществе. Отсутствие ответственности со стороны мирян не способствует духовному росту. Регулярная подготовка проповеди, проводимая заранее, может привести к тому, что Баркли называет «зубрежкой и накопительством» («Апология», 352), а Фокс – «безрассудным забиванием головы» (П. 275, 1669). Иногда Друзья называли это «переливанием из пустого в порожнее». Сказанное слово ближе к жизни, если оно напрямую вытекает из жизни и исканий участников богослужения. Одна фраза, произнесенная на квакерском собрании как реакция на вспышку озарения, может иметь больший эффект, чем длинная церковная проповедь.

Профессиональные проповедники больше не критикуются Друзьями за то, что получают зарплату. И действительно, следует признать, что она у них невелика. Тем не менее, тот факт, что им платят, может незаслуженно отвлекать внимание от действенности их проповедей как искреннего выражения чувств. Они также сталкиваются и с другими проблемами. Слишком

часто не хватает молчания, в котором их послание может проникнуть в сердца слушателей.

Трудности, свойственные непрограммированному собранию, на протяжении большей части истории квакеров частично решались через назначение старейшин, чья основная задача состояла в том, чтобы давать советы выступающим на собраниях. Проблемы, возникавшие из-за свободы, царившей на собраниях Друзей, были более острыми в ранние годы существования Общества, чем впоследствии, потому что само движение было еще аморфным и неорганизованным. Многие из тех, кого оно привлекало, были лишь частично осведомлены о том, что допускается. И еще до того, как была создана система регистрируемого членства, Друзья вынуждены были делать публичные заявления о непризнании.

С самого начала истории Общества Друзей и до недавнего времени те Друзья, которые чаще других выступали на собраниях, устраивали регулярные встречи, чтобы давать советы и помогать друг другу. Месячные, квартальные и годовые собрания этих Друзей, которые чувствовали особую заботу в отношении устного служения, делали большую работу по укреплению духовной жизни всего собрания. Они и были подлинными «школами пророков». Со временем Друзья почувствовали, что занимающимся устным служением необходима критика – как со стороны своих слушателей, так и от самих себя. Следующий пункт протокола Филадельфийского Годового собрания, датированный 1714 годом, фиксирует начало в Америке важных изменений на таких встречах:

Наше собрание соглашается с тем, что каждое Месячное собрание, где проводятся или могут проводиться собрания служителей, назначит двух или более Друзей, которые сидели бы со служителями на их собраниях. Стоит позаботиться о том, чтобы выбранные Друзья были благоразумными, надежными Друзьями.

Их стали называть «старейшинами». Позже собрания служителей стали называть «собраниями для служителей и старейшин». Служители допускались на такое собрание, если они были «одобрены», «рекомендованы» или «записаны», что означало прямое объявление собранием своего единства с их служением. Когда такие служители изъявляли желание посетить другие собрания Друзей, их собрание в случае одобрения такой поездки, предоставляло им «протокол», содержащий выражение единства с ними. Он служил своего рода верительной грамотой и рекомендательным письмом. Как правило, служителя в его поездках сопровождал старейшина, выступая в роли проводника, помощника и критика.

Внимание старейшин является одним из важнейших элементов собрания, основанного на принципах свободы. Его цель состоит в том, чтобы задать настолько много ограничений свободе личности, насколько это увеличит свободу группы в целом. Среди многих видов поддержания равновесия, необходимых собранию Друзей, должно быть тонкое регулирование – между свободой каждого и свободой всех. Если человек слишком сильно подавляется группой, то группа возможно никогда не извлечет пользу от новой и не исключено что неприятной истины, которой этот человек мог бы поделиться. Эта группа также не должна зависеть от милости и капризов отдельных людей, в противном случае может оказаться, что главная цель групповых встреч игнорируется. Только если и группа и отдельный человек смиренно предстанут перед божественным Светом Истины, они будут надлежащим образом исполнять свое назначение и жить в единстве.

Хотя «внимание старейшин» превратилось в синоним вредной критики, но остается фактом, что поддержка все же часто требовалась. Так как выступление на собраниях Друзей является самостоятельно возлагаемой на себя ответственностью, застенчивые или робкие люди склонны отмалчиваться. Это особенно верно в отношении молодежи. В 1723 году Филадельфийское Годовое собрание записывает в своем протоколе:

Следует заметить, что Бог и источник всех наших милостей открыл и открывает во множестве наших молодых людей божественный родник живого служения. Поэтому наше искреннее желание состоит в том, чтобы как служители, так и старейшины могли бы быть пестующими отцами и матерями той молодежи, которая проявляет себя в служении.

В записи 1765 года мы находим:

Искренне и с любовью рекомендуется, чтобы служители и старейшины всегда присматривали друг за другом, дабы помогать той молодежи, которая правильно проявляет себя в служении, препятствуя выходу настроений, превращающихся в слова без жизни и силы, советуя избегать жеманных тонов, жестов и всего, что мешало бы их служению, однако, поощряя скромного, внимательного путника словом в случае его утомленности.

Хороший пример созидательной деятельности старейшины показал Уильям Пенн, и это было записано тем, кому он помог. Во время большого собрания, когда должно было ожидаться, что основное бремя устного служения возьмут на себя некоторые ведущие Друзья, продолжительное время говорил молодой, неизвестный мужчина по имени Джон Ричардсон. Чуть позже Пенн сказал ему:

Основная часть служения этого дня прилась на твою долю, и мы видели это, и желали освободить путь истине, которая пролегала именно через тебя. Ты появился как молодая поросль, но ведь это справедливо, ибо Господь может использовать кого ему угодно.

Джон Ратти, врач и автор книг по медицине, был старейшиной Дублинского собрания. В его «Духовном дневнике» содержится много кратких молитв, среди них (1796 г.) такая:

Господи, если мне не довелось быть ножом в утвари духовного дома, сделай меня точильным камнем.

Старейшина должен уметь улучшать инструменты, которыми пользуется Бог для передачи своей правды. Фокс советует:

Друзья, будьте осторожны, как будто вы ступаете среди нежных побегов, которые пробиваются из Божьей земли, дабы не наступить на них, не причинить боль, не повредить и не раздавить их в Божьем винограднике.

Уильям Дьюсбери пишет:

Какой бы дар ты не получил, ... прославления, пророчеств либо увещевания, мне велено Богом небесным возложить его на тебя, дабы в тебе не угас Его Дух, но возносил бы ты дар свой на алтарь Божий и в силе Его жизни в Свете принес бы в жертву Ему. И с этим будет увеличиваться талант твой и будет плодиться племя твое. Любимые люди Божьи, будьте чуткими к малейшему дыханию Божьего Духа друг в друге и ждите, что вас облечет благотворный Дух.

Суть надлежащих советов служителям раскрыта Джоном Уильямсом:

Начинайте с Жизни, держитесь Жизни и уходите с Жизнью.

Устное служение, которое практикуется в Обществе Друзей, иногда называют пророческими высказываниями, хотя никто из Друзей не стал бы называть себя пророком. Их служение

пророческое только в том смысле, что произносится человеком без предварительной подготовки и, как полагают, при прямом водительстве Духа. Такое высказывание иногда может являться свидетельством пророческого пыла. О Сэмюэле Фотергилле говорили:

Его служение порой прорывалось как пламя, часто достигая глубинных тайников тьмы и упрямства, вместе с тем ложась росой на нежные растения в посадках нашего Небесного Отца; для него это был напряженный труд в глубокой общности с духом.

Историк Сьюэл пишет о Джошуа Коуле, который впервые посетил Америку в 1658 году:

Когда он говорил безбожному миру, на его лице проявлялись признаки ужасной тяжести, а его слова были подобны молоту и острому клинку. Но хотя он и выглядел сыном грома, из его уст радостным потоком текла приятная речь, утешая и успокаивая благочестивые души.

Присутствие пророков в Церкви Нового Завета считалось квакерами крайне важным прецедентом. Павел так перечисляет дары духа в порядке их важности: «Одних Бог поставил в церкви апостолами, других – пророками, третьих – учителями. Кроме того, одни творят чудеса, а другие обладают даром исцеления, одни помогают ближним, другие обладают даром вести за собой, а иные – даром говорить на разных языках», и добавляет: «Стремитесь к любви, и ревностно помогайте духовных даров, и особенно, дара пророчества» (1 Кор. 12:28; 14:1). Но пророческая функция, которая столь высоко котиновалась в первый век христианской истории, стала подчиненной по отношению к функции священника и во втором веке была ликвидирована вовсе. Попытки возродить пророческое служение, такие как движение монтанистов во втором веке, были жестоко подавлены. В христианстве древняя борьба между священником и пророком, события которой столько драматично описаны в Ветхом Завете, была очень рано выиграна священником по двум причинам – необходимостью сохранения правильного учения и важности иметь особым образом подготовленного человека для проведения таинств. «Вы подчинены епископу, как Иисусу Христу», – пишет Игнатий наверно не более чем через шестьдесят лет после того, как Павел написал: «Духи, вдохновляющие пророков, повинуются пророкам» (1 Кор. 14:32).

Считалось, что пресвитер, то есть старейшина, или священник, в кого он в конце концов превратился, нужен дабы контролировать пророков, чьи высказывания были непредсказуемыми, нарушающими порядок, иногда революционными. Мы очень мало знаем о событиях, происходивших в последней трети первого века христианства, но есть вероятность того, что христианские пророки выступали против тенденции признания божественной власти духовенства так же, как шесть веков до этого еврейские пророки выступали против возрастания значимости священников. Праздник любви в память о Тайной Вечере, совместное вкушение пищи, как рассказывается в главе 11 Послания к Коринфянам, становился ритуалом, проводимым под руководством лица, специально поставленного для такого служения.

Обе эти причины, способствующие упадку пророческого служения в ранней христианской Церкви – усиление религии таинств и укрепление ортодоксального вероучения – отсутствовали в квакерстве. Таинства интерпретировались Обществом Друзей, как внутренний опыт, непосредственно доступный для всех лиц без участия священников. Никакое единое, фиксированное, авторитарное вероучение никогда не принималось в качестве основания для членства, хотя Друзья не стеснялись, когда выпадала возможность, высказываться, во что они верят. Более важным явилось поддержание формы богослужения, которая поощряла свободное, спонтанное, пророческое служение, не искажаемое внешними авторитетами. В результате в Обществе Друзей пророческий тип служения длился гораздо дольше, чем в христианстве.

Было неизбежно, что в Обществе Друзей, как и в любой религиозной группе, проявится священнический тип мышления. Как и в раннем христианстве, в Обществе Друзей старейшины взяли на себя некоторые священнические функции, хотя в меньшей степени и несколько иначе. В течение XVIII века влияние старейшин постепенно увеличивалось. Их функции были важными и необходимыми. Квакерство в это время выработало своеобразную культурную модель, определенный образ жизни. Квакер выделялся тем, как он говорил, был одет и вел себя. Старейшины стали хранителями традиции* и, как и все лица со священническими склонностями, были скорее заинтересованы в сохранении старой истины, чем в открытии новой.

* За исполнением дисциплины, поскольку нравственность поведения была на особом счету, следили особые лица, которых называли «смотрителями». В Америке они впервые появились примерно в 1704 году. Они не упоминаются здесь, потому их обязанности не имели отношения к устному служению.

То, что квакерство вынуждено было пройти сквозь этот период внутреннего сплочения, во время которого квакерская религия перенеслась из домов собраний и рынков к домашним очагам и отразилась на всех сторонах жизни, было неизбежно и необходимо. В конце концов старейшины зашли слишком далеко и были склонны неоправданно сильно подавлять не соответствующие традициям ростки новой жизни. Однако ситуация все же не была столь критичной до тех пор, пока старейшины Филадельфии в первой четверти XIX века ни попытались заняться регулированием богословского учения, что породило согласованное сопротивление их власти. В Англии переход к более свободной форме дисциплины происходил без такого раскола. В Америке же Общество Друзей оказалось разделенным на несколько ветвей.

Спад пророческого типа служения в XX веке в той части Общества Друзей, которая пыталась сохранить свободное, непрограммированное служение, уже не может связываться со старейшинами. Они приняли всяческие меры предосторожности, чтобы защитить живой источник от всех загрязнений. Этот спад связан, прежде всего, с высокой степенью рационализма и секуляризации, что проявилось во всех религиозных группах. Продвинутое образование, в частности, образование, получаемое в колледжах, стало более общедоступным, что привело к укреплению самоосознанных, рационалистических взглядов, часто близких гуманизму. Устное служение выросло в своем интеллектуальном содержании. По большей части это пошло на благо. Однако, слишком часто было заметно и соответствующее снижение его духовного содержания. Нет никакой реальной причины того, почему интеллектуальная и духовная составляющие не должны развиваться вместе и усиливать друг друга. Как человеческий разум, так и Дух, который больше человека, являются важнейшими элементами, но поддерживать баланс не просто.

В рамках одного поколения старый тип пророческого служения, характерной особенностью которого была чрезвычайная страсть к внутренним водительствам, какими бы нетрадиционными и безрассудными они ни могли показаться, в значительной степени исчез из наиболее консервативных форм квакерства. В других местах он исчез еще раньше. Квакерские пророки были людьми уникальной индивидуальности, они говорили то, что чувствовали. Каждого из этих мужчин и женщин можно было бы описать словами, которые Уильям Пенн применил в отношении Джорджа Фокса: «Он был оригинальным, не похожим ни на одного другого человека». Они могли напоминать своим слушателям о неприятных истинах в таком духе любви и искренности, что это не вызывало ни малейшего гнева. Их лица светились Божьим миролюбием, потому что внутреннее напряжение было заменено на послушание Божественной воле. Их не заботили собственные слабости, потому что они были уверены в том, что Бог не потребует от них того, что было бы «за пределами отмеренного им».

Массовая культура, присущая современной эпохе, не способствует появлению таких уникальных фигур. Колледжи, подобно заводам, штампуют свой продукт по единым формам. Поверхностный мир инструментов, как умственных, так и промышленных, стал настолько сильно развит, что глубинный мир исходных смыслов, связанных с конечным предназначением человека, скрылся из виду. Но Дух все же никуда не делся, он, как подземный источник, ждет, когда его выведут на поверхность. Нельзя отказываться от служения, посвященного решению социальных проблем. Однако оно должно углубляться и усиливаться служением, направленным на методы решений, при которых люди вступают в единство с Богом и друг с другом.

Сонет Уиттьера под названием «Высказывание» затрагивает проблему, встающую перед тем, кто ощущает призыв к выступлению на молитвенном собрании:

В чем польза непригодных слов при передаче
Сокровенных Истин? Кто в слабости и слепоте
Укажет и проложит путь или решит загадку
Вечности, произнося обыденные речи?
А если это что-то не совсем твое,
Но легкая тень мысли, для которой
Все наши кредо, культы, ритуалы
Есть в лучшем случае мечты?
И сам ты, как известно, не скрываешь,
Что не достоин вслух произносить
Пришедшее тебе, чтобы в устах твоих
Божественная суть вдруг показалась ложью,
Красою бесполезной, прелестью суетной?
Поэтому оценивая то, что может прозвучать в служенье,
Отдай пришедшее тебе. То семенем блаженства
Может оказаться и пасть на вспаханную землю чьих-то нужд.

ГЛАВА 6

Принятие решений

Квакерское движение началось как группа, собранная без видимой связи, но объединенная своим собственным чувством братства. Родство духа сохраняло жизненную силу заинтересованными в том Друзьями, которые постоянно путешествовали от одного собрания к другому. Но вскоре выяснилось, что необходимо иметь какую-то организацию, занимающуюся практическими вопросами. Например, существовала насущная необходимость постоянной помощи лицам, пострадавшим от потери имущества, которое описывали для уплаты штрафов. Нужно было предпринимать меры, чтобы обеспечить законность браков без привлечения официальных священнослужителей, заботиться о бедных, проводить похороны, вести учетные документы о рождении детей, браках и кончинах, фиксировать гонения. Дети нуждались в образовании, а путешествующие Друзья, если им не хватало собственных средств – в финансовой помощи. Друзья часто подавали петиции королю или парламенту. Иногда нужно было рассматривать дела нарушителей порядка, чтобы «по возможности очистить истину» при недоразумениях, вызываемых у шокированной общественности. Но сама потребность в организации привела к серьезной теоретической проблеме – как может свободное братство, основанное на божественном внутреннем водительстве, создать некую форму церковного управления, обеспечивающего руководство снаружи?

Уже в 1652 году Уильям Дьюсбери призывает созывать общие собрания, в которых принимали бы участие Друзья из определенной области, чтобы решать насущные проблемы. В распространяемых им наставлениях говорилось о «слове живого Бога к Его Церкви». Другие лидеры говорили подобными формулами и с такой же пророческой силой. Но предпринимаемые шаги не вылились в создание сборника авторитарных правил. В 1656 году на собрании Друзей в Балби (Йоркшир, Англия), было составлено послание «От Духа Истины к детям света», содержащее двадцать пунктов, касающихся поведения, в котором скорее давались советы, а не формулировались правила. Это послание заканчивалось знаменитой фразой:

Дорогие, любимые Друзья! Все это мы не навязываем вам, как правила или как жесткую форму, которым нужно строго следовать, но вы все можете быть ведомы, освещенные мерой чистого и святого Света. И так, пребывая в Свете, действуйте в Духе, а не по букве, потому что буква убивает, а Дух животворит.

Время от времени различными собраниями выпускались дополнительные советы, с аналогичной осторожностью в отношении приоритета Духа. В 1659 году в Скиптоне общее собрание Друзей на севере Англии выпустило документ с наставлениями по поведению. В нем снова Друзьям настоятельно рекомендуют твердо придерживаться принципов свободы:

Чтобы никаких шагов не могло бы оставаться тем, кто придет вслед или будет действовать по примеру. Но чтобы все они могли быть направлены к истине и преданы ей, в ней жили и ходили и ею руководствовались. Чтобы никто не косился на нас, не выискивал в нас порочных действий. Но чтобы все могли бы с нетерпением ожидать в Духе откровения той славы, которая должна быть явлена им.

А следующее письмо кратко излагает основной принцип квакерского церковного управления:

Сила Божественного первоисточника может быть познана в человеке, в той совершенной свободе, которую каждый из нас имеет во Христе Иисусе. Никто не может господствовать над другим или подавлять другого, нельзя никого подвергать изгнанию, поскольку в них продолжает присутствовать сила истины, ... ибо истина сама по себе может править человеком, а не люди и не обряды. И все нам подобные могут почитаться как опора в жизни истины, потому что не человек правит силой, но сила исходит из человека.

Другими словами, должно действовать собрание, как единое целое, руководствуясь истиной, а не лица, назначенные управлять. Если в собрании люди выбраны для какого-то конкретного служения, они должны оставаться в этом служении только до тех пор, пока они ведомы Истиной. Таким образом, с самого начала в квакерское церковное управление была заложена такая основа, которая исключала возможность персональной власти. Имела силу лишь власть группы, действующей велениями Истины. Они полностью отказались от метода превосходства большинства над меньшинством. Не было никаких голосований.

В период с 1650 по 1660 годы появились общие собрания, куда периодически съезжались Друзья определенных областей. Некоторые из них становились просто встречами для богослужения, другие же включали в себя собрания для рассмотрения вопросов, важных для всего сообщества. К 1658 году общие собрания проводились уже ежегодно, на них присутствовали «общественные» Друзья со всей Англии. Часто нужно было обсуждать вопрос о поддержке Друзей, путешествующих в служении в отдаленные места.

Когда в 1666 году Джордж Фокс вышел из тюрьмы после трехлетнего тюремного заключения, которое он провел в Ланкастере и Скарборо, перед ним предстала картина

жестоких страданий квакеров, которые попали под жернова Закона о сектантских молельнях, запретившего участие в любых молитвенных собраниях, кроме тех, что проводились в официальной церкви. Также был целый ряд и других серьезных трудностей. Почти все ведущие Друзья находились в тюрьме. Фанатики, к примеру, те истеричные женщины, чье низкопоклонство перед Джеймсом Нейлером ранее привело к общественному скандалу, навлекали на движение дурную славу. Последователи Джона Перрота учили, что сущность религии не требует никаких внешних рамок. Эта группа заявляла, что даже фиксированное время публичного богослужения есть рукотворная затея. Для противодействия этим тенденциям религиозного анархизма группа ведущих Друзей выпустила послание, заявлявшее о праве собраний исключать из своего круга тех, кто упорно отвергал их решения. Это произошло незадолго до освобождения Джорджа Фокса. Данное послание, определенно направленное на подчинение индивидуального водительства сути собрания в целом, знаменует собой важный шаг в развитии квакерства.

Изнеможенный и ослабший после заточения в тюрьме до такой степени, что едва мог сесть на лошадь, Фокс в этот критический момент отправляется в четырехлетнюю поездку по Англии и Ирландии, в царившей неразберихе наводя порядок путем создания месячных собраний, как элементов исполнительной власти Общества Друзей. Цель его поездки в Америку в 1671–1673 гг. была в основном та же. Хотя некоторые месячные собрания существовали и до этого, теперь их проведение стало стандартной процедурой и продолжает оставаться таковой на протяжении всей истории квакерства.

Месячное собрание состоит из всех Друзей, живущих в определенном регионе. Иногда оно включает в себя несколько молитвенных собраний. Составные части месячного собрания стали называть подготовительными собраниями, их функция заключается в подготовке к месячному собранию, которое принимает важные решения. Несколько соседних месячных собраний составляют квартальное собрание, а квартальные собрания в свою очередь объединены в Годовое собрание. Эта система развивалась постепенно. Сначала годовое собрание в Лондоне состояло исключительно из Друзей, занимавшихся служением. К 1672 году и на регулярной основе уже после 1678 года оно собирало представителей от всех квартальных собраний Англии. К 1760 году годовое собрание стало открытым для всех Друзей. В Америке эволюция этой системы шла по тому же пути, за исключением того, что в силу географического положения в колониях возникло шесть Годовых собраний.

Первые квакерские деловые собрания (или собрания церковного управления) посещались только мужчинами, но с 1656 г. стали появляться и женские собрания. В 1671 году Фокс разослал общее письмо с призывом создавать их повсеместно. В конце концов были созданы месячные, квартальные и годовые собрания для женщин. В течение нескольких лет дела, обсуждаемые на женских собраниях, отличались от дел мужских собраний, хотя чувства второстепенности это не вызывало. Они обсуждали вопросы, которые представляли особый интерес для женщин, например, заботу о бедняках, больных и заключенных. Инициированное в 1671 году важное Шестинедельное собрание, которое руководило делами лондонских квакеров, было совместным органом, состоявшим из мужчин и женщин. Сегодня все деловые собрания квакеров за исключением двух-трех консервативных регионов Америки проводятся мужчинами и женщинами совместно. Назначение женщин на важные административные должности было для семнадцатого века смелым шагом. Подготовка, которую женщины-квакеры получили на этих собраниях, как и на молитвенных собраниях, помогла им стать лидерами среди представительниц своего пола.

Система месячных, квартальных и годовых собраний в том виде, как она в итоге сложилась в Англии и Америке, предполагает принцип органичной принадлежности секций или небольших подразделений к большому организму. Первичной ячейкой в Обществе Друзей является месячное собрание. Членство существует только в них. В большой группе каждый Друг имеет те же обязанности, что и в группе поменьше. Делегированных полномочий не

существует. Как пишет Фокс в длинном послании о церковном управлении: «Наименьший член в Церкви имеет обязанность и может служить, и все члены нужны друг другу» (П. 264, 1669).

Объединения групп существуют не для того, чтобы осуществлять властные полномочия над своими меньшими частями; меньшие части также не доминируют над объединениями. У тех и других есть свои средства и цели. Объединения существуют, чтобы расширять круг знакомств и мнений, а также, чтобы выполнять задачи, слишком большие для небольшой группы. Объединение просит группы, из которых оно состоит, жертвовать деньги на поддержку своих проектов, дает полномочия и в случае необходимости оказывает финансовую помощь служителям и другим людям, отправляющимся в длительные поездки, поддерживает большие школы, назначает комитеты для решения различных вопросов и проблем за пределами диапазона возможностей небольших собраний, таких как миротворчество, трезвость, межрасовые отношения, книгоиздание, общественное устройство, национальное законодательство и помощь пострадавшим, в своих странах и за рубежом.

В сознании любого человека может возникнуть обеспокоенность, или забота, то есть сильное внутреннее чувство того, что следует принять какие-то меры для разрешения той или иной ситуации. Часто эта забота развивается в тишине молитвенного собрания. Член группы доводит ее до сведения своего месячного собрания, которое может как одобрить его, так и отнестись без симпатии. Если обстоятельства требуют согласия более широкого круга Друзей, месячное собрание может направить этот вопрос на рассмотрение квартального собрания. Затем квартальное собрание может предпринять действия в его поддержку или же может адресовать его годовому собранию. Таким образом, забота одного человека обеспечивается поддержкой группы, достаточно большой и достаточно мудрой для его осуществления. Для выполнения задуманного сила одного человека умножается во много раз, если его поддержали все три инстанции – месячное собрание, квартальное собрание и, наконец, годовое собрание. В некоторых случаях человек может сначала изложить свою заботу перед квартальным или годовым собраниями или перед комитетом, специализирующимся на подобных вопросах. В таком случае может пойти обратный процесс, и забота будет представлена месячному собранию для осуществления каких-то действий.

Годовое собрание выпускает советы в виде наставлений месячным, квартальным собраниям и отдельным членам. Оно также направляет вопросы своим собраниям с целью определить их состояние и выяснить, нужна ли им помощь. «Советы и вопросы» не являются приказами от вышестоящего к подчиненному. Месячные собрания – по-настоящему организационно независимые единицы Общества.

В восемнадцатом веке избранные места из протоколов годовых собраний были объединены в виде книги, где они располагались в алфавитном порядке согласно своим заглавиям. Этот сборник стал называться «Книга дисциплины». Рукописный вариант Филадельфийского Годового собрания от 1762 года имеет название «Сборник христианских и братских советов, даваемых время от времени годовыми собраниями Друзей Нью-Джерси и Пенсильвании». По мере необходимости в нее вставлялись дополнения, каждое с соответствующей датой. Эта книга, сокращенная с целью упоминания только активных правил, была напечатана в 1797 г. Позже алфавитная система была заменена тематической. «Книга дисциплины» время от времени переиздавалась и пересматривалась, так происходит вплоть до настоящего времени. Она является как нравоучительным руководством, так и справочником по церковному управлению. Дополнения и изменения отражают эволюцию этического самосознания – как оно становилось все более чувствительным к рабовладению, войне, злоупотреблению алкоголем, расовой и классовой дискриминации и другому злу.

В качестве примера такого роста этической чувствительности под заголовком «Негры или рабы» мы находим двадцать четыре страницы рукописных записей, датированных с 1688 г. по 1790 г., отмечающих каждый шаг процесса избавления самого Общества Друзей в Америке от рабовладения.*

* 1696 г. – совет против ввоза негров; 1730 г. – совет не покупать ввезенных негров; 1754 г. – совет не покупать никаких негров; 1758 г. – назначение комитета из пяти человек для посещения всех Друзей, которые имеют рабов, чтобы убедить их дать рабам свободу; 1762 г. – сообщается о существенном успехе; комитет просит распустить его. Квартальным и месячным собраниям предписывается продолжить работу с Друзьями, которые все еще владеют рабами; 1776 г. – годовое собрание объявляет, что квакеры-рабовладельцы, которые «по-прежнему отвергают советы своих братьев», должны быть лишены признания своими собраниями.

В разделе «Вопросы» есть группы вопросов, датируемые 1743, 1755, 1765 годами соответственно. Те, что касаются рабства, таковы:

1743 г. – Придерживаются ли Друзья прежнего совета нашего Годового собрания не поощрять ввоз негров и не покупать их после того, как их ввезли?

1755 г. – Чисты ли Друзья в том, что не ввозят и не покупают негров? Хорошо ли они обращаются с теми, кто достался им по наследству или иным образом? Стараются ли учить их согласно принципам христианской религии?

1765 г. – Такой же точно вопрос, как и в 1755 году.

В 1776 году вопрос был изменен на следующий:

Чисты ли Друзья от ввоза, приобретения, контроля или владения людьми в качестве рабов? Хорошо ли они обращаются с теми, кто освобожден и по необходимости находится под их опекой? Не пользуются ли их несовершеннолетием или недееспособностью, чтобы заставлять служить себе? И заботливо ли они обучают и наставляют их в религиозной и добродетельной жизни?

Вот три шага, показывающие усиление чувствительности по отношению к четко определенному злу. Во-первых, Друзья были обязаны не покупать ввозимых негров. Во-вторых, они обязаны были никого не покупать, хотя и предполагалось, что они могут получить рабов в наследство. И наконец, они обязаны были никого не держать в рабстве вообще. Эволюция «Книги дисциплины» является свидетельством способности квакерского метода развивать и усиливать чувствительность совести.

В том же году, когда «Декларация независимости» провозгласила, «что все люди созданы равными, что они наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью», квакеры выпустили свою собственную декларацию, которая восприняла эти великие слова во всей их полноте. Они не устроили свою собственную революцию с помощью насилия, но, тем не менее, осуществили ее со всей тщательностью.

Извечная проблема соотносящихся прав и обязанностей индивида и группы никогда не была столь точно решена, чтобы не вызвать последующих трудностей. В 1678 г. группа Уилкинсона-Стори отделилась от квакерского сообщества Англии главным образом потому, что была против любой власти, осуществляемой группой над индивидом. Разделение в Филадельфии, произошедшее в 1827 г., было в значительной степени результатом различий между более индивидуалистической и более авторитарной тенденциями в Обществе Друзей.

Тем не менее, квакерской форме церковного управления в значительной мере удалось обеспечить разумный баланс между свободой и порядком. Без какой-либо власти над индивидом движение, несомненно, распалось бы, как это произошло с различными группами религиозных анархистов. Без значительной свободы Общество Друзей переродилось бы в формальную систему. Поправки, зависевшие от власти группы над индивидом, усмирялись личными инициативами, влиявшими на решение группы.

У Друзей собрание по церковным делам – точно такое же религиозное мероприятие, как и молитвенное собрание, но у него иная цель. Молитвенное собрание во главу угла ставит отношения между Богом и человеком; деловые собрания в основном касаются сотрудничества меж людьми. Эти два вида собраний являются взаимозависимыми. Если взглянуть с другой точки зрения, молитвенное собрание касается вопроса «как быть», в то время как деловое собрание озабочено вопросом «что делать». То, что подразумевается в богослужении, проясняется в действии. Деловому собранию, следовательно, должен предшествовать какой-то момент богослужения, когда растворяется твердая оболочка эгоцентризма и группа объединяется в живое целое. Хорошо также завершать деловое собрание каким-то периодом молчаливой молитвы. Джордж Фокс пишет Друзьям:

Друзья, держите ваши собрания в силе Божией, в его мудрости (с помощью которой все происходит) и в любви Божией, чтобы вы могли устроить все во славу его. И когда Друзья заканчивают свои дела, садитесь и продолжайте какое-то время спокойно ожидать Господа, чтобы почувствовать его. И не уходите от Силы, но держитесь Силы, которой Бог Всемогущий может ощущаться среди вас. [П. 162, 1658]

Так как существует только один Свет и одна Истина, если добросовестно следовать Свету Истины, результатом будет единение. «Сам Свет, – говорит Томас Стори, – неделим и является одной и той же целостностью, неразделяемым, непрерывным Бытием». Чем ближе члены группы приближаются к этому единому Свету, тем ближе они будут друг к другу, так же как спицы колеса сближаются друг с другом по направлению к центру. Молитвенный дух имеет важное значение для такого рода деловых собраний, на которых группа стремится действовать как единое целое. Истинное богослужение преодолевает чрезмерную индивидуальность, создавая сверхличностное сознание. Если появляются серьезные расхождения во мнениях, то может случиться, что прибегнув к некоторому периоду молчания, обнаруживается основа для единства. Если не достигается высокая степень единства, действие переносится, при условии, что нет необходимости в срочном решении. На таком собрании главную роль в принятии решения играет клерк, который должен определить суть собрания, записать ее или же быть ответственным за ее запись.

На собрании дело, выносимое клерком, комитетом или отдельным человеком, «проговаривается» теми, у кого есть мнения или суждения относительно него. Когда рассмотрение достигает стадии, которая показывает, что приемлемая степень единства достигнута, клерк объявляет понимаемую им суть собрания. Если собрание соглашается с его формулировкой, первоначальной или переработанной, она становится решением собрания, и в таком виде заносится в протокол. Степень единства, необходимая для принятия решения, зависит от важности вопроса, его характера и глубины чувств тех, кто выступает против общей тенденции во мнениях. По многим мелким делам высказываются мало или не высказываются совсем. Даже молчание может быть согласием. Но по важным, волнующим вопросам принято призывать высказываться всех, кому есть, что сказать, и кто готов это сделать. Некоторые проблемы откладывались более чем на век в ожидании единства. Примером может служить приемлемость рабства в Обществе Друзей. Если бы голосование было проведено в 1700 г., рабство, вероятно, не было бы признано приемлемым, но значительное меньшинство с этим не согласилось бы. Вопрос поднимался снова и снова, медленно происходил прогресс, пока в 1776 г. Общество не объединилось в своем отказе от сохранения членства для тех лиц, которые владеют рабами.

Меньшинство с отличным мнением, как бы мало они ни было, не игнорируется, особенно, если в него входят члены, суждения которых пользуются большим уважением.

Авторитетность члена при определении решения собрания зависит от доверия собрания к обоснованности его суждений. По определенным вопросам ко мнению одних Друзей прислушиваются больше, чем ко мнению других. По какому-либо финансовому вопросу мнение одного финансиста в итоге может предопределить суть собрания, в то время как по каким-то иным вопросам его мнение может иметь меньший вес. Если человек выносит перед собранием свою заботу, многое будет зависеть от того, до какой степени эта забота охватила его. Если он чувствует ее глубоко и, возможно, несмотря на неприятие другими высказывает ее снова и снова, собрание в конце концов может согласиться с его предложением, даже если кто-то по-прежнему будет ощущать некоторую неуверенность на этот счет.

Если существует серьезное расхождение во мнениях по вопросу, который нельзя откладывать, окончательное решение может быть оставлено на суд небольшого комитета. Нередко меньшинство перестает противодействовать для того, чтобы собрание смогло прийти к решению. И, тем не менее, удивительно, как часто достигается настоящее единство, несмотря на то, что на начальных этапах обсуждения выявляется широкий спектр мнений или ярко выраженные расхождения, возникающие из-за твердости убеждений. По мере обсуждения вопроса постепенно появляется и, наконец, достигается единство. Бывает, что решение находят совсем не там, где предполагалось в самом начале. Такой процедурный порядок требует больше времени и терпения, чем метод голосования, но результаты, как правило, вызывают больше удовлетворения у всех заинтересованных сторон.

Теоретически клерк – это секретарь, ведущий записи, но на практике он часто должен брать на себя обязанности председательствующего. Он должен тонко чувствовать все направления высказываемых мнений, в том числе выражаемых не очень внятно. Когда одновременно, чтобы высказаться, встают двое или несколько человек, он должен определить, кому дать слово первым. Он должен определить, сколько времени будет посвящено каждому из пунктов повестки дня, имея в виду все вопросы, стоящие перед собранием. Он должен принять решение, насколько длинной может быть запись в протоколе для точного изложения решения. Он несет ответственность за соблюдение повестки дня собрания. Он может попросить разговорчивых членов ограничить свои реплики, а молчащих членов высказаться. Понятно, что все это ложится на клерка тяжелым грузом, но в каких-либо непредвиденных ситуациях он может получить помощь от любого члена. В теории осуществляет властные функции собрание в целом, а не клерк, но иногда клерк может оказаться в положении, когда некоторое применение власти неизбежно.

Если этот квакерский метод достижения единства не срабатывает, как правило, причиной тому являются некоторые члены, которые не достигли в себе правильного соотношения ума и сердца. Серьезным препятствием могут стать догматики, которые говорят с чувством окончательной правоты или выступают подобно спорщику, полному решимости победить. Красноречие, которое взывает к эмоциям, неуместно. Те, кто приходят на собрание не столько для выявления Истины, сколько для обеспечения победы своего мнения, могут обнаружить, что их взгляды не имеют большого веса. Мнения всегда следует выражать скромно, с сомнением, с пониманием того, что ни один человек не видит Истину целиком, и что собрание в целом может увидеть больше от Истины, чем любая его часть. Когда Б говорит вслед за А, он принимает во внимание мнение А. Выступающий далее В вероятно говорит что-то отличающееся от того, что могли бы сказать, но не сказали А и Б. Каждый выступающий опирается по крайней мере на некоторое внутреннее озарение любого другого искренне выступающего. Наконец, произносятся слова, которые получают общее одобрение. Кто-то говорит: «Я одобряю», «я согласен» или что-то подобное.

Этот метод похож на некоторые другие методы консенсуса, например, предложенные М. П.

Фоллеттом в труде «Новое государство» или Франком Вальзером в его «Искусстве ведения конференции». Но в религиозном контексте он коренным образом отличается. Джордж Фокс пишет: «Ни на мужских, ни на женских собраниях Друзья не должны встречаться подобно группе людей, обсуждающих дела города или прихода, но должны ожидать Господа» (П. 313, 1674). Квакеры используют этот метод с большой долей успешности в течение трех столетий, потому что он прошел религиозную проверку, основываясь на Внутреннем Свете, который приводит к единству. Так как Свет есть Бог в своей сущности Творца, Единство в Нем создает единство в группе. Когда метод не срабатывал, как в расколах XIX века, духовная жизнь была слаба, а Друзья слишком нетерпеливы при ожидании развивающегося единства.

В лучших ситуациях результатом квакерского метода не является компромисс. Компромисс может не полностью удовлетворить всех. Цель квакерского метода – обнаружить истину, которая удовлетворит всех более полно, чем любая занимаемая ранее позиция. Все и каждый в таком случае смогут сказать: «Это именно то, что я, в самом деле, хотел, но я не понимал этого». Для того, чтобы узнать, что мы действительно хотим по сравнению с нашими первоначальными представлениями о своих желаниях, мы должны заглянуть глубже поверхности собственных эгоистичных желаний на более глубокий уровень, где обитает истинное Я. Самое глубокое Я – то, которым мы делимся со всеми другими. Это один Виноградник, лозами которого мы все являемся, та самая Жизнь Божья, на которой основана собственная жизнь каждого из нас. Поэтому желать то, что есть Божья воля, значит желать то, что мы сами действительно хотим.

Метод голосования представляет собой механический процесс, при котором большую силу срабатывают с меньшей силой, чтобы увидеть, кто победит, возможно, даже без попытки договориться. Квакерский метод ведет к синтезу, при котором каждая сторона производит некоторое улучшение в целом. В общем, голосование не создает ничего нового, – просто одна сторона многочисленнее, чем другая. Органичный метод с помощью процесса «перекрестного опыления» на самом деле может производить нечто такое, чего там не было изначально. Как и в жизни, целое больше, чем сумма его частей. Новое творение возникает через жизнь или душу целого, во всей его полноте, которой не было ни в одной из частей. Как только собрание становится единым целым, оно учится мыслить как единое целое. Это и есть достижение. Каждая частичная, фрагментарная точка зрения обогащает общее мнение.

Метод голосования, как правило, работает быстрее. Органичный рост – процесс медленный, но такой, к которому то, в чем есть жизнь, легко приспосабливается, в то время как механические конструкции обычно не столь гибкие. При методе голосования «один человек – один голос» мнение глупого или безразличного считается наравне с мнением мудрого, заинтересованного или ответственного. На квакерском деловом собрании выслушивают и мудрого и глупого, но вклад каждого в итоговое решение, как минимум, может быть измерен пропорционально заинтересованности человека или мудрости его вклада.

Может показаться, что из-за необходимости для квакерского собрания ожидать единства, решения, принимаемые этим методом, будут скорее консервативными. Иногда так и случается, но в общем квакерское новаторство в социальных реформах свидетельствует о том, что, как правило, консервативные решения не преобладают. У многих людей первая реакция на предложение чего-то нового является негативной. Поэтому метод голосования, который является более быстрым, может сам по себе провоцировать негативную реакцию. Меньшинство чаще бывает более радикальным, чем большинство. В случае если принятие решения откладывается в попытке сохранить единство, продвинутому меньшинству предоставляется время для того, чтобы убедить большинство. В итоге результатом может стать более новаторское решение.

Теперь что касается численности. Квакерский метод лучше работает в малых группах, чем в больших. Это относится как к молитвенным собраниям, так и к собраниям деловым. Легче

достичь единства в тесной группе, члены которой хорошо знакомы друг с другом, чем в большой группе, где обязательно будет больше разнообразия. Но опыт показывает, что даже в больших группах, особенно если они содержат несколько способных, «бывалых Друзей», этот метод может успешно применяться. Биологи полагают, что эволюция лучше всего происходит в группах умеренного размера. Если группа слишком мала, то в ней недостаточно изменений, обеспечивающих прогресс. Если группа слишком большая, изменения тонут под воздействием массы.

Поэтому, если месячное собрание становится слишком большим, оно должно делиться. Такое клеточное деление является естественным методом роста, который был присущ Обществу Друзей с самого начала. Причиной деления также может быть переселение по экономическим причинам. Члены собрания, особенно молодые, могут переехать в те места, где нет собраний Друзей. Возможно, они начнут организовывать собрания у себя дома. Такое собрание может начаться с очень небольшого числа участников, но когда об этом будут узнавать близкие по взглядам люди и изолированные Друзья, собрание, вероятно, начнет расти. Такой простой метод роста дает Друзьям стратегическое преимущество. Религиозные группы, которым нужны профессиональные пасторы и особые органы управления, не могут позволить себе начать деятельность столь неформально. Друзья же могут организовать собрание где угодно и в самых простых условиях, начав с двух человек. В колониальные времена Друзья быстро распространялись во многих общинах пионеров-поселенцев, потому что собрание Друзей может с легкостью проходить и в домашних условиях.

Квакерский метод срабатывает тем успешнее, чем больше пропорция членов собрания, знакомых друг с другом. Еще лучше, если между ними существует настоящая эмоциональная близость. Когда в коринфской церкви возникли разногласия и фракции, ее члены написали Павлу, чтобы спросить совета. Сделав несколько конкретных предложений, в знаменитой 13 главе своего письма он продолжает: любовь – действительно единственное решение. В подобной ситуации Иоанн в своем первом письме говорит, как важна любовь: «Мы знаем, что мы перешли из смерти к жизни, ибо любим братьев» (1Иоан. 3:14).

Для слова «любовь» Павел и Иоанн используют греческое слово «агапэ» вместо более обычного греческого слова «эрос». Агапэ означает бескорыстную любовь, которая стремится отдавать, а не обладать. Павел сказал, что агапэ «не ищет своего» (1Кор. 13:5). Она самая сильная связующая сила внутри религиозной группы. Она передает Дух, который притягивает людей друг к другу и к Богу, и в то же самое время не приводит к доминированию одной воли над другой. Именно любовь приводит к гармонии взаимно противоречащие понятия единства и свободы.

Агапэ сродни дружбе, объединяющей силе, которая в то же время уважает индивидуальность и свободу. В Евангелии от Иоанна Христос отождествляет любовь этого типа с дружбой, что проявляется в его словах: «Нет больше той любви, как если кто отдаст жизнь свою за друзей» (Ин. 15:13). Так как слово «любовь» имеет столь много различных значений, более уместным оказалось то, что квакеры назвали себя Обществом Друзей, а не Семейей Любви, как одна из групп того времени. Возможно, название «Друзья», ставшее настолько привычным, что о его происхождение редко задумываются, пришло из слов Иисуса: «Я не стану больше называть вас слугами, ибо слуге неведомо, что делает его хозяин. Я назвал вас друзьями» (Ин. 15:15). В ранних протокольных записях собраний в Пенсильвании квакеры называют себя «Друзьями Бога».

Общество Друзей при выборе своего названия выразило чувство того, что их религия основывается на дружбе, а не на правилах повиновения, уместных для слуг, чьей обязанностью является обязанность повиноваться. Таким образом, ранние Друзья в религии выделили нечто отличное от того, на что обращали внимание протестанты их эпохи. Пуритане считали, что надежда человека на спасение зависит от его повиновения приказам,

навечно записанным в священной книге. К этим приказам относились как к инструкциям, которые получает слуга, «не ведающий, что делает господин его», и обязанный им подчиняться, независимо от того, понимает он их или нет. Но если Божья воля проявляется не столько во внешнем законе, сколько в Свете Истины, который рождает вдохновенное изнутри действие, это уже отношение дружбы и свободы, основанное на понимании. В нем нет внешнего господства. Отсюда возникает разница между концепцией пуританского долга с его внутренним напряжением и принуждением и квакерской концепцией совести с ее чувством свободы и мира. Слуга может служить из-за чувства долга, друг же помогает своему другу по иной причине. Тот, кто служит Богу из чувства долга, может услышать божественный голос, возглашающий: «Так и вы: когда исполните все приказанное, скажите: "Мы слуги, не заслуживающие никакой благодарности; мы всего лишь исполнили приказанное"» (Луки 17:10).

Помимо религии дружбы и религии подчинения есть еще один тип религии – превозносящий такую любовь, которая объединяет через обладание. Такая любовь описана многими великими христианскими мистиками. Это Духовный Брак, самая вершина лестницы мистицизма, аллегорическая интерпретация Песни Песней. В эмоциональном содержании это сродни браку между мужчиной и женщиной. В результате единения с Богом личностное затопливается столь полно, что теряется индивидуальность, так же как теряется капля воды, упавшая в океан. Превознося этот опыт, многие святые в своих духовных трудах пишут то, что совсем не свойственно ни квакерам, ни протестантам. Единение через подчинение, единство благодаря эмоциям и единство благодаря дружбе – все это существенные стороны человеческого опыта. То, что особенно важно для квакеров, позволяет придавать большее значение индивидуальности и свободе.

Общество Друзей стремится поддерживать такую организацию, которая не уничтожает свободу. Свобода проявляется в выражении согласия, осуществляемого не из какого-то чувства внутреннего или внешнего принуждения, а для следования Истине из-за любви к ней. Внутренний Свет, будучи как Истиной, так и Любовью, сближает людей изнутри. Он не оказывает никакого внешнего давления. Он уважает уникальную индивидуальность каждого человека. Рантеры, антиномийцы и другие анархистские течения, ряд которых покинули Общество Друзей на его раннем этапе из-за мнения, что любая форма организации будет ограничивать их свободу следовать за Светом Истины, к чему бы это ни вело, не понимали, что Свет есть и Любовь, и Истина. Любить истину значит следовать тому, что сближает людей и ведет их к единению в дружбе, то есть любви без обладания, высочайшему состоянию во Вселенной, Присутствию Самого Бога. Уильям Пенн в своих «Максимах» писал: «Невозможно разделить души, что любят и живут по одинаковому Божественному Принципу, основе и свидетельству их дружбы».*

* Уильям Пенн. Новые плоды одиночества, являющиеся второй частью Мыслей и Максим. II. 129.

С этой проблемой свободы в организованной группе столкнулись ранние христиане. После того, как Павел основал церковь Галатии, некоторые люди пришли к христианам-галатам и сказали, что для того, чтобы быть христианами, они должны полностью соблюдать закон Моисея. Когда Павел услышал об этом, он с большим рвением, чем в любом другом из своих писем, дошедших до нас, написал, что христианство – это не старый закон и не новый закон. Это свобода от закона. На первый взгляд это может показаться чистой анархией. Но Павел не говорил о неограниченной свободе ради угождения своей плоти (Гал. 5:13). Внешним ограничениям закона он противопоставляет внутреннее руководство, основанное на любви Бога. Это и есть чистая свобода, потому что через единение с Богом человек желает того, что желает Бог; Бог же свободен. Поэтому человек может разделять свободу Бога. Павел говорит о Внутреннем Христе: «и уже не я живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:20). Это справедливо и по отношению к новообращенным галатам: «все вы, во Христа крестившиеся,

во Христа облеклись» (Гал. 3:27). И поэтому он восклицает с радостью и удивлением: «Итак стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства». Закон нужен детям и рабам, но так «как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего» (Гал. 4:6).

Это не простая доктрина. Неудивительно, что христианская церковь медленно шла к пониманию Павла или не стремилась его понять. Церковь в итоге оказалась под руководством церковной иерархии, которая оставила мало возможностей для свободы Духа. Павел признает необходимость правил для направления неопытных, которые еще не достигли свободы во Христе (Гал. 4:1-3). Но Церковь все-таки оставила мало свободы, кроме как для своей верхушки. Раннему протестантизму с его учением о порочности потребовались внешние правила и сила внешней молитвы вместо внутреннего направляющего Духа. Писание, зажатое в законах, трактовалось символами веры, которые были столь же обязательными, как закон Моисея. Квakerы одиноки в попытках создать форму церковного управления, которая, хотя, возможно, и была результатом практики, но теоретически дала свободу тем, кто ведом Духом. Подобно Павлу они признали необходимость наставлений для духовно незрелых, словно детям в школе, но даже деятельность квакерских школ была построена таким образом, что принуждение свелось к минимуму.

Достижение единства на собрании – это не достижение однородности. Единство – духовное, однородность – механическая. Друзья никогда не требовали от своих членов одобрения религиозных или социальных кредо, хотя нередко организации Друзей выступали с заявлениями, выражающими их религиозные или социальные взгляды в конкретный момент времени. Однако всегда существует оговорка о том, что Дух Истины может привести к дальнейшему прозрению. Допускаются различия внутри группы по конкретному применению общих принципов при условии, что они активно анализируются в духе дружбы для продолжения поиска истины. Такие различия часто имеют большое значение, помогая возникать новым сторонам истины.

Обнаружение истины через различие мнений хорошо иллюстрируется в истории науки. «Столкновение учений – не катастрофа, это возможность», – говорит Уайтхед. В качестве иллюстрации он показывает, как расхождение в результатах экспериментов по определению атомного веса некоторых элементов привело к открытию того, что один и тот же элемент может образовывать две и более различные формы или изотопы. О двух разных мнениях мы можем сказать так же, как Христос сказал в притче: «Пусть оба растут вместе до жатвы». Жатва – это более полное обнаружение истины, которая включает и одно, и другое. Так, рассказывает Уайтхед, Галилей сказал, что Земля движется, а Солнце неподвижно. Инквизиция утверждала, что Земля неподвижна, а Солнце движется. Современная теория относительности включает в себя обе эти ранние теории. Эту жатву иногда приходится ждать долгое время.

Но различия перестают иметь значение, когда игнорируются фундаментальные принципы. В науке различие между одной теорией, основанной на научном методе, и другой теорией, основанной на ином методе, например, магии или астрологии, не приведет к новой научной истине. Подобным же образом не приведет к новой истине различие между двумя точками зрения – одна из которых была результатом свободного поиска, а другая появилась из-за слепого соглашения с авторитетным высказыванием. Для того, чтобы стать созидательным, авторитетное заключение должно быть подвергнуто аналитическому разбору, который возможно изменит его. Если же рассматривать его как нечто застывшее, оно будет мертво и непродуктивно.

В квакерстве, как и в науке, новое может возникнуть только из старого. В науке творчество, которое не принимало во внимание прошлые открытия, как правило, не порождает новую истину. Аналогично и квакерский метод не приведет к прогрессу без учета всех великих

истин, которые были обнаружены в прошлом. Собранию следует с сомнением отнестись к принятию любого предложения, которое идет вразрез с накопленной мудростью праведников и пророков, живших прежде. Когда оно стремится найти решение, которое являлось бы выражением истины, ему следует смотреть на себя как на часть невидимого коллектива всех тех, кто обнаруживал истину. Их озарениям следует уделять должное внимание при выработке решения. В религии, как и в науке, мы не начинаем с нуля. Учение о Внутреннем Свете не означает, что человек должен зависеть только от своей собственной меры Света. Как в науке мы не ожидаем, что все будут Ньютонами или Дарвинами, так и в религии мы не надеемся, что все будут Павлами или Фоксами. Те, кто не являются гениями, должны в полной мере иметь доступ к наследию религиозных гениев, как и гениев науки.

Следует иметь в виду, что синтез мнений, достигнутый в группе, не является хорошим лишь благодаря тому, что это синтез. Единство может случиться в вопросах как высокого, так и низкого уровня. Группа бандитов может достичь консенсуса в осуществлении своих замыслов. Нация может быть единой при принятии решения развязать агрессивную войну. Толпа может достичь единого мнения на более низком уровне, чем принципы поведения составляющих ее лиц. Ключом к решению этой проблемы является понятие Света, как того, что ведет к Богу. Если следовать правильным методом, Свет, который объединяет группу, будет взят в качестве облагораживающего принципа. Так как Истину ищут с помощью молитвы, богослужения и серьезных усилий по очищению от эгоцентричного и связанного с желанием обладать, такая группа через обсуждения будет подниматься на более высокий уровень по сравнению с тем, с которого она начинала. Так происходит, когда существует реальная взаимная зависимость между молитвенным собранием и деловым собранием. «Согласие, направленное вверх» – это название главы в труде китайского философа Мо-цзы. Именно к согласию, направленному вверх, и должно стремиться собрание.

Естественный метод принятия решений на основе консенсуса появляется как на примитивном доиндивидуальном уровне общества, так и на продвинутом уровне, когда индивид начинает играть менее значимую роль. В первом случае эгоцентризм еще не так развит; во втором случае он уже преодолен. Уильям Риверс пишет о жителях Соломоновых островов: «Во время обсуждений у таких народов нет голосования или другого способа определения мнения группы». Квакеры, путешествовавшие по Америке в колониальный период, иногда посещали встречи индейцев и отмечали, что их метод принятия решений схож с тем, что используют квакеры на деловом собрании. Джон Ричардсон во время поездки к Уильяму Пенну заметил, что индейцы «не говорили по двое в одно и то же время, ни в малейшей степени не перебивали друг друга». Он говорит: «Моей душе было очень легко с ними», и продолжает: «Я не чувствовал, чтобы меня угнетала сила тьмы, как это бывало во многих местах среди людей, называемых христианами». Также замечалось, что на этих советах вместе с мужчинами участвовали и женщины. Томас Чокли пишет, что в 1706 году, путешествуя за рекой Саскуэханной, он попросил у индейцев разрешение провести религиозное собрание,

для которого они созвали встречу, и во время проведения были очень серьезными и говорили один за другим без какого-либо гнева или резкостей. И некоторые из самых почитаемых их женщин тоже иногда говорят на этих встречах... Наш переводчик сказал мне, что они вот уже в течение многих лет ничего не предпринимают без совета одной старой, серьезной женщины, которая, как я наблюдал, много говорила на этой встрече.

Кэтрин Филлипс пишет об аналогичной встрече:

На этом собрании сидело несколько их женщин, которые своей неизменной солидностью напомнили мне римских матрон.

Такие советы, где обеспечивается равенство полов и отсутствует голосование, показывают, что органический метод находится в согласии с человеческой природой, так как она развилась из примитивного матриархального состояния. Более механистический способ голосования становится привычным на более поздней стадии развития, когда общество стало более индивидуалистическим. Но есть еще и последующая стадия, когда в божественно-человеческом сообществе индивидуализация самосознающих личностей преодолена, но не исчезла. Поэтому, вдохновленное одним Духом, это сообщество может действовать как единое целое. Третья стадия похожа на первую, но она выше, потому что ее участники прошли через переходное состояние и стали автономными индивидами. На первой стадии есть единство; на второй – индивидуальность; на третьей – синтез единства и индивидуальности, что делает возможным свободное участие в жизни группы.

ГЛАВА 7

Сообщество собрания

Благодаря двойной функции квакерского собрания – богослужения и решения деловых вопросов – возникает община. Если эти функции исполняются успешно, собрание становится сплоченной группой, в которой индивид соединен с целым, подобно тому как клетка соединяется с организмом. «Организм» – это фигура речи, используемая для описания такого единства, которое существует в группе свободных, самосознающих личностей. Очевидно, что это отличается от связей в биологическом организме, части которого не обладают индивидуальностью и свободой. Единство, основа которого не один лишь акт свободного выбора, предпринятый в самом начале, а продолжительная серия актов свободного выбора, легче всего достигается в сравнительно небольшой группе. Если единство было успешно достигнуто в малой группе, то те же люди с большей готовностью могут впоследствии перенести его на группу покрупнее. Привычки поведения, сформированные в малой группе, неизбежно распространяются на более крупные объединения.

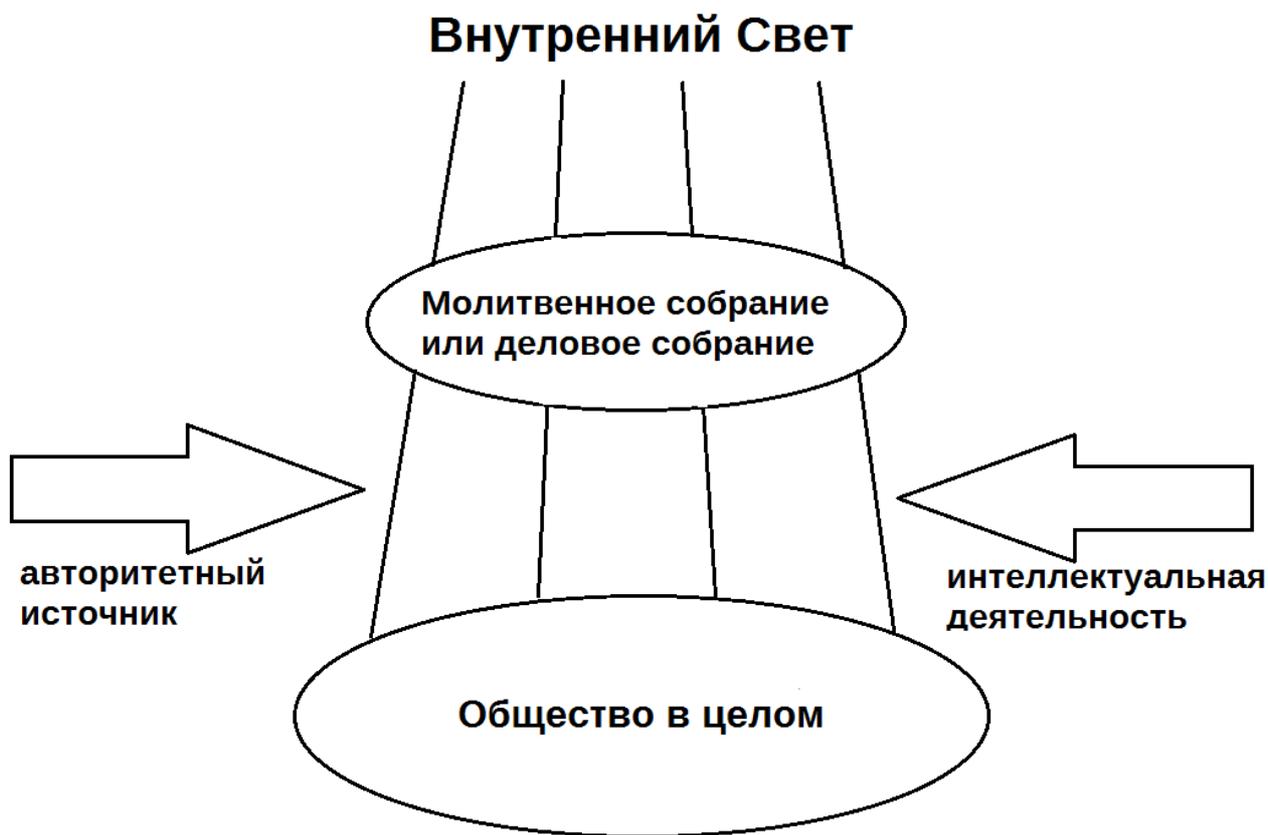
Например, семья – это небольшая группа, которая может быть важным местом для воспитания правильного поведения в более широком сообществе. Члены обычной семьи сотрудничают друг с другом и в равной степени пользуются семейными ресурсами. Слабый имеет право на получение того, что ему требуется, в такой же мере, как и сильный, Еда, выставленная на стол, распределяется в соответствии с потребностями, а не силой, с которой ее можно ухватить. Такой вид поведения отличается от поведения в мире конкуренции. Например, в районе, где обнаружена нефть, каждый стремится получить столько, сколько ему по силам, невзирая на других. Тем не менее, разница между кодексом поведения в семье и кодексом поведения вне ее смягчается благодаря тому, что привычки сотрудничества и совместного распределения, привитые в семье, часто продолжают проявляться, когда члены семьи выходят в мир. Аналогичным образом религиозная группа может так вести свои дела, что привычки поведения, сформированные внутри нее в качестве прямого результата ее доктрин и обычаев, могут проявиться и вовне. Ранняя христианская церковь не осуждала рабство. Но когда Павел написал Филимону письмо с просьбой вернуть его сбежавшего раба, ставшего христианином, тот ответил, что в Церкви хозяин и раб равны. Это равенство внутри Церкви в конце концов привело христианство к осуждению рабства в целом.

Участие в деятельности группы является старейшей и наиболее эффективной формой обучения. Эта форма древнее самой человеческой расы. Начавшись с рождения, обучение может продолжаться до конца жизни. Подобное комплексное обучение человеческого тела, ума и духа глубоко укореняется в его характере. Через участие в деятельности группы ее

участники учатся на живых примерах, а не с помощью формального обучения, хотя и такое обучение тоже может оказаться важной частью жизни. Полноценное участие в жизненных делах ведет к достижению уровня, находящегося ниже уровня идей, к уровню более глубоких чувств, которые двигают человеческую волю. Сами по себе идеи, полученные в школе или почерпнутые из книг, обладают небольшой движущей силой, если не связаны с этим более глубоким процессом. Они требуют подкрепления через деятельность. Если общение между мыслью и действием случается достаточно часто, мысли и действия совмещаются, и результатом становится глубокое и долгодействующее обучение.

Возникновение озабоченностей социальными проблемами

Смысл группы в практике квакеров может быть проиллюстрирован следующей диаграммой. От Бога Свет нисходит на ожидающую его группу. Этот Свет, если ему открыт путь, ведет к трем вещам: единству, знанию и силе. В результате мы имеем то поведение, которое в идеале может существовать на молитвенном собрании и на деловом собрании. Из-за особенностей Света Христа, это получаемое в результате поведение можно в общем виде описать с помощью четырех слов: сообщество, гармония, равенство и простота, хотя не стоит думать, что они вбирают в себя все возможные варианты. Эти четыре типа поведения, которые тесно связаны между собой, сначала появились в более узком кругу, а затем стали применяться шире, по мере того, как члены этого круга покидали его пределы, выходя в большой мир.

Озабоченность социальными проблемами в квакерском сообществе возникает в результате воздействия Внутреннего Света, направленного на общество в целом. Озабоченность может возникать и в результате воздействия авторитетного источника или интеллектуальной деятельности, однако такие причины не характерны для квакерского метода.

Члены собрания в своем сообществе наработывают привычки, и они неизбежно сохраняются, по крайней мере, до определенной степени, в каком бы деле им ни пришлось применяться.

Но поскольку использование этих привычек может встретить меньше препятствий в небольшой, близкой по духу, сравнительно однородной группе, чем в обществе в целом с его менее благоприятными условиями, есть вероятность, что для этого потребуются компромиссный подход и их некоторая корректировка. Некоторые члены, сильнее других преданные своим принципам, будут пытаться избегать компромиссов.

В живом и динамичном собрании заботы могут возникнуть сначала на молитвенном либо деловом собрании и касаться первым делом вопроса о том, какое они могут иметь отношение к членам собрания. Но может получиться так, что в конечном итоге это превратится в деятельность, перенесенную за пределы малой группы, в общество в целом. Так, чувство ответственности за усиление экономической помощи нуждающимся участникам своего сообщества превратилось в заботу об усилении экономической помощи всем, кто в ней нуждается. Таким же образом результатом привычки общаться с членами своего собрания в миролюбивой манере стала привычка миролюбиво общаться и с другими людьми.

Потребность может возникнуть не из-за воздействия Внутреннего Света на душу человека, но через непреодолимую силу какого-либо авторитетного источника или в результате логических размышлений. Такой процесс будет отличаться от обычного квакерского метода. Авторитеты и разум являются необходимыми дополнениями к внутреннему водительству. Их отсутствие означало бы состояние непригодности. Но самих по себе их недостаточно. Для примера: если кто-то решил отказаться от призыва в армию, этот отказ мог вырасти из смирения перед словами Нагорной проповеди, он мог возникнуть на основе какой-либо философской либо научной теории, или как понимание бесполезность войн. Он также мог вырасти из побуждений совести, освещенных божественным Светом во время ожидания Бога.

Квакер обращает особое внимание на водительство совести, озаренной светом. На разум и авторитетный источник он опирается для проверки. Его позиция даже ему самому может показаться противоречащей здравому смыслу и мнению уважаемых авторитетов. Но если Свет в его совести дает ясное водительство, он должен следовать ему, как основному элементу, указывающему религиозную и нравственную истину. Совесть обладает познавательной способностью в своей сфере, а мысль – в своей. Психолог Юнг, описывая основные психические функции, определяет их так: мысль, чувство, интуиция и ощущение; мысль и чувство у него являются познавательными. Чувство дает нам знание о ценностях. Это согласуется с квакерской точкой зрения. На квакерском молитвенном или деловом собрании говорящий редко произносит «я думаю», обычно – «я чувствую». При согласии с другим выступающим, он скорее всего скажет: «Это соответствует моими чувствам» или же «Я бы чувствовал себя спокойнее всего, если бы это было сделано». Чувство внутреннего напряжения и дискомфорта часто интерпретируется как признак того, что что-то нужно сделать. Чувство внутреннего покоя является признаком того, что было сделано что-то правильное. Авторитеты и разум являются заменимыми вариантами проверки. Из-за этого они важны при убеждении других лиц. Чувства, возникающие из-за угрызений совести, не могут передаваться от одного человека к другому в большей степени, чем, скажем, эстетические суждения. Но к совести другого человека можно взывать, исходя из теории о том, что один и тот же Внутренний Свет освещает всех людей и ведет сознание каждого к общему согласию. Таким образом, Свет в одном человеке будет «откликаться» на Свет в другом, по выражению Джорджа Фокса. Такого рода «отклик» может происходить в любых условиях, но наиболее эффективно в небольшой молитвенной группе.

Вдобавок к авторитету и интеллекту существует также проверка практикой. Действие оценивается как хорошее, если хорош его результат. Такая проверка имеет некоторое сродство с проверкой через интеллект, потому что результаты предлагаемого действия должны рассматриваться в свете подобных действий в прошлом. Интеллект производит сравнение и делает вывод, что если результаты были хорошими или плохими в прошлом, они

будут хорошими или плохими в будущем, если условия одинаковы. Прагматическая проверка имеет свои корни и в чувстве, потому что именно с помощью чувств мы судим, хороши ли результаты или же плохи. Если бы мы использовали только прагматическую проверку, мы бы могли ошибиться в интерпретации решения, потому что нынешние результаты должны оцениваться, основываясь на предшествующих им результатах, а те результаты – на еще более ранних результатах, и так далее, без конца. Поскольку никто не может предвидеть конечный результат, имеет важное значение проверка, не являющаяся лишь прагматичной.

То, что Друзья, как правило, не судят о достоинствах предлагаемого действия с точки зрения кажущихся последствий, можно проиллюстрировать двумя примерами. Уильям Аллен, весьма успешный ученый и бизнесмен, пишет в своем дневнике:

Я думаю, что мне было указано не искать чего-то великого в религиозных вопросах, но идти дальше в простоте, все больше и больше стремиться к избавлению от всяческих рассуждений и опасений за последствия.

Джон Вулман пишет в своем «Дневнике»:

Путешествуя повсюду за последнее время, я вновь для себя освежил доказательства следующего: совершать должное и довольствоваться тем, что дано мне Божественным Провидением, – это и есть для меня самый необходимый и полезный урок; а также меньше смотреть на последствия моих усилий и скорее на чистое побуждение, подлинную сущность беспокоящего меня, так как это исходит от небесной любви.

Разыскивая водительства, касающиеся предлагаемого направления действий, мы видим, что у нас есть четыре основных варианта проверки: авторитетный источник, интеллектуальная деятельность, результаты действий и интуитивное чувство. Если совпадают все четыре, мы имеем надежную основу для предстоящих действий. Используя авторитетный источник, мы обращаемся к озарениям людей прошлого и настоящего, чьи суждения мы уважаем. Поскольку большая часть наших знаний основана не на своем собственном опыте, а на опыте других, такой вариант проверки, вероятно, является наиболее часто используемым. К примеру, ученый только очень малую часть научных знаний может проверить с помощью собственных экспериментов. Он должен принимать как факт то, что почерпнул из экспериментов других. Подобным же образом христианин будет зависеть от озарений авторов Писания, отцов Церкви, выдающихся людей своей собственной религиозной группы и других, кого он уважает за их праведность. Важным также является и проверка интеллектом, которая, как уже отмечалось, является испытанием на логичность. Полезна также проверка и через прагматичный подход: «По плодам их узнаете их».

Но можно показать, что в области религии и морали, в конечном счете, должны быть доверие и проверка с помощью чувств. Под чувствами в этой сфере имеется в виду наше интуитивное восприятие Света Истины. С помощью чувств некоторые авторитетные источники мы принимаем, а некоторые отвергаем. С помощью чувств определенные нововведения мы принимаем в качестве основы для наших рассуждений, а другие отвергаем. С помощью чувств определенные результаты мы принимаем как хорошие, а другие отвергаем как плохие. Когда ранние Друзья ставили Свет выше Писания, Церкви, разума и результатов, полученных на основе краткосрочного опыта, они занимали надежную позицию.

Положение квакеров было бы более трудным на практике, если бы их проверка чувствами основывалась на чисто индивидуальном восприятии истины. Полезная проверка обеспечивается обращением к группе для подтверждения внутренних водительств друг друга. Тем не менее, если человек ясно и сильно ощущает неправоту группы, он может быть вынужден игнорировать ее суждение.

Примеры обращения к группе с отклонением всех видов проверки кроме чувств, нередко появляются в квакерских «Дневниках». Примером может служить событие из жизни Томаса Шиллитоу. В 1821 году путешествуя в служении по Европе, он прибыл в немецкий город Гамбург и увидел, что воскресенья в нем – время гуляний с незначительным вниманием к религии. В городе у него не было друзей, он не знал языка, но после некоторого времени внутреннего уединения он решил попытаться исправить ситуацию. Он подготовил обращение к жителям города и сначала направил его в Лондон для одобрения или неодобрения среди Друзей. В конце концов, его обращение вернулось, переведенное на немецкий язык и с одобрением лондонских Друзей. Он сам помогал в распространении обращения по всему городу. Его арест привел к некоторому желаемому всплеску известности этого дела, и у него появилась возможность поговорить с государственными чиновниками. Он всегда помнил свою главную цель: «Я должен быть чист в глазах моего Создателя; в этом было все мое стремление». Когда его поместили в тюрьму, он сказал: «Мое сердце забилося от радости из-за того, что я почувствовал себя таким свободным человеком». Это чувство свободы возникло благодаря тому, что на нем больше не лежало бремя невыполненной обязанности. Томас Шиллитоу покинул Гамбург с чувством внутреннего мира, несмотря на то, что его работа не возымела видимого результата. Он последовал за чувством в то время, как его разум, возможно, говорил ему о безнадежности этой миссии. У него было одобрение своего собрания и своей совести. А судить о результатах он оставил Богу.

И вот еще один пример для полноты картины. В 1762 году Джон Вулман почувствовал «побуждение любви» посетить индейцев за двести миль от Филадельфии, потому что «некоторые из них в какой-то степени были знакомы с той Божественной Силой, которая покоряет грубую и упрямую волю человеческих созданий». Он изложил этот вопрос перед своими месячным, квартальным и Общим весенним собраниями и заручился их одобрением. Перед отправлением в путь до него дошла информация, что индейцы встали на тропу войны. Он пишет:

Мое сердце обратилось к Господу за его Небесным наставлением... В этом конфликте духа были долгие искания сердца и упорные взывания к Господу, ибо никакое движение ни в малейшей степени невозможно без сопровождения чистого Духа Истины.

В пути он заметил много признаков того, что индейцы воюют с англичанами. Хотя существовала опасность, что его схватят и будут пытаться, он пишет, что «Господь в великой милости дал мне покорное сердце, в котором царит покой». К его удовлетворению встреча с индейцами была проведена. Джон Вулман благополучно вернулся домой. Трудно сказать, что было достигнуто в результате этого путешествия, но Джон Вулман никогда ни на мгновение не усомнился в своем водительстве. Доказательством правильной ориентации было постоянное внутреннее ощущение покоя и смирения, а не результат в более видимой форме.

Когда Джон Вулман был членом комитета, который занимался убеждением Друзей, владевших рабами, дать им свободу, в его обращениях мало говорилось о пагубных последствиях рабства, хотя они вовсе и не умалчивались. Призыв был к чувствам рабовладельца. Спокойно ли тот чувствует себя, владея этими мужчинами и женщинами? Рабовладельцу часто приходилось признавать, что от этого он не ощущает покоя. Он мог аргументировать, что рабы нужны ему для успешной конкуренции с другими людьми, владевшими рабами, для защиты рабовладения он мог ссылаться на авторитетные источники, даже библейские, но его чувства, если он признавал правду, не давали ему внутреннего покоя.

Квакерские методы наставления на путь истинный осуществлялись посредством двух инструментов – комитетами, чьей функцией было посещение тех, кто пренебрегал нормами, и «Вопросами». В начале восемнадцатого века на смену этим комитетам постепенно пришли

«смотрители», назначавшиеся для выполнения пастырского попечения, особенно в вопросах, касающихся нравственности. Смотрители (или специальные комитеты, назначенные для той же цели), как правило, хотя бы раз в год посещали каждую семью из собрания. С нарушителями моральных норм кропотливо общались, с любовью и сочувствием, и если они соглашались покаяться, им предлагалось составить подтверждение своих ошибок в письменной форме и лично предъявить месячному собранию. Если нарушитель отказывался сделать признание, комитет продолжал свои попытки, по крайней мере, год. Если не обнаруживалось никаких признаков изменений или покаяния, а проступок был достаточно серьезным, нарушитель лишался членства в собрании.

Смотрители руководствовались «Вопросами», на которые нижние собрания отвечали высшим, сначала устно через назначенных представителей, а затем, после 1755 года, в письменной форме. Ответы на «Вопросы» должны были выявить недостатки у членов. Таким образом, квартальное собрание могло знакомиться с положением в месячных собраниях, Годовое собрание – с положением в квартальных собраниях, давать советы и помогать, если необходимо. «Вопросы» были своего рода групповой исповедью, с помощью которой каждый человек и каждое собрание могли с регулярными интервалами в год или меньше проверяться на соответствие идеальному стандарту поведения. «Вопросы» охватывали все, что ожидалось от последовательного Друга. Их часто пересматривали, так как по мере появления новых моральных озарений прежние свидетельства становились устаревшими.*

* Современный сборник «Вопросов» можно найти в Приложении.

Следующая запись в протоколе месячного собрания Сэдсбери от 1780 года касается процедуры:

Комитет, назначенный для этого важного служения по исправлению того, что касается должного и бесменного участия в наших религиозных собраниях, простоты речи, поведения, одежды и домашней мебели, а также других недостатков, упоминаемых в «Вопросах», сообщает, что они осуществляли служение и обнаружили, что в большинстве случаев видно желание стремиться к устранению недостатков; и многие вещи, которые являлись лишними, были удалены.

Для успешного осуществления своей деятельности такие комитеты должны были действовать в правильном духе. Филадельфийское Годовое собрание в 1719 году постановило:

Совет нашего собрания таков: в разговорах или общении с любым грешником, да будет это сделано в христианском духе любви и чуткости, исполняясь в кротости, говоря правду в глаза, чтобы подвести таких людей к их собственному ощущению своего порока, чтобы они могли исправиться, если это возможно. И хотя те, кто преступает Истину или теряет ее понимание, склонны быть вспыльчивыми, пребывая в таком состоянии, но мы должны терпеливо и покорно поучать и давать им советы, ибо таким образом мы не только свидетельствуем о мире внутри нас самих, но и можем повлиять на дух Друга, которому мы проповедуем. Возможно, он почувствует, что мы по-настоящему выполнили христианский долг и обязательство братской любви по отношению к нему.

Сообщество

Квакерское собрание было, и в некоторой степени до сих пор остается, как религиозной, так и экономической единицей. Иногда оказывалось, что одни его члены зависят от материальной помощи других членов. Это было особенно значимо в ранние годы движения, когда квакеры потеряли большую часть своего имущества из-за штрафов и тюремных сроков.

Некоторых работодатели увольняли, когда узнавали об их присоединении к квакерам. Другие покидали работу сами, если оказывалось, что заняты делом, которое расходится с квакерскими принципами; например, производство предметов роскоши или военного снаряжения. В некоторой степени эта экономическая взаимозависимость до сих пор существует в квакерских собраниях квакеров, и эта тема присутствует в виде ежегодно рассматриваемого «Вопроса».

В 1737 году в каждом собрании был составлен список лиц, имеющих право на поддержку. Этот список явился первым списком членов и с него пошло само понятие членства как такового. Из-за того, что дети членов тоже могли бы нуждаться в помощи, в списке появились и их имена. Это породило положение о членстве по праву рождения. Членство по праву рождения вытекает из предположения о том, что собрание подобно большой семье, члены которой зависят друг от друга, не только в материальном плане, но и в смысле интеллектуального и духовного благополучия. Рождение ребенка в собрании в некотором смысле схоже с рождением в семье. Как и в семье, они вольны свободно отделиться, когда становятся взрослыми. Так как они являются детьми собрания, оно несет ответственность за их образование. Если родители не могут платить за образование детей, предполагается, что это будет делать собрание или, по крайней мере, возьмет на себя определенную долю ответственности. То, что дети с самого начала считаются членами общины, является важным фактором в их образовании. Как уже указывалось, участие в общинной деятельности является наиболее эффективной формой обучения. Рождение, брак, смерть, все важные события и критические моменты жизни входят в число забот собрания и причиной для его внимания.

Так как членство в собрании означает членство в сообществе, проверкой членства будет совместимость с сообществом собрания. Члены либо принадлежат к собранию по праву рождения, либо присоединяются, потому что желают соответствовать модели поведения, принятой в собрании, и способны к этому. Проверка членства не является ни особым видом религиозного опыта, ни принятием каких-либо конкретных религиозных, социальных или экономических принципов. Искренний религиозный опыт и правильные религиозные убеждения – это важно, но они развиваются по ходу участия в деятельности собрания. Любой, кто может включиться в деятельность собрания таким образом, что будет помогать сообществу, а оно будет помогать ему, пригоден для того, чтобы стать членом.

Следующие отрывки из ранних протоколов являются типичными образцами подобных многочисленных записей, указывающих на характерную экономическую взаимозависимость, развившуюся в сообществе собрания:

Предписали Калебу Пуси и Уолтеру Фосетту позаботиться о том, чтобы вдова Рудиман получила во временное владение корову; квартальное собрание обязано передать им для этого 30 шиллингов. [Честер, 1689 г.]

Собранию сообщили, что В.П. находится в крайней бедности и нужде. Собрание предписывает А.Б. купить ему хорошую пару кожаных штанов, хорошее теплое пальто и жилет, пару чулок и обувь и предоставить отчет о проделанном к следующему собранию. [Фоллз, 1701 г.]

Собранию изложено положение дел у Дж. К. (Друга из графства Бакс), в результате пожара он лишился имущества на сумму 162 фунта. Наше собрание предписывает организовать сбор помощи на каждом собрании Первого Дня и назначает двух человек для учета собранного. [Честер, 1691 г.]

Друзья, назначенные узнать, как обстоят дела у Мэри Мут, сообщают, что она все верно изложила нашему собранию и действительно нуждается в помощи. Поэтому мы

рекомендуем Друзьям, назначенным в нашем собрании для заботы о бедных, оказать ей надлежащее внимание. [Конкорд, 1763 г.]

В следующей протокольной записи указывается на то внимание, которое Друзья оказали тем, не состоявшим в членстве, кто пострадал от блокады побережья Новой Англии во время Революционной войны:

Друзья, назначенные собрать по подписке средства для помощи бедным и обездоленным в Новой Англии, сообщили, что они собрали 33 фунта 14 шиллингов. [Дарби, 1775 г.]

Из-за своих обязанностей заботиться о бедных, собрание старалось предотвращать возникновение бедности. Оно присматривало за своими членами, чтобы те не шли на неоправданно рискованные операции в бизнесе и не тратили больше, чем зарабатывают. На протяжении долгого времени ежегодно задавался такой «Вопрос»: «Аккуратно ли Друзья живут в пределах своего материального положения? Умерены ли они в своем ремесле и бизнесе?» В 1710 году была сделана следующая протокольная запись Годового собрания:

Наше собрание дает совет некоторым квартальным собраниям назначить надежных Друзей с тем, чтобы они посетили все семьи среди нас, в которых, как они думают, есть повод подозревать, что происходит убыток в их мирском имуществе.

То, что собрание осуществляет присмотр за членами, как будто они все – часть одной семьи, можно увидеть в следующих признаниях о допущенных ошибках:

Уильям Уильямс, сын Роберта, и Джоан, дочь Джеймса Пью, объявили до начала собрания о своем намерении вступления в брак друг с другом. Уильям признал свою оплошность в том, что объявил о своем желании молодой женщине до получения согласия ее отца, но ему было позволено действовать согласно намерениям. [Кошен, 1723 г.]

Я необдуманно поспешил свататься к молодой женщине после смерти моей жены, сделав это менее чем через четыре месяца, что, как я сейчас понимаю, было неправильно. [Нью-Гарден, 1740 г.]

В начале восемнадцатого века деловые собрания посещали только те, кого приглашали благодаря их рассудительности, поэтому помощь бедным, личные проступки и ссоры между членами, которые нельзя было выносить вовне, могли обсуждаться за закрытыми дверями. Сегодня, когда деловые собрания открыты для всех членов и даже любого желающего, личные вопросы рассматриваются скорее в частном порядке специальными комитетами. По этой причине примеры действий, предпринимаемых собранием по таким вопросам, можно найти только в старых протоколах.

Сегодня сообщество собрания, вероятно, больше чем когда-либо прежде необходимо как стабилизирующий общественный элемент. Семья мала и часто не в состоянии противостоять бурям, бушующим в нашей нестабильной экономической системе. Ситуация была иной во времена существования большой патриархальной семьи, которая часто включала бабушек и дедушек, дядь и тетю, а также несколько детей. Незамужней женщине Общество Друзей всегда предоставляло важную работу образовательного, социального или религиозного характера, которая требовала ее полного внимания.

Сегодня государство берет на себя функцию обеспечения некоторой степени экономической безопасности. Но государство настолько велико, что его функционирование обезличенно. Оно может обеспечить экономическую поддержку, но не в состоянии предложить поддержку

психологическую, которая в равной степени необходима. Семья слишком мала, государство слишком велико. Заполнить этот пробел может религиозная группа, собрание или церковь, в которой все члены сильно заинтересованы в благосостоянии друг друга. В такой группе необходимая помощь может быть предоставлена с такой же теплотой и пониманием, как и в семье. В настоящее время есть срочная необходимость в других группах такого размера и типа, имеющих определенную степень экономической взаимозависимости, для компенсации возрастающей атомизации и распада нашей социальной структуры. В связи с исчезновением деревенской среды обитания и прежних типов больших семей современное общество оказывается бессвязной массой одиноких индивидов.

Гармония

Средства для достижения гармонии в собрании уже обсуждались в связи с квакерским методом принятия решений на деловом собрании. Под гармонией подразумевается пацифистская техника, с помощью которой достигается единство действий без каких-либо форм принуждения, таких как использование личной власти или подавление меньшинства большинством. Обращение к Внутреннему Свету как источнику единства означает не победу какого-то человека или какой-то одной группы над другим человеком или другой группой, а победу Истины, которая часто находится на стороне слабых.

В течение очень долгого времени в Обществе Друзей был в ходу такой «Вопрос»: «Царит ли среди вас любовь и единство?» Он появляется в 1682 году. Любые ссоры или разногласия внутри группы становятся для собрания предметом заботы, и тогда всплывает старинный вопрос: «Там, где возникают разногласия, предпринимаются ли усилия, чтобы быстро покончить с ними?», на который обычно могут ответить утвердительно. Урегулирование споров между квакерами с применением юридических исков противоречит «Книге дисциплины». Они должны обратиться к собранию. Несколько примеров иллюстрируют действия собрания при урегулировании разногласий.

Выслушали разногласия между Джозефом Ричардсом и Чарльзом Эсчарном о размежевании земли, рассмотрели и пришли к согласию о том, что упомянутый Джозеф должен заплатить за это Чарльзу без каких-либо дальнейших нарушений. Дело между ними закончено и деньги выплачены в присутствии собрания. [Конкорд, 1684 г.]

Собранию доложили о ссоре между Джозефом Ричардсом и Уильямом Вудмэнси с тем, чтобы успокоить оных. Уильям Вудмэнси признает, что он сказал глупость, сравнивая другого с лондонским карманником и тому подобное, и что он сожалеет и извиняется о том. Джозеф Ричардс принял извинение, желая тем самым положить конец ссорам с самого их начала и по сей день. [Честер, 1686]

Друзья, я сцепился со своим соседом Уильямом Шипли из-за того, чтобы вода в ручье шла по естественному руслу. Я воспринимал это как свое законное право. Это переросло в потасовку, я дал волю своей горячности и столкнул моего друга Уильяма в пруд. Я извиняюсь за этот поступок, противоречащий доброму порядку Друзей, и желаю в будущем с Божией Помощью жить с ним в единстве. От вашего друга Джошуа Уэя. [Уилмингтон, 1751 г.]

Иногда собрания не верили утверждениям поссорившихся Друзей о том, что они уладили разногласия.

По нашему мнению Друзья из Конкорда надлежаще подошли к делу в случае с Джоном Ларкиным и Робертом Пайлом, чьи сердца захвачены злобой по отношению друг к другу, несмотря на восстановление по внешнему виду любви и дружбы между

ними. Мы боимся, что свидетельство Правды претерпело от слишком долгих отлагательств, и считаем, что до тех пор, пока между ними не появится больше любви, чем было до сих пор, Друзья должны свидетельствовать против них.

Этот отчет был подписан в 1769 году комитетом из двенадцати человек месячного собрания Конкорда после двухлетней работы с нарушителями дисциплины. В последствии их обоих лишили членства.

Равенство

Равенство было самым ранним социальным свидетельством квакеров. Еще до того, как квакеры стали пацифистами, солдат-квакеров увольняли из армии, потому что они отказывались относиться к своим командирам, как к превосходящим их в социальном плане. Возможно это свидетельство частично было унаследовано от левеллеров и диггеров – групп, существовавших до квакеров – у которых проявлялись сильные уравнивательные тенденции. Лилбёрн, лидер левеллеров, стал квакером, но Уинстенли, лидер диггеров, все-таки нет. Однако, за исключением коммунизма взгляды Уинстенли совпадали с взглядами Джорджа Фокса.

Квакерское учение о равенстве не означает равенство в способностях, экономических ресурсах или социальном статусе. Оно означает равенство в почтительном отношении и ведет к отказу от всех слов и манер поведения, основанных на классовых, расовых или социальных различиях. Например, оно не привело к экономическому равенству работодателя и работника или же хозяина и слуги. Квакеры соглашались с пуританами в том, что каждый человек должен следовать своему призванию. Это религиозное слово обозначает Божий позыв к тому или иному виду деятельности, соответствующему способностям и интересам человека. Учение о равенстве направлено на устранение чувства превосходства или приниженности в отношении различных призваний.

Уже в 1656 году в изложениях церковной дисциплины появляются «Советы», касающиеся обращения со слугами. Дьюсбери пишет в письме, что «теперь при встрече хозяйка и служанка должны здороваться как равные». Некоторые выдающиеся проповедницы из ранних женщин-квакеров были служанками. Одна из них – Мэри Фишер, обращавшаяся к турецкому султану и его двору. Другая – Дороти Во – была заключена в тюрьму Питером Стёйвесантом за проповеди на улицах Нью-Йорка. Слуга и хозяин обращались друг к другу по именам, а слуги часто ели за семейным столом.

В собрании равенство проявляется в равной возможности участия для всех, независимо от возраста, пола или способностей. Ни один человек не пользуется особыми привилегиями, хотя мнения некоторых имеют больший вес во время обсуждений благодаря необычным дарованиям.

За пределами собрания это учение нанесло репутации ранних квакеров серьезный ущерб, так как сильно стратифицированное английское общество держалось на большом количестве обычаев. Друзья вынуждены были игнорировать типичные для того времени модели поведения и, как следствие, их часто считали грубыми или невоспитанными.

Друзья отказывались от использования титулов и приветствий, которые подразумевали превосходство одного человека над другим. Для этого было три причины. Во-первых, квакеры желали исчезновения всех знаков социальных различий на основе класса или расы. Во-вторых, они были настроены против любых форм лести, которые вели к высокомерию и кичливости. И, в-третьих, большинство титулов и обращений не соответствовали правде. Этой причиной объяснялся отказ обращаться на «вы» вместо «ты» к человеку более высокого положения, что в XVII веке было обычным делом.

Баркли пишет о господствующей традиции говорить «вы» одному человеку:

Такая манера обращения исходит от высокого и гордого ума, ... потому что люди часто используют единственное число для слуг и бедняков, да и в своих молитвах к Богу. Так гордыня людская ставит Бога и нищего в один ряд.

Друзья могли бы избежать этого, обращаясь ко всем на «вы», но это, согласно тогдашним нормами речи, рассматривалось как лесть. Кроме того, «вы» – слово во множественном числе – расценивалось бы как неправдивое. По схожим причинам не употреблялись слова «мистер» и «миссис», поскольку никто не использовал эти обращения по отношению к людям низшего сословия. Такие титулы, как «ваша светлость», «ваше высочество», «сэр», «ваша честь», «ваш смиренный слуга», «преподобный», «ваше величество», «ваш покорный слуга» исключались не только как проявление лести, но и потому, что они были ложными описаниями людей, которым направлены эти обращения. Даже опускалась приставка «Сент» («Святой»), используемая в географических названиях.

Кто они такие, что им столько почестей? Разве они праведники? Разве они святые люди? Разве они смиренные сердцем люди, кроткие люди? ... Разве такими не могут быть бедняки, рабочие, простецкие рыбаки? («Апология», стр. 523)

К «простому языку» также относилось обозначение месяцев и дней недели числами, а не их обычными названиями, которые в большинстве случаев были производными от имен языческих божеств (Исх. 23:13). В свое время принятие «простого языка», как и использование «простой одежды» явилось последствием духовного кризиса в обществе и было символом нового образа жизни и «воздвижения креста». Сегодня в Америке простой язык, в том числе использование архаичных форм местоимений, превратился из свидетельства в признак семейной близости и религиозного братства.

По той или иной причине квакеры часто оказывались в суде. В таких случаях их отказ снимать шляпы в знак уважения к судье вызывал гнев и приводил к жесткому обращению. Хотя они никогда ни перед кем не снимали шляпы, на молитвенном собрании во время устного служения голова была непокрыта в знак почтения Богу. Молодые обращенные, не снимавшие шляпы перед своими родителями, выслушивали строгие укоры, а иногда и получали взбучку. Так случилось с молодым Томасом Элвудом, который лишился трех шляп одна за другой. Иногда шляпу с человека тихо и ловко снимал слуга или служащий, который отвечал за это. Так случилось со Стивеном Греллетом во время аудиенции у папы римского. «Советы», составленные годовыми собраниями, осуждают все эти «поклоны и расшаркивания» и любые формы проявления подобострастия.

До того, как Друзья освободили своих рабов, они относились к ним с уважением. Рабов приводили на собрания, что в Вест-Индии было противозаконно, а их детей часто отправляли в квакерские школы вместе с белыми детьми. Друзьям потребовалось некоторое время для того, чтобы осознать, что рабство – это вовсе не «призвание», подобное обязанностям слуги.

В целом, за редкими исключениями, такими как в случаях с Джоном Беллерсом, который в 1695 г. предлагал коммунистическую форму общественной жизни, и Уильямом Алленом, который вместе с Робертом Оуэном владел колонией в Нью-Ланарке, Друзья не интересовали радикальные изменения общественного порядка. «Любая форма хороша, если она в ведении хороших людей», – пишет Уильям Пенн. Возможно, Друзья ближе других подошли к социальному радикализму, когда, как, например, Джон Вулман в его «Слове напоминания богатому», обнаружили семена войны в любви к собственности.

Недавно появившийся «Вопрос» является признаком интереса современников к реформам

социального порядка.*

* См. Приложение, «Вопросы», 7.

Есть целый ряд примеров того, как предприниматели-квакеры в значительной степени увеличивали участие рабочих в управлении своими заводами, но эта практика не была достаточно широко распространена, чтобы заслужить особое внимание. Квакеры, занимающиеся оказанием помощи, часто пытаются поставить себя в равные условия с теми, среди кого они работают. Это, прежде всего, касается трудовых лагерей Американского комитета Друзей на службе обществу. Сегодня расовое равенство неспешно вводится в школах Друзей, но не во всех. Многие квакеры серьезно озабочены проблемой всех форм расовой дискриминации. Они поддерживают деятельность комитетов, ищущих решение этой актуальной проблемы. Существует растущее стремление уничтожить то, что Джозеф Джон Герни называл «аристократией по цвету кожи».

Простота

Простота, четвертая сторона квакерских принципов поведения, в первую очередь находит свое выражение в молитвенном собрании с его простой формой ожидания Господа, в зданиях без архитектурных украшений и специальной мебели. В XVIII веке простоту особенно чтили. Дома собраний этого периода демонстрируют не только простоту, но и удобство, красоту и пропорции. В XIX веке произошел отход от этой хорошей нормы, но позднейшие образцы свидетельствуют о возвращении к функциональной простоте. В то время как забота о простоте была свежей и живой, она выражалась в творениях с хорошим вкусом, но когда она стала во многом традиционной, форма, стиль и обстановка квакерских домов собраний, как и частных домов квакеров, деградировали.

У Друзей не было свидетельства против отличного качества. Их свидетельство было против избыточности в «одежде, речи и поведении».

В общем, Друзья – не аскеты, которые видят добродетель в умерщвлении плоти. Они осуждали плотские удовольствия, когда те являлись избыточностью, мешая более серьезным делам. Это отношение иллюстрируется Кларксоном в его «Описании квакерства» (1808 г.):

Если бы Общество вдруг порекомендовало музыку, это воспринялось бы как отрицание тех долгих лет, для которых были характерны часы успокоения, в коих у них теперь часто проводятся религиозные службы. Уединение рассматривается квакерами как обязанность христиан. Поэтому у членов этого Общества принято ожидать в молчании, и не только в местах для богослужения, но иногда и в своих семьях или в своих личных покоях, в перерывах между повседневными делами. Благодаря этому в тишине сердец и без необходимости потакания своим собственным желаниям они могут получать как направление, так и силы для осуществления обязанностей повседневной жизни. Поэтому у квакеров есть мнение, что если допускать музыку в виде наслаждения в часы досуга, она заняла бы много места в эти часы серьезного уединения и стала бы очень опасной для их христианских нравов и интересов.

То же самое касается отношения к искусству в целом. Простота означает отсутствие всего того, в чем нет необходимости, например, в украшении одежды, зданий, домашней обстановки, в цветистости речи и вычурности манер. Не было рекомендаций обходиться без того, что хорошо благодаря своему качеству и функциональности.

У простоты была также и экономическая причина. Уильям Пенн говорит, что «избавление суетного мира от излишеств одело бы всех нагих». Джон Вулман пишет:

Поскольку Он есть совершенство силы, мудрости и добра, то я верю, что Он определил столько труда, необходимого для поддержания людей в этом мире, чтобы, если его правильно распределить, это дало всем подходящую работу, и чтобы мы не впадали в крайности и не хватались за богатство противно Его мудрости, не связывали себя с каким-либо угнетением и с тем духом, который ведет к самовозвеличиванию и раздорам и который часто приносит странам бедствия из-за партий, ссорящихся вокруг своих претензий.

Роскошь и излишества приводят к увеличению количества труда или людских потребностей. Поэтому они способствуют принуждению к выполнению этого труда, а принуждение ведет к самовозвеличиванию и войнам. Джон Вулман не нашел бы большого понимания у современных сторонников того аргумента, что, покупая предметы роскоши, люди помогают бедным через создание рабочих мест. Он твердо верил, что предметы роскоши являются источником тщеславия, угнетения и, в конечном счете, войны. Если бы люди оставались скромными и ограничивали свои желания размерами своих реальных потребностей, исчезли бы чрезмерный труд, угнетение и раздоры, и вокруг было бы достаточно жизненных благ.

В своих «Беседах об истинной гармонии человечества» Джон Вулман говорит о тесной связи между своими религиозными представлениями и простотой:

Если я направляю свои силы на любую деятельность, которая, как я знаю, потакает гордыне, я чувствую, что это приводит к ослаблению тех уз, которые, ... как я чувствую временами, связывают и объединяют мою душу в святом братстве с Отцом и Сыном его, Иисусом Христом.

Квакеры удалили со своих одежд все украшения, столь характерные для эпохи королевской династии Стюартов. Сдержанные пуритане придерживались подобного же свидетельства. Позднее квакеры продолжили одеваться согласно традиции более раннего времени. В конце концов это стало нормой, под которую подвели теорию о том, что подчинение изменениям в моде, вынуждающее людей покупать новую одежду, когда они в ней не нуждаются, является бесполезной уступкой мирским привычкам. В квакерской теории нет ничего, что служило бы причиной отказа от ярких расцветок, возможно, за исключением того, что они косвенно ведут к завышению самооценки. В начале XVIII века Маргарет Фокс (Фелл) осудила наблюдаемые ею настойчивые требования носить однообразную серую одежду.

Ставший традиционным однообразный костюм был быстрым и эффективным способом заявить о себе миру, а некоторые квакеры утверждали, что он помогал им избегать тех мест, где им не следовало появляться. Надев квакерское платье, они чувствовали себя обязанными жить соответственно. В конце концов, большинство признало такую традицию пустой формой. Современная одежда является по большей части простой и функциональной.

Простота речи также являлась отличительным признаком последовательного Друга. В устной и письменной речи опускались красочные и избыточные слова. Это придало квакерам репутацию грубоватых людей. Ораторские цветистые выражения не приветствовались на собраниях и в других местах. В квакерских книгах не часто можно обнаружить попытки использовать утонченные письменные формы. В разговорах о самых глубоких религиозных переживаниях всегда проявляется почтительная сдержанность. Уильям Пенн при перечислении двенадцати особенностей Друзей под номером восемь ставит следующее: «Своим примером они рекомендуют молчание, в любых случаях используя очень мало слов».

Учение о простоте или отсутствии излишеств применимо ко всем сторонам жизни. Были назначены комитеты следить за тем, чтобы на свадьбах и похоронах соблюдалась простота. На протяжении более века надгробия признавались ненужными. Когда же их стали

использовать в качестве мемориальных камней, они были маленькими и незаметными. Самый современный подход к эстетическому домашнему убранству сейчас пришел в соответствие с уровнем свидетельства простоты, характерным для ранних квакеров. Друзья возражали против произведений искусства не только потому, что они казались им бесполезными, но и потому, что они были изображениями жизни, как правило, занимавшими место самой жизни. Актер в театре, например, выражает чувства, которые он по-настоящему не чувствует, а автор романа рассказывает о событиях, которые никогда не происходили. Музыка пробуждает чувства, которые не находят выхода в действии и, следовательно, могут быть вредным. По тем же причинам Св. Августин называет пение «этим довольством плоти, которому нельзя отдавать душу, дабы она не разложилась морально». Считалось, что искусство культивирует недостоверную и искаженную картину реальности, побуждающую тех, кто поддается этому, жить в воображаемом, нереальном мире. Современная кинокартина является примером искусства, чье воздействие может вызывать у зрителей впечатление жизни в царстве снов.

Ранние квакеры, конечно, ошибались относительно истинной природы мира воображения. Искусство имеет свою собственную реальность и свой собственный язык, который может передавать значения, не достижимые для обычных действий или слов. Современные Друзья не стесняются оказывать должное внимание искусству, хотя долгое нежелание по достоинству ценить некоторые формы красоты не дали вполне раскрыться эстетическому потенциалу Общества Друзей.

Поскольку Друзья осуждали предметы роскоши, предприниматели-квакеры не могли продавать их, и часто это серьезно ограничивало их бизнес. Портные, шляпные мастера, книготорговцы, распорядители похоронных бюро, печатники, серебряных дел мастера и торговцы страдали от этих ограничений. Джон Холл (1637–1719), квакер-портной, «был готов потерять все, но не свой мир с Господом».

Но бизнес сам по себе мог стать пустой тратой времени и излишеством, если ему уделялось слишком много времени. Если деловые вопросы захватывали слишком сильно, Друг оказывался в ситуации, когда он больше не мог исполнять свои религиозные обязанности. Если его основным интересом была религия, он сокращал свой бизнес. Это чаще всего случалось с путешествующими служителями. Почти все квакерские «Дневники» содержат примеры свертывания бизнеса, когда он захватывал настолько, что оттягивал на себя то время, которое должно было уделяться религии.

Несколько примеров, взятые из «Дневников», указывают причины для такого ограничения своего бизнеса. Дэниэль Уилер решил, что его бизнес по торговле зерном процветал настолько, что мешал его деятельности как Друга:

Поскольку время от времени я пытался жить поблизости от Его успокаивающей силы и под ее влиянием, мне подумалось, что рано или поздно мне может потребоваться жертва с моей стороны... Поэтому я всецело верю, что это будет наиболее благоприятно для моего нынешнего мира, а также моего будущего благополучия, если я полностью откажусь от торговли, которой занимаюсь в настоящее время, и удалюсь со своей семьей в скромное место.

Уильям Эванс (1787–1867), когда ему предложили стать партнером в крупном галантерейном бизнесе, ответил отказом:

Мое нынешнее дело было небольшим и понятным, с ним я управлялся с легкостью. Оно требовало от меня мало денежных вложений и не накладывало на меня каких-либо обязательств, которые я не смог бы выполнить; так что у меня не было беспокойства на этот счет, и, не будучи обремененным, я свободно мог участвовать в

делах Общества или выполнять любые поручения собрания, которые на меня могли быть возложены... Мне кажется, что, если бы я согласился принять предлагаемые изменения в бизнесе, я был бы потерян для религиозного общества и для работы религии в своем собственном сердце... С обновленным спокойствием и удовлетворением я смотрел на свой предстоящий жизненный путь и на свой бизнес, пусть он был и небольшим. И я помнил о том, что земля принадлежит Господу и скот его на тысяче гор.

Томас Шиллитоу (1756–1836) говорит об

опасениях, которые порой приходят мне на ум, о том, что быстро приближается время, когда я должен быть готов отказаться от хорошего бизнеса и предоставить себе больше свободы осуществлять свои религиозные обязанности. Речь, которую мой Божественный Учитель заново огласил в моей душе, была такая: «Собери товары свои в доме своем, ибо мне нужны оставшиеся дни твои».

У Томаса Шиллитоу было пятеро детей, для которых надо было устраивать жизнь, но он полагался в их устройстве на «ту же самую Всемогущую Силу, которая так обильно заботилась о нас». Он пишет: «Перспектива отказа от хорошего бизнеса временами была неотлучным испытанием для моей души».

Марта Раут, чья школа стала слишком велика для здания, в котором она размещалась, описывает, как она ходила посмотреть на дом побольше:

Когда я переходила из комнаты в комнату, меня посетил тайный, но ясный намек, что мне не следует запутывать себя еще большим количеством учеников, чем то, которое мы могли бы уже разместить в нынешнем здании. Поэтому я полностью отказалась от мысли переезжать и обрела покой.

Иногда квакеры-ученые считали необходимым сокращать время на свои исследования, чтобы посвятить больше времени религии. Уильям Аллен, известный ученый, пишет в своем «Дневнике»:

Был довольно умиротворенным этим утром. Кажется, мне открылось лучшее понимание собственного отношения к моему большому увлечению естествознанием, когда я сильно и почти непреклонно почувствовал, что моим долгом было бы заниматься им меньше, сокращать время, посвященное ему и временами воздерживаться от него.

Джон Рагги, ирландский врач и автор важных книг по медицине, возносит молитву:

Господи, избавь меня от жизни, в которой надо жить лишь ради того, чтобы есть, пить, спать, курить и заниматься наукой.

Под простотой подразумевалось не одно лишь отсутствие излишеств в речи. Также имелись в виду точность и искренность. Квакеры иногда перегибали палку и делали себя предметом насмешек, когда пытались сказать правду слово в слово. Опасаясь сказать лишнее, они прибегали к недосказанностям. В ответах на «Вопросы» использовались такие выражения, как «Насколько нам известно», «Ничто не говорит о том, что». Друг обычно не говорил: «Я против». Чаше он произносил: «Мне в точности не видно то, как я могу согласиться».

Одним из побочных результатов говорения правды было создание системы одной цены в бизнесе. В XVII веке продавцы обычно просили у покупателя больше, чем рассчитывали получить, а покупатель предлагал цену меньше, чем намеревался заплатить в итоге. Цена

достигалась в процессе переговоров. Квакер с самого начала заявлял окончательную цену. Это привело к процветанию квакерского бизнеса. В магазины квакеров можно было отправлять за покупками детей.

Поиски понимания причин творения и проникновения в суть его красоты, искренности и точность привели многих квакеров к увлечению наукой, в частности, ботаникой и орнитологией. Некоторые из них стали профессиональными учеными. Наука казалась ближе к реальности, чем искусство. Когда исключались многие виды развлечений, она также становилась предметом восхищения. В сфере образования отказывались от излишеств и разных второстепенных предметов. Джонатан Даймонд, квакерский моралист, пишет в 1825 году:

Наука предпочтительнее литературы, познание вещей предпочтительнее познания слов.

В образовании многословие и формализм не приветствовались, как и в религии. Предполагалось, что знание о природе, как Божьем творении, приведет человека ближе к божественному, чем знание о том, что сотворено человеком. Вот еще цитата Даймонда:

Для человека менее важно знать, что писал Гораций, или уметь критиковать греческих авторов, чем знать, по каким законам Господь регулирует деятельность природы, и знать, каким образом эта деятельность служит средством для замыслов жизни.

Вследствие этого интереса к науке, который был прямым результатом усилий по приближению к искренности и реальности, список квакеров-ученых велик. А. Рут Фрай в «Квакерском пути» отмечает, что между 1851 и 1900 годами у квакера в Англии «было в сорок шесть раз больше шансов быть избранным в члены Королевского общества, чем у его соотечественников».

Ни одно из свидетельств не навлекло на квакеров больше страданий, чем сопротивление клятвам в суде. Многие Друзья провели долгие годы в грязных тюрьмах, некоторые умерли там, отстаивая свое свидетельство. Квакеры отказывались клясться, по крайней мере, по двум причинам: 1) принесение клятвы противоречит повелению Христа: «не клянись вовсе» (Мф. 5:34) и Иакова: «Но, прежде всего, братия мои, не клянитесь» (Иак. 5:12); 2) клятва также создавала двойной стандарт правды: одна – в зале суда, а другая – за его пределами, исходя из предположения, что без клятвы говорят неправду.

Когда квакеров приводили в суд, но улики против них были ложными или отсутствовали, с них могли потребовать клятву верности и заключить в тюрьму за отказ ее произносить. Отказываясь давать клятву и приносить присягу, Друзья также теряли возможность исполнять таможенные правила, судиться с должниками, давать показания в суде, защищать право собственности, а также занимать официальные должности. Эпиграмма Пенна «Люди клянутся говорить только правду; Христос заставил бы их говорить только правду, чтобы не клясться» подвела черту под этим квакерским вопросом. Пенн указывает на то, насколько бесплодны в последние сто лет были клятвы в Англии, когда каждый правитель требовал принести клятву в поддержку той или иной формы религии. От этой клятвы затем быстро отрекались многие духовные лица, чтобы поддержать другую форму религии, которую насаждал следующий правитель. Наконец, после долгой борьбы, в 1696 году парламентом был принят закон, разрешающий торжественное заявление. Но небольшая часть Друзей считала, что они не могут использовать и эту новую формулировку, потому что в нем содержится слово «священный», слово религиозное. В течение двадцати пяти лет Лондонское Годовое собрание изо всех сил билось за то, чтобы договориться о форме слов, которые удовлетворили бы всех. Это был пример чрезвычайно терпеливых усилий, совершаемых большинством для удовлетворения запросов меньшинства. В конце концов, в

1722 году была согласована нужная формулировка и обеспечено ее принятие в качестве закона.

В Пенсильвании Хартия Пенна позволяла торжественное заявление. Но до 1725 года король не ратифицировал особый акт колониальной ассамблеи, разрешавший форму торжественного заявления, которое удовлетворяло бы всех Друзей. Те квакеры на официальных должностях, кто заставлял давать клятвы, в ранний период исключались из числа членов Общества.

Джозеф Торнтон в настоящее время осуждает себя за то, что приводил людей к присяге, и объявляет, что впредь не будет занимать должностей, на которых ему может потребоваться делать это, и что теперь он видит, как эта практика противоречит правилам Общества и убеждениям его собственного разума. Собрание соглашается принять это как искупление за то, что было в прошлом. [Мидлтонское месячное собрание, 1762 г.]

После Американской революции были приняты законы, навязывавшие проверочную клятву или торжественное заявление о верности новому правительству и об отречении от короля. Многие Друзья пострадали из-за отказа дать эту клятву, в результате вскоре от применения этого закона отказались. Хотя торжественное заявление разрешалось, Годовое собрание объявило: «Мы не можем служить средством для воздвижения или же низвержения правительств».

В Америке сообщество собрания, действуя в соответствии с четко определенным кодексом поведения, достигло своей наивысшей точки развития в колониальные времена, когда число сталкивающихся интересов было мало, и когда собрания были окружены в значительной степени квакерским населением. Протоколы этого периода содержат многочисленные ссылки на то, как тщательно заботились о соблюдении свидетельства простоты. Вот несколько типичных примеров:

Наше женское собрание выдвигает жалобу против Элизабет Беннелл за сильное отклонение от простоты в одежде, обращении и посещении мест с музыкою и танцами. Джон Милхаус и Либа Феррисс назначены встретиться и поговорить с ней вместе с женщинами-Друзьями и сообщить о ее намерениях на следующем собрании. [Уилмингтон, 1778 г.]

Н. Х. подал письмо, в котором осуждает себя за игру в карты. Таковое письмо собрание принимает и приказывает ему прочитать указанное письмо в том месте, где он играл, в присутствии Бенджамина Фредда и Уильяма Холлидея. Ему желательно воздержаться от посещения деловых собраний, пока Друзья не убедятся лучшим образом в его заявлении и искренности по отношению к Истине. [Нью-Гарден, 1725 г.]

В нашем собрании возникла забота о пресечении гордыни. Похоже, что она проявляется у некоторых женщин в том, что они стали носить юбки со вставленными обручами. Это беспокоит умы многих друзей, и у нашего собрания есть единодушное чувство, что никто среди нас не должен так делать, и что всем нашим Смотрителям и другим опытным друзьям должно присматривать за своими членами, и если где-либо появляются ослушницы, следует разговаривать с ними и принуждать избавляться от того, в чем есть обручи, или от других неприличных платьев. [Конкорд, 1739 г.]

В двух случаях, в 1695 и 1723 годах, Филадельфийское Годовое собрание выносило предупреждение своим членам, призывая их держаться подальше от всяких астрологов, колдунов или кого бы то ни было, кто практикует черную магию. От всех, кто прибегал к помощи таких людей, требовалось написать признание в своих ошибках. Джозеф Уолтер представил такое признание: «Направляясь к человеку, чтобы тот посмотрел мою лошадь, я

действительно могу сказать, что у меня не было никакого желания, чтобы он использовал злую магию в этом деле» (Конкорд, 1738 г.).

С самых первых дней квакерские собрания быстро реагировали, если члены злоупотребляли спиртными напитками или занимались их изготовлением и продажей. Начиная с 1755 года, давался ответ на следующий «Вопрос»:

Проявляют ли Друзья осторожность, избегая чрезмерного употребления крепких напитков, ненужного посещения таверн и развлекательных мест? Придерживаются ли они настоящей умеренности и воздержания, празднуя дни рождения, участвуя в бракосочетаниях, похоронах и в других случаях?

Этот «Вопрос» постепенно изменялся в сторону большей строгости. «Крепкие напитки» были заменены на *все* алкогольные напитки. Включение в «Вопрос» всех алкогольных напитков вызвало в 1874 году в Филадельфии возмущение молодых людей по отношению к более старшим, сидевшим в собрании на скамьях напротив. Джошуа Бэйли так описывает данный случай: «Это было похоже на выступление Палаты общин против Палаты лордов, причем Палата общин одержала победу». Все же «Вопрос» о полном воздержании от алкоголя продержался едва ли не до начала XX века.

Старинное учение о простоте сегодня можно было бы применить для сокращения участия в чрезмерном количестве мероприятий, которые мешают отдыху и досугу. Похоже, что увеличение числа предметов, помогающих экономить время, как это ни парадоксально, ведет к перегруженности и усложняет жизнь. Палочка невидимого дирижера, кажется, постепенно ускоряет темп жизни. Как говорили мудрецы и провидцы всех великих религий, решение лежит не в росте приобретаемого, а в уменьшении желаний; другими словами, в следовании путем простоты.

ГЛАВА 8

Собрание и внешний мир

Было неизбежным и важным то, что тип поведения, сложившийся в сообществе собрания, стал распространяться на внешний мир. Общность, равенство, гармония и простота создают такое соотношение разума и души, которое не может ограничивать людей рамками места или группы. Потому что жизнь в сообществе собрания хотя и отличается от жизни за его пределами, но не слишком. Это влияние возможно. Принципы поведения, разработанные в монастыре, к примеру, настолько отличаются от соответствующих принципов окружающего мира, что им довольно трудно стать всеобщими. Квакерские принципы поведения могут быть всеобщими, и они широко распространились, возможно, за исключением принципа пацифизма. Поэтому-то этому принципу здесь будет уделено особое внимание. «Для любого жизненного правила нет проверки лучше, – пишет Уильям Хокинг, – чем то, как с его помощью можно утихомирить драчунов».

Усилия квакеров по социальному и политическому реформированию в основном концентрировались на областях свободы вероисповедания, образования, отмены рабства, помощи неграм и индейцам, усовершенствованию психиатрических больниц, поддержки пострадавших во время и после войны, тюремной реформы, а также стремления устранить причины самой войны. Поскольку эти усилия получили широкий резонанс, и к ним не добавляются никакие иные принципы, отличные от уже обсуждавшихся, будет достаточно их краткого изложения.*

* Квакерская деятельность в поддержку трезвого образа жизни и зарубежные миссии для краткости опускаются. С этими типами деятельности не было связано никаких уникальных принципов.

Общество Друзей – это небольшая группа, и проделанная ею работа может показаться количественно незначительной. Однако иногда квакерская работа оказывалась важной благодаря своему новаторскому характеру. Друзья не стеснялись поддерживать новые и непопулярные начинания. Во многих случаях после того, как их усилия получали поддержку больших групп, они отходили в сторону и направляли свою энергию в другие, менее популярные направления. Имена людей, которые непосредственно ассоциируются с определенными достижениями – например, Уильяма Уилберфорса и Уильяма Ллойда Гаррисона в деле борьбы с рабством, Джона Говарда в деле тюремной реформы, Доротеи Линды Дикс в реформе психиатрических больниц – не являются квакерскими. Тем не менее, их первые шаги в осуществлении этих реформ были предприняты квакерами, и упомянутые личности получили значительную поддержку со стороны членов Общества Друзей. Во всех основных начинаниях по улучшению социальной среды квакеров поддерживали многие их единомышленники, не являвшиеся членами Общества.

Новаторское качество социальной работы квакеров во многом обусловлено характерными особенностями молитвенного собрания. Молчаливое богослужение в ожидании позволяет посмотреть свежим, прямым взглядом на те факты, которые заставляют шевелиться человеческую совесть. На нем не возводится ширма между душой и реальностью в виде слов и абстрактных концепций. Музыка, проповеди, молитвы, песнопения – все эти духовные ритуалы можно проходить пассивно или с сопротивлением, которое их участник часто даже не осознает, но которое возникает изнутри и находится ближе к источнику воли. Участник богослужения обнаруживает во внешнем мире определенное состояние, в котором оказывается его разум в то самое время, когда он ищет Божье руководство для своих действий. Горизонтальные отношения между людьми начинают так соотноситься с вертикальными отношениями между Богом и человеком, что определенные действия рождаются независимо от какого-либо человеческого запроса или мнения. Развивается озабоченность и вместе с ней чувство беспокойства насчет ситуации, в которой что-то необходимо делать. Это беспокойство сохраняется до тех пор, пока не будет предпринято требуемое действие – успешно либо неудачно. В случае неудачи, Друг, который испытал озабоченность, может по крайней мере, почувствовать, что он дошел до той меры света и силы, что дарована ему. Само собой разумеется, не каждое молитвенное собрание является источником вдохновения; многие из них бывают бесплодными из-за дремоты или вялости. Кроме того, следует помнить, что дух созидательного богослужения может оказаться плодотворным в неожиданное время и в местах за пределами совместных встреч.

Работа с неграми и индейцами

«Пусть ваш Свет сияет среди индейцев, негров и белых, чтобы вы могли отвечать на истину в них», – пишет Джордж Фокс в 1690 г.

С самого начала и до настоящего времени предметом квакерской заботы является бесправие негров и индейцев, окруженных культурой, в которой господствует белый человек. Практика Уильяма Пенна покупки земли у индейцев и заключения с ними договоров положило начало длительной дружбе, благодаря которой Друзьям было безопасно жить на границах колоний. Мирные квакеры не особо страдали во время войны с французами и индейцами. В ранней «Книге дисциплины» можно встретить интересный сопутствующий факт – решительное осуждение продажи рома индейцам.

С 1795 г. годовые собрания стали создавать комитеты по делам индейцев. Это были самые

ранние постоянные комитеты. Они до сих пор продолжают свою деятельность. Делегации квакеров часто ездили в Вашингтон, чтобы ходатайствовать за индейцев. Объединенный исполнительный комитет Друзей по делам индейцев и Ассоциация за права индейцев активно участвовали в этих делах. Когда генерал Грант был избран президентом, он встретился с квакерским комитетом, прибывшим обратиться с просьбой о решении вопросов с индейцами мирным путем. Он ответил им, что, если они предоставят ему имена квакеров, которые подошли бы на роль представителей интересов индейцев, он их одобрит. Так и было сделано. Квакерам, представляющим интересы индейцев, удавалось примирять племена, находившиеся в состоянии войны друг с другом. Они распространяли провиант, обучали индейцев сельскому хозяйству, а также создавали школы по образцу квакерских школ-пансионов. Годовые собрания делали регулярные пожертвования для этой работы. При последующих президентах большинство представителей индейцев от квакеров были освобождены от своих обязанностей.

Впервые квакерские школы для индейцев появились в западной части штата Нью-Йорк в 1796 году, в штате Огайо – в 1822 году, в штате Канзас – в 1837 году, в штате Мэн – примерно в 1850 году, в Северной Каролине – в 1888 году. В 1898 году в Оклахоме было две школы-пансиона и семь дневных школ. Со временем эти школы влились в систему государственных школ. Школа «Тунессаса» в Нью-Йорке недавно была перепрофилирована в общественный центр.

Когда Джордж Фокс в 1671 году посетил остров Барбадос, он посоветовал Друзьям по истечении определенного промежутка времени отпускать своих рабов на свободу, но не с пустыми руками. В Америке первыми выступили против рабства немецкие квакеры в 1688 году в Джермантауне, Пенсильвания. В 1711 году квакерская Ассамблея Пенсильвании выпустила акт о запрете ввоза негров, но Королевский совет Англии наложил вето на это постановление. В ходе постепенных шагов Общество Друзей освободилось от рабовладения. Как уже отмечалось, к 1776 году не было ни одного рабовладельца-квакера. С самого начала и еще долго после окончания Гражданской войны «Книга Дисциплины» и протоколы всех американских годовых собраний – Севера и Юга – содержали предписания о заботе и «духовном и светском» образовании для негров и обязанности для Друзей «давать им советы в отношении их участия в мирских заботах» (1778 г.). Многие Друзья воздерживались от использования любых предметов, произведенных рабами, например, сахара. Они играли основную роль в развитии «Ассоциации товаров свободного труда», группы, члены которой отказывались покупать продукты рабского труда.

Друзья в южных штатах, освободив своих рабов, испытывали трудности. Освобожденных рабов захватывали и продавали более суровым хозяевам. Были приняты законы, запрещающие кому бы то ни было освобождать своих рабов. В значительной степени в результате этих трудностей большинство южных квакеров переправились в крытых повозках в Огайо и другие штаты Старого Северо-запада, где рабство было запрещено. Это произошло примерно в начале девятнадцатого века. В некоторых случаях члены собрания переезжали вместе и обеспечивали организационную преемственность своего собрания.

Многие жилища квакеров были станциями «Подземной железной дороги», по которой беглые рабы переправлялись от одного убежища к другому на своем пути на север. Томас Гарретт и Леви Коффин оказали помощь примерно трем тысячам беглецов каждый.

После того, как квакеры очистили свои ряды от рабовладения, они принялись за работу по отмене рабства повсюду. Большое влияние оказывали книги Джона Вулмана и Энтони Бенезета. В 1780 году Ассамблея Пенсильвании приняла первый закон об отмене рабства. В первые годы девятнадцатого века, как в Англии, так и в Америке происходило увеличение числа аболиционистских обществ. Выходил ряд квакерских периодических изданий, посвященных делу освобождения рабов. Одно из них, редактором которого был Бенджамин

Ланди, вовлекло в аболиционистскую деятельность Уильяма Ллойда Гаррисона. Лукреция Мотт, Томас Шипли, Леви Коффин, Исаак Хоппер, Элизабет Комсток, Джон Уиттгер были активными лидерами движения за отмену рабства, однако не поддерживали тех, кто оправдывал насильственные методы. В Англии Друзья и другие участники аболиционистского движения более успешно содействовали ненасильственному освобождению рабов, чем в Америке. В британских колониях примерно в 1838 году от 700 000 до 800 000 рабов были освобождены путем выкупа. Результатом такого ненасильственного освобождения является то, что сегодня в Вест-Индии расовые проблемы менее серьезны, чем в Соединенных Штатах, где война и ее последствия породили до сих пор остающуюся напряженность и ненависть.

Во время и после гражданской войны было освобождено около трех миллионов негров, – они были без образования и без средств к существованию. Все Годовые собрания создали комитеты и ассоциации для помощи им. В районах, где в лагерях концентрировались нищие негры, распространялись еда и одежда. Предоставлялся сельскохозяйственный инвентарь. Когда эту работу взяли на себя ведомства страны и штатов, квакеры переключили свое внимание на образование, включая техническое и сельскохозяйственное. Каждое американское Годовое собрание создало негритянские школы. Филадельфийская Ассоциация освобожденного человека одновременно поддерживала деятельность сорока семи школ. После 1875 года эти школы постепенно стали объединяться с системой государственных школ.

Квакерские школы для негров существовали задолго до Гражданской войны. В 1770 и 1786 годах негритянские школы были созданы в Филадельфии. Многие месячные собрания создавали специальные комитеты по поддержке негритянского образования. После 1760 года в записях Годовых собраний Вирджинии и Балтимора регулярно встречаются указания относительно образования для негров. В южных штатах такая деятельность никогда не пользовалась поддержкой населения. Даже на севере в 1832 году толпа практически разгромила школу-пансион, в которую ее хозяйка-квакер принимала негров.

Сегодня забота о справедливом обращении с неграми и индейцами находит отражение в работе постоянных комитетов, созданных для противодействия всем формам дискриминации по признаку расы. Американский комитет Друзей на службе обществу – как на востоке, так и на западе – поддерживает местные группы, работающие в этом направлении. Острое положение, существующее в Южной Африке, побуждает немногочисленных Друзей в этом регионе проявлять собственное ответственное отношение в данной серьезной ситуации.

Образование

Квакерское образование имеет длительную историю, и здесь мы не будем ее повторять, а только назовем те аспекты, которые демонстрируют его новаторский дух. В основном квакеры использовали общепринятые образовательные методы, но в их школах было несколько нововведений.

В первое столетие квакерской истории существовало значительное количество квакерских школ – как частных, так и под опекой комитетов собраний. К концу восемнадцатого века годовыми собраниями Америки были приложены особые усилия для того, чтобы каждое месячное собрание поддерживало или оказывало помощь в поддержке хотя бы одной начальной школе. Многие из этих школ до сих пор сохранились – в виде начальных или средних школ. В первой половине девятнадцатого века восемью американскими годовыми собраниями были основаны школы-пансионы, во второй половине века было основано десять американских квакерских колледжей. В двадцатом веке обучение для взрослых проводилось в летних школах, институтах, на специально собираемых конференциях, а также в двух особых учреждениях, созданных именно для этой цели – Вудбруке в Англии и

Квакерские школы были новаторами по крайней мере в трех областях: равном образовании для мальчиков и девочек, использовании ненасильственных методов и внедрении в учебную программу научных и практических предметов. Другие квакерские правила в области образования, такие как развитие у учащихся чувства принадлежности к религиозной общине, создание в школе религиозной атмосферы и «простота и умеренность в одежде, речи и манерах», являются отличительными только в той степени, в которой они соблюдались. Квакерские школы не пытались учить религиозным истинам непосредственно. Друзья утверждают, что только внутренний божественный Дух может достичь этой цели. Словесное обучение, которое ведет к «знанию в голове», не может иметь тот же эффект касательно знаний в душе. Школьное сообщество посредством своих молитвенных собраний, на которых часто в качестве гостей присутствовали Друзья, своих ежедневных чтений отрывков из Библии с последующими периодами молчания, а также через влияние религиозно настроенных и преданных своему делу учителей создавали обстановку, в которой развивались религиозные чувства. В школе, насколько это возможно, воспроизводилась квакерская модель поведения. Отличительной особенностью более старых школ было то, что они старались уберечь учащихся от всякого влияния извне, которое могло бы ухудшить или изменить подобный образ жизни.

Равноценное образование для мальчиков и девочек было естественным результатом равенства полов в квакерском собрании и служении. Квакерская школа-пансион совместного обучения была уникальным учреждением, действовавшим как большая семья. Главами этой школы были, как это бывает в семье, мужчина и его жена; исполнительные функции были разделены между ними. Так как женщины-квакеры получали равное с мужчинами образование, которое было лучше, чем получали другие женщины, они становились лидерами среди представительниц своего пола, в частности, в борьбе за права женщин в девятнадцатом веке.

Так как Свет Христа в совести детей существует так же, как и у взрослых, в случае проступков обращались к нему или иными словами «откликались» на него. Пуританская доктрина всеобщей порочности приводила к разнообразным результатам в образовании. Согласно этой доктрине, добродетель можно прививать учением, часто с использованием устрашения. Несмотря на то, что квакерские школы отнюдь не были свободны от попыток принуждения с целью поддержания дисциплины, в целом в них, как правило, в большей степени, чем в других школах, старались обращаться к внутреннему чувству распознавания правильного и неправильного.

Учение о простоте, поскольку следование ему приводило к отсутствию излишеств, было источником большинства образовательных инноваций квакеров. В те времена, когда учебная программа в значительной степени основывалась на античной классике, математике и других предметах, предназначенных в первую очередь для придания изысканности и для украшения, квакерские школы особый упор сделали на практических дисциплинах. Первые квакерские школы создал в 1668 году Джордж Фокс, чтобы учить «вообще всем гражданским и полезным в созидании вещам». Квакерские школы были одними из первых, если не самые первые, где в учебный план ввели естествознание. В те дни, когда ремеслам обучались в процессе ученичества у мастера-ремесленника, квакерские школы обучали прикладным наукам. Вполне естественно, что религиозная организация, которая верила в религию, основанную на опыте, должна была относиться к образованию, как к тому, что можно получить через собственный опыт.

К настоящему времени последней наиболее важной инновацией в этой области является развивающееся с 1934 года образовательное движение трудовых лагерей. Кроме образовательных эти трудовые лагеря имеют и другие цели – такие как оказание помощи

нуждающимся и устранение напряженности в районах конфликтов. Вместе с тем влияние трудовых лагерей на самих участников – молодых мужчин и женщин – в плане их обучения часто является весьма сильным, иногда революционным. В этих лагерях, где отдыхающие работают рядом с людьми, которые нуждаются в помощи или которые вместе с ними занимаются осуществлением практических, каждодневных задач, обучение через действие и на собственном опыте осуществляется настолько эффективно, насколько это возможно. Для наибольшей эффективности такое обучение следует дополнять умственными задачами, характерными для более традиционного образования.

Метод ненасилия

(А) Тюрьмы

Квакерские принципы мира можно понять лучше, если рассматривать их в значительно более широком контексте, чем отказ участвовать в войнах. Тюремная реформа, отказ от насилия при обращении с психически больными, вклад в демократическую конституцию Соединенных Штатов, борьба за религиозную свободу – все это также свидетельства того же фундаментального учения о том, что лучший способ обращаться с людьми – это «откликаться на то, что от Бога» в них. Насилие, применяемое к людям, понижает их и исполнителя насилия до уровня физического мира, где действует только сила. Люди же, которые открыты божественному Свету, наиболее действенно движимы внутренними духовными влияниями. Под воздействием принуждения люди скатываются на дочеловеческий уровень; дружба же возносит их к божественному.

Тысячи квакеров, которых в течение сорока лет гонений сажали в тюрьмы и с которыми обращались, как с обычными преступниками, познали на собственном опыте ужасное состояние тюрем семнадцатого века – затхлых, переполненных, покрытых грязью и кишаших паразитами подземелий и подвалов. В них здоровые помещались вместе с больными, закоренелые преступники – с молодежью или даже невинными, люди в здравом уме – с умалишенными. Иногда не было никакого разделения между заключенными мужского и женского пола. Те, кто не платил тюремщикам за еду и постельное белье, сильно страдали от голода и холода. Квакеры отказывались давать взятки тюремщикам. В результате они часто страдали наравне с самыми обездоленными. С заключенными, ожидавшими суда, обращались таким же образом, как и с теми, кто был осужден. Ни для кого не существовало никакой работы. Трудно представить себе условия более унижительные и разлагающие морально.

В Англии квакеры сначала не могли ничего с этим поделать, кроме как обращаться с запросами в парламент и к различным должностным лицам. Примером такого обращения является письмо Фокса «Протектору и Парламенту Англии» от 1658 года. Однако в Пенсильвании появилась полная возможность для радикального изменения всей системы. Тюрьмы Пенсильвании стали образцом; их высоко ценили зарубежные гости, считая лучшими в мире. Ни один арестант не платил за свое питание и содержание. Работа была обязательной, существовала классификация заключенных, им было обеспечено религиозное обучение. Позднее при создании «Восточной тюрьмы» в Пенсильвании с этим принципом изоляции квакеры зашли слишком далеко. Им приписывают создание системы одиночного заключения. Фиск в своем повествовании «Голландские и квакерские колонии» пишет, что Пенсильвания выделялась в лучшую сторону управлением тюрем и гуманностью тюремной дисциплины. К сожалению, закон Пенна об отмене тюремного заключения за долги вскоре был отменен. Однако ему удалось добиться успеха в сокращении видов преступлений, за которые полагалась смертная казнь. Вместо двухсот их осталось только два – а именно, измена и убийство.

Многие Друзья, путешествовавшие в служении, особенно стремились обследовать тюрьмы в

тех городах, которые они посещали, и настаивали на служении для удовлетворения духовных нужд заключенных. Особенно в этом отличились Стивена Греллет, Уильям Аллен, Томас Шиллитоу и Уильям Фостер. После посещения тюрем они сообщали властям о том, что видели. Часто условия были столь плохи, что даже самые жестокосердные чиновники признавали необходимость изменений.

Первая последовательная попытка провести структурное реформирование тюрем была инициирована Элизабет Фрай в 1813 г. При посещении женской части лондонской тюрьмы Ньюгейт она увидела, что условия в ней такие же плохие, как и во времена, когда в тюрьмах сидели ранние квакеры. Реформы, которые она и основанная ею ассоциация осуществляли, имели целью превратить этот «ад на земле», населенный праздными, дикарскими, пьянствующими, беспутными женщинами, к которым боялись подойти посетители, в группу миролюбивых, трудолюбивых людей. Детей, голых и заброшенных, одели и стали обучать. В конце концов ее деятельность привела к улучшению условий в тюрьмах по всей Англии и на европейском континенте.

Друзья продолжали прилагать усилия по улучшению условий в тюрьмах и подготовке освобожденных заключенных вновь влиться в общество. Для нас важны не столько события в этой сфере, сколько основные мотивы, побудившие заниматься этой гуманитарной деятельностью. Друзья считают, что заключенные имеют определенные права, которые принадлежат всем людям, независимо от их нравов или участия в преступных действиях. Месть общества тем, кто оскорбляет его, несовместима с Евангелием Христа и пониманием человека как дитя Божьего. К тому же эта месть неэффективна. В необъявленной войне между обществом и теми, кто нарушает его правила, к миру можно прийти только на основе любви, понимания и доброй воли, а не через насилие, ненависть и месть. Для тех, кто придерживается невысокого мнения о человеческой натуре, по их убеждению - естественным образом склонной к проявлению зла, такая доктрина может показаться фантастической; но те некоторые нерешительные шаги, уже сделанные для излечения нравственных пороков, подобные излечению пороков телесных, были щедро вознаграждены. Сегодня идеалом является переход от наказаний к мерам устранения необходимости в них.

Очевидно, что считающие целью наказания перевоспитание, отрицают смертную казнь. То, что человек внезапно должен быть лишен возможности исправиться или возместить ущерб за свои проступки, не только бессмысленно, но и морально неправильно. Если лишение жизни является преступлением для человека, то это также является преступлением для государства. В настоящее время у американских Друзей постепенно пробуждается их исторический интерес к этому важному вопросу.

(Б) Психиатрические лечебницы

Если квакерский метод отношения к преступникам многим кажется неработоспособным, он мог бы показаться даже менее практичным применительно к психически больным. Тем не менее, использование этого метода привело к важным и неожиданным результатам.

В восемнадцатом веке и ранее обращение с душевнобольными было более бесчеловечным, чем с преступниками. Их держали в заключении, сковывали, избивали, лишали простых жизненных потребностей; они являлись объектами насмешек посетителей, которым было позволено издеваться над ними.

Уже в 1709 году Филадельфийское месячное собрание предложило построить общественную больницу для больных и умалишенных, но этот план не был осуществлен. Первая американская общественная больница, «Пенсильванская больница» в Филадельфии, была основана в 1756 году при непосредственном участии Друзей, которые обратились к Бенджамину Франклину с просьбой возглавить проект. «Это было первое учреждение, где

основным принципом отношения к душевнобольным являлось лечение, а не содержание под стражей и репрессии». (А. Дойч «Душевнобольные в Америке»)

«Оно также было первым местом, где была предпринята попытка гуманного подхода к проблеме безумия» (А. Дойч). Друзьям приписывают введение в этой больнице трудовой терапии как средства лечения. Но, тем не менее, и в этой больнице в методах лечения было много жестокости и грубости, что свидетельствовало о слабом представлении о природе психических заболеваний.

Первое учреждение, специально созданное для осуществления идеи ненасильственного лечения душевнобольных, было основано квакерами в 1796 г. в Йорке (Англия). Это учреждение получило название «Ретрит» (англ. retreat – приют, убежище, – *прим.пер.*), чтобы избежать слов «психбольница» или «дурдом», имевших негативную репутацию. Здесь была создана «семейная среда» и удалось избежать недостатков, характерных для подобных учреждений. С пациентами обращались как с гостями, хотя от них требовался и труд. Были запрещены цепи и всякого рода террор. Проводилась незначительная медикаментозная терапия. Иногда применялись смирительные рубашки, но по минимуму.

Влияние работы Сэмюэля Тьюка «Описание Ретрита близ Йорка» вскоре проявилось и в Америке. Здесь были созданы два подобных учреждения – в 1817 г. была открыта Психиатрическая больница Друзей во Франкфорде, штат Пенсильвания, а в 1821 г. в Нью-Йорке создали Блумингдейлскую психиатрическую больницу. В уставе Психиатрической больницы Друзей прямо заявлено, что «помимо требуемой медицинской помощи она предназначена для предоставления такого мягкого, сочувственного внимания и религиозной опеки, которые могут успокоить взволнованные умы». Здесь следовали системе лечения, введенной в йоркском Ретрите. Цепи не использовались. Блумингдейлская психиатрическая больница, созданная как отделение Нью-Йоркской больницы, была основана ее президентом Томасом Эдди, квакером, который установил методы «нравственного управления», используемые в йоркском Ретрите. В этом деле Эдди заочно помогал его друг Линдли Мюррей, квакерский грамматист и автор «Школьных книг для чтения», который в то время жил в Йорке.

Другая сторона той же самой темы проявляется в глубоком различии между пуританами и квакерами в их отношении к колдовству. Охота на салемих ведьм в 1691–1692 гг., судебные процессы и казни по обвинению в колдовстве в других местах, несомненно, являются свидетельствами серьезных психических расстройств как у обвинителей, так и у обвиняемых. В квакерских колониях не происходило ничего подобного. Квакеры верили в божественное присутствие, но не в присутствие нечистой силы. В Пенсильвании был только один судебный случай, касающийся обвинения в колдовстве. Присяжные признали обвиняемую виновной лишь в «желании прославиться в качестве ведьмы». Исторические протоколы собраний содержат несколько случаев, когда собрание требовало признать свои ошибки у тех, кто принимал всерьез существование колдовства, некромантии или любой «черной магии».

В последнее время забота о психически больных вновь стала актуальной темой. Во время Второй мировой войны многие квакеры, отказавшиеся служить с оружием в руках, направлялись в психиатрические больницы в качестве санитаров. Они и другие пацифисты были гораздо менее привержены насильственным методам, чем другой обслуживающий персонал. Сочувствие и доброта оказались более эффективными, чем принуждение, хотя сила, использовавшаяся с сочувствием, иногда тоже была необходима. Этим отказникам от военной службы, как во время, так и после службы удалось в некоторых больницах осуществить перемены к лучшему и помочь в создании такой внутренней организации их работы, которая улучшила управление, условия содержания и ухода.

(В) Государство

Особенная форма демократии, преобладающая на квакерском молитвенном собрании и собрании по церковным делам, была пацифистским методом организации сотрудничества без принуждения. Иначе и не могло быть, что при появлении у квакеров возможности определиться с формой государственного правления, они сделали ее по максимуму демократической. В пяти американских колониях – Род-Айленде, Пенсильвании, Нью-Джерси, Делавэре и Северной Каролине – квакеры в течение того или иного периода времени осуществляли политическое управление, но только в Пенсильвании и Нью-Джерси у них появилась возможность составить конституцию. Когда в 1676 году Уильям Пенн писал «Концессии и соглашения» для Западной Джерси, он сказал: «Мы на века закладываем фундамент, чтобы, как люди и христиане, понимать свою свободу, и что люди не могут быть отданы в рабство без их собственного согласия; ибо мы передаем власть народу».

Нью-Джерси потеряла часть своих прежних свобод, когда в 1702 году стала колонией короны, но «Основы правления», составленные У. Пенном для Пенсильвании, действовали до Американской революции и были продолжением той же демократической философии. Там была полная религиозная свобода. Управленческие посты мог занимать любой, кто верил в Бога. «Основы правления» предоставляли возможность вносить поправки, и ее трижды меняли в течение первых десяти лет. Ассамблея созывалась и распускалась согласно законам, принятых ею самой. В суде вместо присяги разрешалось делать торжественное заявление. Все эти положения были уникальны и сильно опережали то, что тогда было принято. Два положения – одно о всеобщем образовании за счет государства, а другое об отмене лишения свободы за долги – оказались слишком передовыми для колонистов Пенсильвании.

Не может быть никаких сомнений, что Конституция Соединенных Штатов, написанная в Филадельфии, многим обязана «Святому Эксперименту» У. Пенна. Идеи Пенна, как они были осуществлены на практике, а не только изложены в книгах, оказали мощное влияние. «Второй трактат о правлении» (1688) Джона Локка также повлиял на членов Конституционного Конвента в Филадельфии, и есть доказательства того, что сам Локк находился под влиянием Пенна. Хартия, ранее написанная Локком для Каролины, была основана на идеях аристократического феодализма и власти, основанной на страхе. Позже Локк познакомился с Пенном и помогал ему в написании «Основ правления» для Пенсильвании. Это, по-видимому, привело к радикальным изменениям в политической философии Локка.

Сегодня манускрипт «Основ» существует в виде текста, написанного рукой Пенна, с вписанными между строк замечаниями и комментариями Локка и Сидни. Позже теории о том, что правление основано на согласии управляемых, что церковь должна быть полностью отделена от государства, и что законодательная и исполнительная ветви власти должны быть разделены, как все это изложено в «Основах» Пенна, легли в основу политической теории Локка в его «Втором трактате». Пенн оказал влияние на американскую Конституцию также через его предложение о политическом союзе колоний. Этот план был представлен королевской комиссии в 1697 г. В нем содержатся некоторые положения, и даже слова и фразы, которые впоследствии вошли в американскую Конституцию; например, ежегодный «конгресс» (наш современный сенат), состоящий из двух представителей от каждой провинции, целью которого было бы осуществление межпровинциального правосудия, регулирование межпровинциальной торговли, а также рассмотрение путей и средств для поддержки и защиты союза.

Пенн был единственным политическим теоретиком высшего ранга, выходцем из Общества Друзей. Тем не менее, долгая и упорная борьба многих людей за свободу вероисповедания, как в Англии, так и в Америке, заложила основу для такого типа политической мысли, которая позже стала фундаментальной для американской политической жизни. Одним из

важных результатов этой борьбы является освобождение от военной службы по соображениям религиозных взглядов и совести. Не теократия Новой Англии, не аристократия Юга, а именно либеральная демократия серединных колоний определила будущую форму американского государства.

Историк Джордж Бэнкрофт пишет:

Возникновение людей, называемых квакерами, является одним из самых запоминающихся событий в истории человечества. Оно отмечает тот момент, когда интеллектуальная свобода была безоговорочно заявлена неотъемлемой по праву рождения человека.

(Г) Свобода вероисповедания

Ненасильственный метод производства изменений к лучшему через неповиновение закону хорошо иллюстрируется на примере упорной борьбы за религиозную свободу. В Англии около 21000 Друзей были обложены штрафами и пострадали от тюремного заключения, многие из них по несколько раз. Около 450 человек умерло в тюрьмах. Был период, когда в одно и то же время в тюрьмах находилось 4200 человек. 230 человек были высланы; в это число входят лишь те, кого учитывали при транспортировке.

Было много факторов, которые привели к принятию Акта о веротерпимости 1689 года, но можно с уверенностью сказать, что упорное сопротивление квакеров Акту о квакерах от 1662 года, который был явным образом направлен против участия в собраниях Друзей, и Актам о сектантских молельнях от 1664 и 1670 годов, направленных против всех неконформистских религиозных групп, имело большое влияние на появление религиозной свободы в Англии. То, что именно Друзья несли на себе бремя преследований, видно в отчетах, которые показывают гораздо большее количество осужденных по этим законам квакеров по сравнению с другими неконформистами. Это происходило потому, что квакеры собирались открыто, в то время как другие встречались тайно. Этот факт признается некоторыми авторами неконформистов. Бэкстер пишет:

... Здесь фанатики, зовущиеся квакерами, значительно облегчили на время жизнь трезвых людей; ибо они были настолько решительны, и упивались своей последовательностью и страданиями, что собирались открыто, и их каждый день таскали в городскую тюрьму, и если не выпускали, то на следующий день приходили все остальные, поэтому тюрьма в Ньюгейте была заполнена ими. Многие из них умерли в тюрьме, и все же они всё продолжали свои собрания, – да, многие обратились в квакерство, потому что квакеры проводили свои собрания открыто и с готовностью отправлялись за это в тюрьму.

Попытки, разрушив дома собраний, помешать квакерам встречаться, провалились. В таких случаях они собирались и на развалинах. Когда все взрослые члены были отправлены в тюрьму, встречаться продолжали дети. Их не могла переломить никакая человеческая сила. Большая заслуга в окончательной победе принадлежит Собранию в поддержку страждущих, упорной работе этого центрального исполнительного комитета в Лондоне под руководством Уильяма Пенна, основного поборника религиозной свободы в Англии. Забота и руководство этого органа так объединило Общество, что нападки преследователей не смогли уничтожить его. В течение столетия после появления Акта о веротерпимости Друзья продолжали сильно страдать из-за высоких штрафов, их также нередко заключали в тюрьму за отказ платить десятину Англиканской церкви.

В некоторых частях Америки борьба за религиозную свободу велась так же непросто, как и в Англии. В Англии при республике индипенденты (конгрегационалисты) в значительной

степени пользовались религиозной свободой, но сами же в Новой Англии отрицали это право за другими. К квакерам терпимо относились лишь баптисты Род-Айленда. Те историки, которые говорят, что религиозная свобода является особым даром со стороны протестантов, правы лишь отчасти. Они, как правило, забывают о преследованиях квакеров со стороны не-квакеров и о том, что квакеры никогда не преследовали тех, кто квакерами не являлись. Только в колониях Пенсильвания, Делавэр и Род-Айленд, где квакеры были наиболее сильны, никогда не было государственной церкви. Брукс Адамс пишет:

Свобода совести – величайшая из побед над тиранией, которые когда-либо одерживали храбрецы... Мы в долгу перед их героической преданностью самому бесценному из наших сокровищ, нашей полной свободе мысли и слова. Все, кто дорожит свободой нашей страны, в полной мере может чтить память тех гонимых квакеров, чьими мученическими смертями и страданиями была выиграна эта битва в Новой Англии.

(Д) Мир между народами

Если ненасильственные методы, основанные на доброй воле и обращении к внутреннему чувству справедливости в каждом человеке, часто успешны в работе с людьми с отклонениями, еще чаще они успешны при общении с обычными людьми. Ни один пацифист не утверждает, что его метод всегда приводит к успеху. Любой метод порой не срабатывает, в том числе метод, основанный на насилии. Если два человека или две страны начинают сражаться, кто-то из них обязательно потерпит поражение, поэтому метод сражения не может быть успешным более чем на 50 процентов даже в лучшем случае. Однако ненасильственный метод может сработать так, что в выигрыше окажутся обе стороны. Совместно противники могут прийти к решению, которое окажется лучшим, чем то, к которому поначалу стремилась каждая из сторон. Эта пацифистская техника подробно обсуждалась в главе «Принятие решений».

Квакеры, ездившие с миссионерскими целями в другие страны, предполагали, что их слушатели уже кое-что знают о той Истине, о которой они хотели бы пообщаться. Джордж Фокс, например, ссылаясь на Коран в письме к бею Алжира. Когда Мэри Фишер обратилась к турецкому султану и его двору, ее спросили, что она думает о Мухаммеде. Она ответила, «что она не знает о нем, но Христос просветил каждого человека, который пришел в этот мир. Его она знает... А что касается Магомета, – сказала она, – о нем могут судить ложно или истинно по словам и пророчествам, которые он говорил». Турок признался, что это правда. Мы можем сравнить ее ответ с ответом на тот же вопрос Томмазо Толентино в индийском Малабаре в 1307 году: «Я говорю вам, Магомет – сын погибели, и что он пребывает в аду, и что прокляты не только он, но и все, кто исповедует его ложную и нечестивую веру, ибо она враждебна Богу и спасению душ».

Разница между этими двумя ответами иллюстрирует характер и источник квакерского пацифизма. Когда Джон Вулман ездил к индейцам, чтобы с ними провести собрание Друзей, в качестве одной из причин такого поступка он дал такое объяснение: «Я мог бы узнать что-то от них». Метод ненасилия – не для навязывания собственных идей. Это метод для достижения истины, где бы она ни была.

Поначалу отказ принимать участие в любых войнах или приготовлениях к войне не был общим правилом среди Друзей. Некоторые квакеры, служившие в армии Кромвеля, были уволены из-за своих эгалитаристских принципов. Другие же стали пацифистами задолго до появления квакерского движения. До 1661 года не было публичных заявлений лидеров движения о том, что квакеры не будут воевать. Такое заявление появилось в письменном протесте против ареста квакеров, о которых думали, что они участвовали в восстании людей Пятой Монархии, пытавшихся захватить Лондон с оружием в руках, готовясь ко второму

пришествию Христа. Ни один из постоянных органов Общества Друзей никогда не делал заявлений, противоречивших строгой пацифистской позиции, но во время каждой войны некоторые члены поддерживали войну или принимали в ней участие в индивидуальном порядке.

Друзья пришли к своей пацифистской позиции теми же двумя путями, которыми они пришли к другим своим социальным свидетельствам: они следовали за Светом Христа в своей совести, и они следовали словам Христа в Новом Завете. Квакерские мыслители, такие как Баркли, Пенн, Пеннингтон, Клэридж и Фишер, были знакомы с работами ранних отцов Церкви и цитировали их, защищая свою позицию. Баркли в своей «Апологии» приводит около сорока цитат и ссылок, чтобы показать, что в течение первых трех веков христианские лидеры выступал против участия в войнах. Он цитирует, например, ответ Мартина Юлиану, прозванному Отступником: «Я – воин Христов, поэтому мне сражаться не должно».

Друзей не сбивало то, что участие в войне можно защищать, опираясь на Ветхий Завет. Если Ветхий Завет воспринимать буквально, то, как указывает Баркли, христианам нужно было бы следовать всем заповедям Моисеева закона. Христианство, по мнению ранних Друзей, это новый Божий промысел, который заменяет старый. При использовании Нового Завета в спорах с протестантами, которые принимали Библию как надежный источник, они встречались со своими оппонентами на собственном поле. Они использовали следующие места: «Любите врагов ваших», «Блаженны миротворцы», «Не противься злему», «Все, взявшие меч, от меча и погибнут», «Если Царство Мое было от мира сего, то слуги Мои сражались бы», «Мы боремся не против плоти и крови», «Оружие нашей войны не плотское», «Никому не воздавайте злом за зло», «Войны и распри приходят из ваших вожделений». Но не эти не такие уж и многочисленные, конкретные тексты, сколько сам пример Христа, ведомого на крест без сопротивления и призывавшего последователей нести свой крест, и весь дух религии Нового Завета стали главной основой для такой позиции. Две фразы Иисуса – «Не мир пришел Я принести, но меч» и «У кого нет меча, пусть продаст одежду и купит меч» – толковались в свете их контекста, который придает им образный стиль. Баркли показывает, что Амвросий и Ориген дают этим фразам ту же символическую трактовку.

Друзья считали, что пацифизм естественно и неизбежно вытекает из их других, более фундаментальных принципов, поэтому в ранних работах квакеров о нем говорится не много. Само собой разумеющимся принималось, что последовательный Друг не будет воевать. Как мы уже видели, вся процедура молитвенных и деловых собраний была основана на методе, который не допускал победы одних людей над другими. Вместо этого ее целью было объединение различных точек зрения в новую – уровнем выше любого отдельного мнения. Любое применение квакерской доктрины по отношению к социальным проблемам шло через обращение к Свету, который является источником единства. Он не есть одна сила среди других сил. Свет находится во всех людях, и чем ближе они приходят к нему, тем ближе они становятся друг к другу. Сила может произвести лишь поверхностное единство, подобное существующему в машине или в социальных механизмах, таких как армия. Она не может произвести органичное единство, как нельзя изготовить человеческое тело и душу в механическом цехе. Обратиться к Свету Истины в другом человеке означает влиять на него изнутри. Обращаясь к этому Свету в нем, мы также обращаемся к тому же Свету в себе; в результате мы можем обнаружить, что тот другой человек прав, а мы не правы. Мы не можем честно приступить к изменению других людей, не желая меняться сами.

Весь мир признает, что мирное решение спора лучше, чем силовое, но некоторые считают, что люди есть люди, и мирные методы непрактичны. Реалистичный пацифист, говорят они, подождет, пока другие тоже станут пацифистами. Но Друзья считали, что единственным способом добиться мира во всем мире будет начать делать это здесь и сейчас, независимо от возможных рисков. Когда в 1812 году Джозеф Хоуг публично защищал свои мирные

принципы, один из слушающих его сказал: «Ну, незнакомец, если бы весь мир был настроен как ты, я бы изменил свое мнение и стал бы твоим последователем». Джозеф Хоуг ответил: «В таком случае твой разум говорит, что ты будешь последним человеком, который станет хорошим. Мне мой разум говорит, чтобы я был одним из первых и показывал пример остальным». Исаак Пеннингтон пишет о миролюбивом царстве, предсказанном пророчеством:

Когда что-либо подобное должно появиться в мире, у этого должно быть начало, прежде чем оно сможет расти и совершенствоваться. И начаться оно должно в каких-то отдельных людях, в какой-то стране и далее постепенно распространяться... Поэтому тот, кто желает видеть это прекрасное состояние распространившимся повсюду, ... должен лелеять его в себе.

Джозеф Стердж правильно выявляет то, как начинаются все улучшения в человеческом обществе:

В том видна воля Того, Кто бесконечен в мудрости, что прежде, чем свет озарит что-то большое, он сначала должен возникнуть и постепенно распространиться через веру отдельных людей, которые поступают согласно своим убеждениям.

Распространенный аргумент о том, что пацифист может применить свои принципы только в идеальном обществе, неверен. Нам не заповедано любить наших врагов только тогда, когда врагов нет, и не заповедано побеждать зло добром исключительно тогда, когда нет никакого зла.

Целью христианской религии является установление Царства Божьего на земле, и не силой человеческой, но силой Бога, действующей через людей. Это можно сделать только с помощью методов, которые совместимы с кодексом поведения, описанным Христом как свойственным Царству Божьему. Это Царство начинает существовать, когда начинают жить согласно образу жизни Христа. Царство, идеальное общество, ради которого люди трудятся и о котором молятся, произнося молитву Господню, не может быть установлено средствами, несовместимыми с самой этой идеей. Если война не согласуется с идеальным обществом, то она к идеальному обществу и не приведет. Духовный результат достигается духовными средствами, а материальный результат – материальными. Если война есть зло, как сегодня признают почти все, то она не может быть правильным способом получения хорошего результата. Дети Марса – не ангелы мира. Как говорит Уильям Пенн: «Хороший конец не может освятить порочные средства; и нам нельзя творить зло, дабы из него получилось добро».

Баркли и Пеннингтон отмечают, что государство не принимает Евангелие Христа в качестве стандарта для своего поведения, и поэтому можно ожидать, что оно будет вовлекаться в войны, так как это соответствует его собственным принципам. Оно находится под старым устройством, которое существовало до прихода Христа. И действует соответствующим образом. Но такое поведение государства не может служить оправданием для тех людей, которые сами приняли более высокий стандарт поведения христианина. Они получили бóльшую меру света и должны соответствовать ей. Это не следует рассматривать как профессиональный пацифизм, как будто некоторых Бог призвал воевать, потому что воевать необходимо, а других призвал быть мирными, как бы показывая на примере их жизни особенность христианской цели. Все люди и народы призваны быть мирными, но каждый человек должен жить согласно своей мере света, какой бы она ни была по яркости. Мы не можем осуждать невосприимчивых людей за неспособность выйти за рамки имеющегося у них. Если отмеренное им будет увеличиваться, они будут все больше приближаться к этому миролюбивому Царству, в котором мечи перекованы на орала, а копыя – на серпы. В течение семидесяти пяти лет Пенсильвания демонстрировала, что даже государство может сохранять верность мирному пути.

Друзья в целом выступают за использование силы полицией, если эта сила беспристрастно защищает как права общества, так и права нарушителей закона. Такая сила должна быть сведена к минимуму и использоваться с благожелательным пониманием. Использование силы полицией отличается от войны между странами, в которой часто невинные страдают больше, чем виноватые, и где целью является лишение жизни. В современных международных условиях так называемые международные полицейские силы ведут войны. Такие действия полиции не направлены на виновных лиц, как в случае с деятельностью полиции федерального правительства Соединенных Штатов. Друзья никогда не были анархистами. Они считают, что государство имеет важное значение. Они поддерживают его до тех пор, пока его требования не противоречат водительству Света.

Друзей часто спрашивают, что бы они сделали при нападении того, кто хочет убить. Многие защищались бы с применением силы, если бы это не привело к серьезным травмам или лишению жизни нападающего. Кто-то отвечает словами Томаса Чолкли: «Если бы убили мое тело, моя невинная душа могла бы быть счастлива; но если бы я убил его, он, умерев в своей порочности, соответственно, был бы несчастным; а если я был бы убит, он мог бы жить и покаяться; но если я убью его, у него не будет времени покаяться». В случае призыва защитить другого человека решение могло бы быть более трудным, но в общем можно применять то же направление рассуждений. Сама по себе смерть – не зло, злом является лишение жизни. Убитый солдат пострадал от физической травмы; солдат, который убивает, страдает от травмы духовной.

В истории квакеров есть много примеров, когда бандиты вынуждались отказываться от нападения. Знаменитый врач-квакер Леттсом при встрече с разбойником «обратил его в полезного члена общества». Катарин Шипли сказала человеку, который на темной улице пытался вырвать у нее сумочку: «Давай вместе на тротуаре встанем на колени и спросим Отца Небесного, думает ли Он, что тебе стоит завладеть ею». Человек убежал.

Отстаивая свой пацифизм, квакеры в качестве побуждающих причин редко упоминали жизненные лишения и уничтожение имущества, вызываемые войной. Жизненные лишения и потеря имущества сами по себе не зло. Жизненные лишения могут привести к более счастливым условиям жизни в будущем, а потеря имущества иногда может фактически принести пользу человеку, который слишком тесно привязан к своей собственности. Пагубные результаты войны – ненависть, жестокость, обман, бессердечие по отношению к страданиям – скорее духовно-нравственные, чем материальные.

Теперь можно защищать пацифизм, обращаясь к биологии, которая, как считалось ранее, благоволил милитаризму. Теория, утверждавшая, что высшие виды развились в процессе эволюции в жестокой конкуренции, когда сильный побеждает и уничтожает слабого, была заменена на точку зрения о том, что сотрудничество играет большую роль, чем конкуренция. Те виды, которые наиболее восприимчивы к нуждам других и наиболее адаптивны к изменениям в окружающей среде из-за большей восприимчивости в более широкой сфере существования, имеют больше шансов выжить. Агрессивные хищники с мощными когтями в процессе эволюции исчезают, маленькие же, заботливые, чувствительные, адаптивные виды выживают. Согласно Уайтхеду «любой физический объект, который своими действиями ухудшает окружающую его среду, совершает самоубийство». Это верно как по отношению к народам, так и живым организмам. Военственные империи, такие как Ассирия и Рим, где более всего почитали воинов, имели сравнительно короткие сроки существования. Несколько более миролюбивые культуры, такие как Китай и Индия, где более всего почитали ученых или благочестивых людей, продолжают существовать с самого зарождения цивилизации. Две последние мировые войны показали, что те страны, которые являются наименее милитаризованными, имеют наибольший потенциал для выживания.

Существует история, рассказывающая о китайском мудреце Лао-цзы, основателе даосизма, которая иллюстрирует эту точку зрения. Когда он умирал, то попросил своего ученика заглянуть ему в рот. «Что ты видишь?» – спросил старец. «Ничего не вижу», – ответил ученик. «Зубов нет?» «Нет, зубов нет, но я вижу язык». Тем самым Лао-цзы преподал ему такой урок: то, что твердое, острое и ломкое, исчезает, а вместе с тем то, что мягкое и упругое, сохраняется.

Пацифизм не является учением, которое можно абсолютно последовательно выполнять на практике, если ты являешься неотъемлемым частицей общества. Квакеры, как правило, не скрывались от общества для того, чтобы оставаться последовательными пацифистами. Они считают, что Бог не требует большего, чем это возможно, у людей, живущих нормальной жизнью. Внутреннее миролюбие и чувство свободы от вины не являются результатом полного успеха в каком-то деле. Это приходит скорее благодаря жизни в соответствии с тем, что представляется божественным требованием, не важно, значительное оно или нет. Основным достоинством является подчинение Внутреннему Свету, который на определенной стадии религиозного возрастания человека, может и не требовать от него абсолютной последовательности. Непоследовательность – это не самый худший порок. Лучше быть непоследовательно хорошим, чем последовательно плохим. Пацифист находит силы быть хорошим в той или иной сфере жизни. Если ему удастся, позднее от него может потребоваться большее. Если его непоследовательные действия приводят к смирению, значит, они не были бессмысленны.

Учение некоторых протестантских теологов о том, что человек обречен на вечный внутренний конфликт и постоянное чувство вины из-за первородного греха или потому, что он не может не грешить, не находит поддержки в квакерских «Дневниках». Как только автор дневника после периода внутреннего конфликта понимает, как подчиниться божественному водительству, в нем наступает внутренний покой. Нет места никакому чувству вины до тех пор, пока он снова не ослушается. Главным свидетельством послушания Свету является внутренний покой, и судьбы многих квакеров демонстрируют, что жизнь можно прожить в состоянии почти непрерывного внутреннего мира, даже в этом порочном мире. В разгар франко-индейской войны Пембертон пишет Сюзанне Фотергил: «Есть те, кто могут в смирении и благодарении сказать, что им повезло с тихим обиталищем». Когда Христос сказал: «Мир Мой даю вам», он не обещал того, что не может исполнить. Его последователи знают, что даже если они, как и Он, взваливают на себя бремя страданий мира сего, то, тем не менее, все-таки можно чувствовать себя в духе Его мира. Уильям Пенн пишет о тех, кто принял напутствие ранних квакеров: «То, что люди тщетно искали со многими страданиями и потерями, с этой проповедью было найдено ими как правильный путь к миру с Богом».

Те пацифисты, у которых нет внутреннего ощущения мира, не очень хорошо подготовлены к миротворческой работе. Их собственный внутренний конфликт будет мешать тому, что они делают. Как часто отмечают современные психологи, внутренний конфликт порождает конфликт внешний, особенно когда этот внутренний конфликт не признается тем, в ком он существует. Человек, столкнувшийся с внутренним конфликтом, ищет успокоения, проецируя его на ситуацию вокруг себя. Целый народ может так страдать от внутреннего конфликта, что будет искать успокоения, проецируя его на другие народы или расы, результатом становится война. Миротворцы названы блаженными, потому что они дети Божьи, а Бог, как справедливо замечает Павел: «не есть Бог неустройства, но мира» (1Кор. 14:33). Бог проявляется в мире не как одна сила среди других сил, а как источник единства между конфликтующими силами. «Бог есть любовь».

В наше время нападки на позицию пацифистов со стороны традиционного протестантизма возобновляются неокальвинистами и в несколько иной форме. Пацифистов бранят за перфекционизм и утопизм. Неокальвинисты считают, что перфекционизм – ошибочная теория, потому что человек обречен на грех, и не только из-за первородного греха, но и

потому, что является неотъемлемой частью грешного общества. Нам не дано выбирать между злом и добром, а лишь только между одним злом и другим. Как война, так и тирания порочны. Когда мы вынуждены выбирать между одним или другим, мы выбираем войну как меньшее зло. Таким образом, война оправдана, несмотря на то, что это противоречит учению Христа и Божьей Воле. В мире зла учению Христа нельзя следовать буквально. Оно существует с целью создания вечного противоречия между идеальным и реальным, поэтому реальное может стремиться к идеальному, даже если это идеальное навсегда вне пределов его досягаемости.

По тем же причинам неправильным объявляется и утопизм. Царства Божьего не было в истории, то есть в нашем мире оно не существует как реализуемая вероятность. Оно существует лишь во вневременной вечности, где оно уже наступило. Работа Христа закончена. Задача человека заключается в том, чтобы принять ее через веру.

Все это настолько сильно расходится с учением Нового Завета и религиозным опытом великих христиан, что трудно понять, как о таком можно говорить искренне. Представляется, что в первую очередь это отрицает основную христианскую идею о Боговоплощении. Если Христос жил совершенной жизнью в грешном мире, то такая жизнь все же возможна; иначе ни она, ни Боговоплощение не были бы реальностью, а только лишь видимостью. Боговоплощение означает, что Христос был проявлением Бога в подлинно человеческой сущности, и если так, то он своей жизнью и учением показал людям настоящий пример, которому надо следовать. Если сам Иисус был пацифистом, что признается даже представителями диалектической теологии, то мы тоже должны быть пацифистами, если следовать его призыву идти за ним.

То, что принципы поведения, истекающие из Нового Завета, применимы только в каком-то вневременном небесном царстве, не соответствует всему духу Евангелия, которое говорит нам о том, как вести себя здесь и сейчас. Наставления Христа выражаются не будущим временем, а настоящим. Утверждение о том, что христианская религия не может быть жизнеспособной здесь, в этом мире, является принятием пораженчества, чему не находится подтверждения в христианстве Нового Завета, которое было триумфально оптимистичным, несмотря на то, что ранним христианам противостояло большое тоталитарное государство. В ранней Церкви каждая христианская община думала о себе как об островке Царства Небесного и была уверена, что благодаря увеличению количества островков они в конечном счете сольются и образуют большой континент нового совершенного общественного строя, где будет править Дух Живого Христа. События Пятидесятницы не были возрожденческим собранием. Когда Петр встал, чтобы объяснить, что случилось, он провозгласил Христа не своим личным спасителем, а тем, кто привнесет в мир новый порядок. Христос говорил, что Царство Божье уже произрастает. Оно – горчичное зерно, которое превратится в большое растение, созидательная закваска, действующая в мире и преобразующая мир в себя. Эта концепция не противоречит ни вере в то, что Царство уже наступило в безвременной вечности, ни апокалиптической вере многих христиане в то, что Царство придет внезапно. Солнце может неожиданно появиться над горизонтом, но его появление предсказуемо благодаря предрассветному сумраку. Разве ранние христиане не считали, что они вкушают «сил будущего века»? (Евр. 6:5)

То, что наш выбор всегда лежит между одним злом и другим, между войной и тиранией, не соответствует действительности. Существует третий вариант выбора, который часто принимался, судя по христианской истории, хотя и мог привести к мученичеству. Если мы отказываемся воевать и, как следствие, попадаем под власть тирании, мы можем отвергнуть тиранию и отправиться в тюрьму или на смерть. Заключенный может быть свободен духовно, хотя его тело будет в застенках, но тот, кто признает тиранию или войну, не свободен ни духовно, ни физически. В своем эссе «О долге гражданского неповиновения» Торо говорит о тюрьме так: она «единственный дом в рабовладельческом штате, где свободный человек

может жить с честью... Бессильные добратся до меня самого, они решили покарать мое тело; совсем как мальчишки, которые, если не могут расправиться с кем-нибудь, на кого они злы, вымещают это на его собаке».

На ассамблее Всемирного Совета Церквей в Амстердаме в 1948 году была достигнута договоренность о том, что воля Божья направлена против войны, и о том, что она имеет приоритет над волей государства. То, что нравственный закон имеет приоритет над волей государства, стало основополагающим принципом при осуждении нацистов на Нюрнбергском процессе. Пацифист, который нарушает закон и оказывается в тюрьме, участвует в гражданском неповиновении во имя принципа. Он готов пожертвовать собой ради своего дела так же, как жертвует собой ради своего дела солдат. Он использует духовное оружие в духовной войне. Нынешний конфликт между Востоком и Западом является духовным конфликтом, конфликтом идей и моральных принципов. Как таковой, он никогда не будет решен материальным оружием, у которого нет ничего общего с идеями и моральными принципами. Как говорит Баркли, мир не наступает из-за «порезов, ударов и тому подобных вещей, которые хороши для повреждения тела, но бесполезны для общения с душой, являющейся свободной силой и принимающей или отклоняющей мнения, ибо они несут в себе что-то соразмерное ее природе».

Пока что квакерские принципы пацифизма рассматривались здесь как отрицание, как отказ принимать участие в войне. Не менее важен и позитивный взгляд. К этому относятся усилия по устранению причин войны, восстановление того, что было разрушено в результате войны, и устранение вреда, нанесенного ненавистью и предрассудками. С самого начала особой заботой Друзей было достижение международных соглашений, по которым разногласия между странами могли бы разрешаться путем арбитража. «Эссе о сегодняшнем и будущем мире Европы» Уильяма Пенна (1693 г.) и «Некоторые причины для создания Европейского государства, предлагаемые державам Европы» Джона Беллеса (1710 г.) содержали планы по созданию организации, схожей с нынешней Организацией Объединенных Наций. Были случаи, когда Друзья прилагали усилия к урегулированию разногласий путем арбитража. К ним относятся: 1678 год – письмо Баркли уполномоченным, которые ведут в Неймегене переговоры об условиях мира; 1850 год – попытка посредничества Джозефа Стерджа между Данией и Шлезвиг-Гольштейном; 1854 год – мирная депутация во главе с Джозефом Стерджем к русскому царю, которая возможно предотвратила бы Крымскую войну, если бы военная истерия в Англии была не столь высокой; 1861 год – успешные усилия Джона Брайта по обеспечению арбитража между Англией и северными штатами; 1675 год – попытка квакерского правительства Род-Айленда предотвратить путем арбитража войну короля Филиппа; усилия Джона Фотергила и Дэвида Баркли в тесном контакте с Бенджамином Франклином по предотвращению Войны за независимость США; успешные усилия Джорджа Логана, внука секретаря Пенна Джеймса Логана, по предотвращению войны между Соединенными Штатами и Францией в 1798 году после того, как американским представителям не удалось добиться освобождения американских моряков из французских тюрем. Помимо этих и других усилий частных лиц квакерские организации часто обращаются к правительствам с посланиями и направляют комитеты с целью мирного урегулирования разногласий. Миротворческие общества, появившиеся в 1814 году в Англии и в 1815 году в Америке, постоянно прилагали усилия к мирному разрешению конфликтов.

Описания страданий, выпавших на долю квакеров и других пацифистов в войнах западного мира за последние три столетия из-за их отказа воевать, выльются в слишком длинный для данной книги пересказ, даже если их приводить кратко. Наименее известными событиями в таком повествовании были бы приключения капитанов судов, на которых не было вооружения для защиты от пиратов и корсаров, а также нападки толпы на квакеров, которые отказывались выставлять в своих окнах светильники в честь празднования военных побед. То, что такое мирное отношение, вдохновленное доброй волей и полным отсутствием страха, часто является более надежным источником безопасности, чем оружие, имеет много

примеров. Квакерам редко причиняли урон во время приграничных войн с индейцами в колониальные времена и во время ирландских войн 1690 и 1798 годов.

(Е) Деятельность по оказанию помощи

Гуманитарная работа по восстановлению разрушенного в результате войн и конфликтов является естественным следствием мирных принципов. Хотя эта работа не требовала огромных материальных затрат, плоды ее были непропорционально велики в деле преодоления барьеров, созданных ненавистью и непониманием.

Деятельность по оказанию помощи внутри самого Общества Друзей с самого начала имела важное значение, как отклик на массовое лишение имущества в качестве наказаний за гражданское неповиновение. Деятельность по оказанию помощи за пределами Общества видимо впервые стала осуществляться в 1690 году во время ирландской войны, когда квакеры помогали военнопленным продуктами питания и одеждой. В 1755 году Друзья из Филадельфии помогали изгнанным из Канады акадийцам, во многом благодаря усилиям Энтони Бенезета. В 1775–1776 годах филадельфийские Друзья собрали большую сумму денег для помощи людям, страдающим из-за осады Бостона и блокады побережья Новой Англии британским флотом. Города, в которых квакеров когда-то подвергали публичной порке, выразили свою благодарность. Во время наполеоновских войн в Лондоне были учреждены суповые кухни для помощи страдающим. В девятнадцатом веке балканские страны находились в состоянии почти непрерывного восстания против турок, и в европейских городах оказалось много беженцев. В 1822 году английские Друзья отправили большую сумму денег греческим беженцам. В 1876, а затем 1912 году гуманитарная помощь распределялась в Македонии и Болгарии. В 1854 году во время Крымской войны английский флот бомбардировал побережье Финляндии, принадлежавшей тогда России, что привело к масштабным разрушениям. Джозеф Стердж возглавил сбор и отправку пищи, одежды, пшеницы, рыболовных сетей и других припасов для возмещения убытков. Стихотворение Уитьера об этом событии заканчивается такими словами:

Где проиграла английская ненависть,
Там победила английская любовь.

В нем указан основной мотив и результат деятельности по оказанию помощи. В 1892 году в голодающих районах России Друзья распределили продуктов на 40000 фунтов.

Когда разразился великий ирландский голод 1846–1847 годов, комитеты Друзей собрали 200000 фунтов, в основном из неквакерских источников, а группа английских и ирландских Друзей распределила гуманитарную помощь. Как уже упоминалось, во время гражданской войны в Америке среди негритянских вольноотпущенников распределялась помощь, и с ними проводилась образовательная работа. Франко-прусская война 1870 года принесла Франции большие разрушения и страдания. Около сорока английских квакеров занимались раздачей помощи, включая семена и скот. В это время в качестве отличительного знака впервые была использована красно-черная «Квакерская звезда». Сегодня этой эмблемой обозначают разнообразное квакерское служение по всему миру.

Во время англо-бурской войны 1900 года Друзья направили делегацию в Южную Африку, которой в итоге удалось пробудить чувства британцев против переполненных концентрационных лагерей, где помещались бурские семьи. Это привело к улучшению условий содержания. Последовавшая помощь включала и восстановление самой заветной семейной ценности буров, их семейных Библий.

Первая и вторая мировые войны вызвали расширение квакерской гуманитарной помощи, что в конечном итоге вылилось в деятельность во всех странах, пострадавших от этих войн.

Введение всеобщей воинской повинности в Англии и Соединенных Штатах заставили Друзей стремиться к замене военной службы на работу по оказанию помощи. Существовала общая решимость пойти на личные жертвы, такие же большие, как и у тех, кто поддерживал войну или принимали в ней участие. Эта работа началась в 1914 году в Англии с создания Чрезвычайного комитета для помощи немцам, австрийцам, венграм и туркам, оказавшимся в бедственном положении, Комитета помощи жертвам войны и Санитарной службы Друзей, которая заботилась о людях, раненых в боях. Эта Служба имела слишком близкое отношение к военной деятельности, поэтому не получила официального одобрения Общества Друзей, однако большинство ее членов были Друзьями. В 1917 году, вскоре после вступления Соединенных Штатов в войну, был создан Американский комитет Друзей на службе обществу. Сначала его целью было оказывать помощь отказникам совести и направлять работников гуманитарных миссий за рубеж. Позже правительство стало направлять отказников совести в Комитет для гуманитарной работы во Франции. К тому времени вызванная войной разруха во Франции уже побудила английских Друзей направить туда своих работников. Так что американцы и британцы работали вместе. Эта деятельность включала в себя оказание гуманитарной и медицинской помощи, различные ремонтно-строительные работы и работы по восстановлению сельского хозяйства. В те же годы несколько английских и американских Друзей были отправлены для оказания помощи в Россию.

Так начиналось служение, которое продолжает расширяться и ведет Друзей в разные части света с миссией милосердия. В свое время квакеры кормили около миллиона детей в Германии. Вторая мировая война добавила Китай и Индию в список стран, где оказывалась помощь. В 1920 году Американский комитет Друзей на службе обществу начал служение в собственной стране. В тридцатые годы Друзья помогали бастующим шахтерам в Западной Вирджинии и других местах. Эта инициатива положила начало большому разнообразию проектов, отправке временных работников на промышленные предприятия, в трудовые лагеря, деятельности по интеграции общин этнических меньшинств и в широком смысле обучению взрослых на курсах и семинарах. Сегодня во многих частях мира есть центры, в которых действием и словом проявляется дух примирения.

Об этой долгой истории служения Друзей рассказывается во многих книгах и брошюрах. В этой работе квакерам оказывали поддержку и помощь гораздо больше единомышленников, не являющихся членами Общества. Для них квакеры являлись исполнителями их чаяний, а также коллегами по совместной деятельности. Главной мотивацией такой деятельности по оказанию помощи является гуманизм, прекращение страданий и восстановление разрушенного. Во-вторых, она является формой проповеди через действие. Война порождает злые намерения, которые являются зернами новых войн. Гуманитарная работа порождает добрую волю, которая является источником мира. Война в отличие от наводнений, землетрясений и голода – рукотворное зло, которое приводит к порочным человеческим отношениям – ненависти, жадности и страху. Эти отношения можно изменить практической демонстрацией противоположных ценностей – любви, самопожертвования и доверия. Друзья могут брать на себя долю ответственности за восстановление разрушений, вызванных природными катаклизмами, но их главной заботой является налаживание связей доброй воли и взаимопонимания между народами, расами и классами в зонах конфликтов.

Еще одной мотивацией квакерской гуманитарной работы является чувство вины. Являясь неотъемлемой частью общества, построенного таким образом, что оно вновь и вновь порождает войну, квакеры должны брать на себя долю ответственности за возникновение войны. Если войну не удастся предотвратить, то можно частично искупить вину, пытаясь исправить пороки, вызванные войной. Работник гуманитарной миссии, который думает о своих добрых намерениях согласно собственным превосходящим принципам, не сталкивается с реальностями ситуации. Джон Вулман столкнулся с этой проблемой:

Там где люди проявляют свою кротость и блаженный нрав и выказывают свою столь прочную веру в Бога, что не могут участвовать в войнах, однако своим духом и поведением в повседневной жизни обнаруживают противоположное поведение, их трудности в таком случае велики.

Квакерским работникам гуманитарных миссий покрывают текущие расходы, но им не платят зарплату. Предполагается, что они должны жить настолько близко к уровню жизни тех, кому помогают, насколько это не мешает их здоровью и эффективности работы. Они становятся, насколько это возможно, членами общины, в которой находятся, и делят с нею ее труды и горести. Например, во Франции члены группы пахали в полях рядом с крестьянами и вместе с ними строили дома. Такая совместная деятельность является попыткой избежать чувства покровительственного оказания помощи, хотя этого и трудно избежать, особенно при распределении пищи и одежды. Работники квакерских миссий в своей массе не профессионалы, то есть они не в обязательном порядке являются профессионально обученными социальными работниками. Это помогает преодолевать разрыв между ними и теми, кому они помогают. Они оставляют основное место работы у себя на родине, проводят год-два «в поле», а затем возвращаются к прежней работе. Таким образом, непрофессиональный характер религии Общества Друзей насколько это возможно переносится на его гуманитарную деятельность. Другой принцип, отличающий квакерскую гуманитарную группу – прилагать все возможное, чтобы быть абсолютно беспристрастными и распространять помощь среди людей, независимо от их расы, национальности, религии или политических убеждений. Например, во время гражданской войны в Испании помощь распределялась по обе стороны линии фронта, несмотря на то, что личного сочувствия было больше к республиканцам. Хотя многие работники служения Друзей не являются членами Общества Друзей, у них обычно проводятся молитвенные собрания квакерского типа и преобладает квакерский метод принятия решений.

Служение Друзей является демонстрацией всех четырех основных социальных учений. В нем видно сообщество, поскольку есть стремление объединить все человечество в одно взаимозависимое сообщество; беспристрастность указывает на равенство; простота видна в необходимом для работников уровне жизни; гармония проявляется в его главной цели – продвижении дела мира.

ГЛАВА 9

Четыре периода истории квакеров и их связь с мистическими, евангелическими, рациональными и социальными формами религии

История Общества Друзей разделяется на четыре периода, границы которых проводят по рубежам веков скорее для удобства и только приблизительно. Эти периоды могут быть обозначены следующим образом:

1. Героический, или апостольский период, примерно с 1650 по 1700 г.
2. Период культурного созидания, примерно с 1700 по 1800 г.
3. Период конфликтов и упадка, примерно с 1800 по 1900 г.
4. Период модернизма, с 1900 года и далее.

Эти четыре периода представляют собой четыре стадии, через которые квакерство в разных местностях прошло, проходит или, вероятно, пройдет. Переход от одной стадии к другой происходит постепенно. Изменения происходят в разных местностях, в разное время и в разной степени. Некоторые небольшие группы квакеров находятся еще во втором периоде,

который в их случае вряд ли можно назвать созидательным, хотя он наследует форму старой созидательной эпохи. Другие, более многочисленные группы все еще находятся в третьем периоде, времени конфликтов и упадка. Возможно, предложенные даты, скорее всего, будут соответствовать опыту Филадельфии, чем какой-либо другой территории.

Эти четыре периода отличаются друг от друга, прежде всего, в той степени, в которой выделяются четыре различных элемента или четыре разных проявления религии: мистицизм, евангелизм, рационализм и движение социального евангелия. Эти четыре тенденции присутствовали в каждом периоде, но видна существенная разница в степени уделяемого внимания и значения, придаваемого каждому из этих элементов. Природа этих четырех форм станет более понятной в ходе знакомства с данной главой. Пока достаточно будет сказать, что мистицизм направлен вовнутрь, евангелизм имеет направленность вовне, рационализм касается, прежде всего, религиозной веры, появившейся в процессе размышлений, а социальное евангелие занимается гуманитарным служением. Различия существуют как в учении, так и в практике. С точки зрения учения мистик обнаруживает религиозную и нравственную истину через внутреннее чувство, евангелист – через христианскую историю, которая является внешним объективным авторитетом, рационалист – благодаря логическому мышлению, а служитель во благо людей – посредством практических усилий по улучшению этого мира. Для мистика основной религиозной практикой будет медитация и молчаливая молитва, для евангелиста – изучение священного писания и распространение его идеи, для рационалиста – выделение правильной философии и теологии, а для активиста основным требованием является помощь ближнему своему.

Вполне вероятно, что ни одна живая религия не обходится без всех этих форм, но существуют большие различия в степени придаваемого им значения. Используя эти четыре типа в качестве основы для проведения сравнений, мы можем выстроить содержимое четырех периодов квакерской истории примерно в таком порядке:

1. Синтез, или баланс между мистикой и евангелизмом, примерно с 1650 по 1700 г.
2. Период большей направленности в свой мистический внутренний мир, примерно с 1700 по 1800 г.
3. Конфликт мистицизма и евангелизма, примерно с 1800 по 1900 г.
4. Рост первостепенного интереса к рационализму и социальному евангелию, примерно с 1900 г. и далее.

1. Героический или апостольский период.

Синтез мистицизма и евангелизма

Для первого из этих периодов была характерна глубокая духовная направленность внутрь себя. Она превалировала над деятельностью во внешнем мире, получала от него водительство и энергию. В равной степени он был также отмечен пылким рвением в распространении Истины, несмотря на суровое, жестокое противодействие со стороны церкви и государства. Поэтому с практической точки зрения это был живой синтез мистической и евангелической сторон религии. Тот же самый синтез достигался, возможно, и не совсем в полной мере, в области доктрины. Большое внимание уделялось важности исторических событий, вызвавших подъем христианской религии, включая детали жизни, учения и жертвенной смерти Христа. Это явственно отображается в работах, посредством которых квакеры защищались от тех противников, которые отказывали им в праве называться христианами из-за их универсализма, неприятия учения о вмененной праведности и веры в верховенство Внутреннего Света над Библией. Основой их взглядов был Новый Завет, и невзирая на все нападки, они верили, что квакерство является «возрожденным первичным христианством».

Соответственно, по крайней мере, в их собственном понимании, квакеры доктринально были

приверженцами евангелизма, хотя скорее склонялись к позиции, которую сегодня назвали бы «либеральной». Предпочтение отдавалось внутренней стороне религии, хотя внешняя отнюдь не игнорировалась. В связи с этим главной целью, как в Англии, так и в Америке, стало создание молитвенных собраний для внутреннего общения с Богом, а «проповедь Слова», насаждавшая правильную веру – что было одной из главных задач пуританства – имела менее важное значение. Целью квакерского проповедника было не столько научить, сколько направить своих слушателей к их Внутреннему Учителю. Однако естественно, что историкам квакерства пришлось уделять особое внимание наиболее впечатляющим эпизодам жизни Друзей, несшим проповедь, потому что в молчаливом квакерском собрании не видно особого драматизма. Приключения так называемых первых глашатаев Истины, происходившие почти в каждой населенной части света, где они сталкивались с жестким противодействием, по своему драматизму относятся к наиболее захватывающим событиям истории религии. Но не встречалось людей, из-за которых квакеров охватывало бы отчаяние. Одну делегацию отправили даже в Рим для переубеждения папы. Они считали, что можно обращаться к тому же самому Свету Христа во всех людях – от американских индейцев на западе до последователей Мухаммеда на востоке. Делегации, отправленные в средиземноморские страны, больше страдали от христианской инквизиции, чем от язычников-турок. Джордж Фокс пытался отправить письма с персональными посылками королю Испании, папе римскому, королю Франции, русскому царю, магистрам Мальты, бею Алжира, мифическому пресвитеру Иоанну и, чтобы никого не пропустить, «всем народам под всеми небесами». Кровавая, жестокая, но в итоге приведшая к успеху борьба за привнесение квакерских идей в Массачусетс сопровождалась истязаниями, заключениями в тюрьмы, изгнаниями и четырьмя осуществленными смертными приговорами. Поскольку капитаны кораблей под страхом сурового наказания отказывались перевозить квакеров в Америку, группа из одиннадцати человек, ведомая Духом, приплыла на своем собственном суденышке. Джозеф Бесс в двух больших томах, которые составляют своего рода квакерский мартиролог, описывает страдания и некоторые приключения двенадцати тысяч Друзей в период до принятия в 1689 году Акта о веротерпимости. Эти записи не имеют аналогов в истории религии. Предваряя главу о страданиях в Европе и Азии, он пишет о мотивах этих бесстрашных проповедников:

Их призыв к столь удивительному служению основывался на твердости веры, самых ясных и убедительных доказательствах божественного побуждения в их душах и необходимости послушания сему. Непоколебимое чувство долга и невыразимое спокойствие ума, проявленные при его исполнении, поддерживавшие их во множестве страданий в своей стране, побуждали их к странствиям, чтобы собственной судьбою свидетельствовать об Истине, вели даже в пасть к самым яростным своим противникам, ибо зная, что причиной того был Господь, они в деятельности своей поднимались выше страха перед человеком; и присутствие Того, по чьему повелению они шли, посещало их в наитруднейших ситуациях, позволяя некоторым из них с готовностью отдавать свою жизнь в служении Ему.

Труд Бесса содержит много предложений, заканчивающихся примерно так:

Человек с черным прутом и охранник схватили нас и отвели во внутреннюю комнату инквизиции, где не было ничего, кроме двух маленьких отверстий для света или воздуха, но слава Господня сияла вокруг нас.

Именно такое чувство божественного поручения и продолжающееся осознание божественного присутствия дало силы этим часто совсем простым людям добиться такого поведения, которое иначе было бы за пределами человеческой стойкости.

Письмо того времени свидетельствует о степени усилий, прилагаемых для распространения Истины. Оно составлено общим собранием, состоявшемся в 1660 году в Скиптоне, и сопровождается рекомендацией каждому собранию провести сбор средств для помощи

путешествующим Друзьям.

Дорогие Друзья и братья.

Мы получили известия от некоторых Друзей из Лондона о значительной деятельности и служении Господу за морями, в нескольких частях света и землях, таких как Германия, Америка и многих других островах и местах, таких как Флоренция, Мантуя, Палатин, Тоскана, Италия, Рим, Турция, Иерусалим, Франция, Женева, Норвегия, Барбадос, Бермудские острова, Антигуа, Ямайка, Суринам, Ньюфаундленд. Через всех них Друзья прошли в служении Господу и разные другие страны, места, острова и народы; и среди многих индейских народов, в которых они несли служение для Господа, и через большие мучения распространяли имя Его и провозглашали вечное Евангелие мира тем, кто был далек от него, чтобы они могли стать ближе к Богу.

В течение этого активного и яркого периода использовались также книги и памфлеты. Многие из них были напечатаны тайно с большим риском для квакеров-печатников. К 1708 году было выпущено более двух тысяч шестисот книг и памфлетов по меньшей мере четырехсот сорока различных авторов. В 1672 году Годовое собрание назначило специальный комитет для наблюдения за печатанием и распространением книг Друзей. Этот комитет позаботился о том, чтобы на каждую антиквакерскую книгу был написан ответ. Таковых получилось, по крайней мере, восемьсот. Памфлеты еще ярче, чем книги иллюстрируют то рвение и энтузиазм, которые добавляли квакерскому движению энергии для противоборства со своими мощными соперниками. Хотя некоторые из них были полны неистовости, а иногда написаны почти бессвязным языком, многие другие аргументировано защищали квакерские свидетельства против клятв, десятины, снятия головных уборов в знак почтения и против искусственных социальных различий в целом.

Но прежде всего этот период характеризуется силой и проникновенностью устного служения. Вот как говорили о двадцатидвухлетнем Джоне Одланде: «В его лице сияло бессмертие, а его голос был словно гром». Когда Уильям Дьусбери прибыл в Келк, его пребывание описали так:

Его свидетельство было пронизывающим и очень мощным, так будто перед ним содрогалась земля, а горы плавилась от силы Господа, что чрезвычайно и удивительно отразилось в эти дни на наших святых собраниях, привлекло многие сердца и привело некоторых к ощущению того же самого состояния, сравнимого с тем, что испытывал пророк или служитель Господа в древности; губы дрожали, а живот трясся, будто в день бедствия. О! Это был славный день, в который Господь чудесно явился для низведения надменных и высокомерных и возвышения униженных. Многие лица покрылись бледностью, храбрые сердцем преклонились, как крепкие дубы сгибаются пред Господом.

Когда о Томасе Релфе говорили, что у него «Орошающее свидетельство», это означало, что его устное служение орошает Божье Зерно в человеке и заставляет его прорасти. Многие Друзья имели дар такого свидетельства, и это видно из той обильной жатвы, которая была собрана. Движение быстро распространилось по Англии и Америке и в других частях света.

В этот первый период особое внимание уделялось, прежде всего, религиозному опыту. Странствующие служители не часто произносили проповеди, посвященные вероучению. Они обращались к своим слушателям с призывом искать и находить божественные Свет и Жизнь внутри себя. Богословские мнения не игнорировались, но подвергались осуждению как «пустые понятия», когда не имели никакого отношения к опыту. Теологические сочинения писались членами Общества Друзей только для несведущих лиц или при ведении споров с противниками, которые пытались доказать, что квакеры не являются христианами. Они

использовали те же слова, что и их противники, но не всегда в том же смысле. Если упоминался Христос, то бывает трудно сказать, шла ли речь о Вечном Христе, «силе Божьей и мудрости Бога» (1 Кор. 1:24) или об историческом Иисусе из Назарета. Часто, когда их противники говорили об Иисусе, квакеры использовали те же выражения для обозначения «Слова, которое было в начале у Бога». В этот первый период выделить особую квакерскую теологию так же трудно, как трудно выделить особую христианскую теологию во времена Нового Завета. В работе «Многообразие религии Нового Завета» Е. Ф. Скотт перечисляет восемь различных точек зрения. Наверно столько же можно было бы найти и в раннем квакерстве. При поиске различий во взглядах у ранних Друзей стоит лишь сравнить «Потрясение основ, воздвигнутых на песке» (*Sandy Foundation Shaken*) У. Пенна, которое является мистическим произведением, и его же следующую книгу «Невинность с ее открытым лицом» (*Innocency with Her Open Face*), которая является в значительной степени евангелической.

Квакерская религия этого периода была живым союзом мистических и евангелических аспектов христианства, что отражается как в вероучении, так и в практической деятельности; в вероучении потому, что ни одно теологическое мнение не является обоснованным, если жизненно не связано с религиозным опытом, в практической деятельности потому, что внешняя активность эффективна лишь постольку, поскольку вырастает из внутреннего духовного водительства и внутренней силы. Карл Юнг отмечает, что самый сильный тип личности бывает тогда, когда в человеческом характере соединены интровертные и экстравертные элементы. То же самое можно сказать о балансе и интеграции в религии мистического, или внутреннего элемента, и евангельского, или внешнего элемента. Когда один из них чрезмерно развит за счет другого, результатом может оказаться та или иная форма диспропорции – фанатизм или формализм. Особая сила ранних квакеров была связана, по крайней мере, частично, с балансом внутренних и внешних аспектов религии.

2. Период культурного творчества и направленности в свой мистический внутренний мир

За периодом созидания последовал период сохранения. Ни одно религиозное движение не смогло вечно поддерживать огонь, энергию и силу, которые сопровождают его в период появления. Пламя бушующего костра на рыночной площади рано или поздно должно смениться на теплый огонь домашнего очага. Если определенная религия хочет стать естественной частью самой жизни, она должна присутствовать не только на городской площади, но и переместиться в дом, стать частью повседневной семейной жизни.

Все современные историки квакерства называют этот второй период периодом квиетизма. Это обозначение, по сути верное, не всегда правильно понимается. Оно не является, как некоторые видимо предполагают, уничижительным термином. Для квиетиста богослужение состоит из двух фаз – пассивной и активной, времени восприимчивости и ожидания божественного водительства, но также и времени действия согласно этому водительству. Квакеры-квиетисты были далеки от успокоенности, устанавливаемой правильным словом или деянием. Для них за периодом ухода следовало возвращение к активной деятельности с увеличенной осознанностью и внутренней силой.

Ведущие духовные лидеры этого периода – Энтони Бенезет, Томас Чокли, Джон Черчмэн, Джошуа Эванс, Дэвид Феррис, Ребекка Джонс, Джон и Сэмюэль Фотергины, Кэтрин Филлипс, Марта Раут, Уильям Сейвери, Джоб Скотт и Джон Вулман – если упомянуть лишь некоторых из них, все были квиетистами, но они все много путешествовали в служении и стали активными проводниками определенных социальных реформ. В так называемый «квиетистский период» квакеры управляли тремя американскими колониями и активно участвовали в политической жизни еще двух. Строго говоря, квакеры первого периода тоже были квиетистами, и в их работах можно встретить все те же обычные выражения, которые

характерны для квиетизма, например, обозначение Света, как «то, что чисто» (т.е. не загрязнено людьми).

При переходе от первого этапа ко второму не было никаких изменений в учении, но произошло важное изменение в поведении. В период, последовавший за окончанием гонений и отмеченный принятием в Англии в 1689 г. Акта о веротерпимости, квакеры вступили почти полностью истощенными из-за пережитых ими бурь. Большинство первых лидеров умерли, многие – в тюрьме, а вступающее на арену второе поколение не было побуждаемо ослепляющим огнем и сильным рвением, которые проявляются благодаря открытию новой истины или же сопротивлению жестоким нападениям. Многие из наиболее активных Друзей мигрировали в Америку, где занялись созданием нового общества и нового образа жизни в новом мире. Энтузиазм, который сопровождал первое раскрытие Истины, перерос в энтузиазм, с которым колонисты приступили к созданию нового содружества, где Истина должна была править. Это был их Святой Эксперимент. Они не только сформировали органы правления, действующие на квакерских принципах, но и создали самобытную квакерскую культуру, уникальный образ жизни. Чувства, порожденные этой уникальной возможностью в новом мире, проявляются в первых протокольных записях собраний, например, Честерского (позже Конкордского) квартального собрания Филадельфийского Годового собрания, и видны уже с первой страницы его книги протоколов:

Принадлежность Божьего народа, именуемого квакерами, из Честерского округа провинции Пенсильвания, в Америке. Начата теми различными людьми, которые в большой свободе духа покинули свою родную страну Англию и переправились со своими семьями в эту отдаленную часть света.

Философы время от времени описывали концепции идеального содружества. В них была энергичная группа обычных людей, которые не только мечтали о своей утопии, но и осуществили ее на практике.

Золотой век квакерства в Америке приходится на время между 1700 и 1740 годами. Тогда был почти завершен первый этап усилий – расчистки лесов и строительства жилищ – но материальные успехи еще не стали достаточно большими для того, чтобы ослабить религиозную энергию. Еще не вспыхнула Франко-индейская война, которой суждено было породить напряженность в отношениях между квакерским руководством и правительством Англии. Пенсильвания при системе правления, заложенной Пенном, и с квакерской ассамблеей была самой процветающей из всех колоний, а Филадельфия становится центром культуры Нового Света. В Род-Айленде половина населения была квакерами, а квакерские губернаторы провинции занимали эту должность тридцать шесть сроков подряд. Квакеры были самой важной религиозной группой в Северной Каролине. Во время правления Джона Арчдейла, губернатора-квакера, они контролировали половину мест в ассамблее. Еще до приобретения Пенсильвании квакеры приобрели Нью-Джерси, и хотя в 1702 году они уступили свое право собственности, продолжали оказывать сильное влияние на управление провинцией. В Мэриленде, Вирджинии и Нью-Йорке благодаря рвению путешествующих проповедников и простоте создания квакерских собраний быстро шел рост их количества и увеличивалось число их членов.

В этот период внимание, уделявшееся управлению, иногда было помехой религиозным обязанностям. Об этом можно судить по протокольным записям Миддлтаунского месячного собрания от 1701 г.:

Большая часть членов нашего собрания отозваны на дела, связанные с правительством, поэтому оно откладывается на завтра, пятого числа этого месяца.

Джон Кинси (1693–1750) в одно и то же время был клерком Филадельфийского Годового

собрания, Главным судьей Верховного суда и председателем ассамблеи. Можно назвать и других людей, например, Томаса Ллойда, Дэвида Ллойда, Исаака Норриса и Джеймса Пембертона, которые осуществляли одновременно религиозные и политические обязанности, что было характерно для многих ведущих Друзей в первой половине восемнадцатого века.

Но самой важной производной расцвета квакерства в Новом Свете была уникальная квакерская культура. Под культурой понимается четко определенный образ жизни с духовной основой. Истинная культура влияет на все аспекты жизни. В общинах квакеров собрание было центром – духовным, интеллектуальным и экономическим. У него была библиотека и школа. Споры любого рода регулировались на встречах по деловым вопросам. Бедным помогали, с нарушителями морали вели работу, выносились одобрения по поводу браков, игрались свадьбы. Не было особой нужды в судах, полиции, любого рода должностных лицах, за исключением тех немногих, которые ведали переоформлением имущества и выполняли аналогичные юридические обязанности. Каждая группа, имевшая своим центром собрание, была хорошо организованным, сплоченным сообществом взаимозависимых членов. Устав сообщества и моральный кодекс, которыми регулировался его образ жизни, были записаны в «Книге извлечений», которая является не хранилищем традиции, а письменной фиксацией расширяющихся нравственных идей, подверженных периодическому пересмотру. Этот расцвет квакерства не был отмечен каким-то всплеском литературного или художественного творчества. Он полностью концентрировался на самой жизни в доме, собрании и сообществе. Эта жизнь была художественным творчеством, таким же красивым в своей простоте и пропорциях, как и архитектура домов собраний. «Расцвет Новой Англии» был описан в литературе, но расцвет квакерства средних колоний можно было описать только самой жизнью.

В Америке в течение второй половины восемнадцатого века различные силы и факторы, как внутри, так и снаружи, изменяли это благодатное состояние. Вдоль всей западной границы вспыхнула франко-индейская война. В 1756 г. большинство квакеров, членов ассамблеи Пенсильвании, подали в отставку. Жители колонии боялись отмены хартии Пенна, если из-за влияния квакеров они откажутся содействовать ведению войны. Но за этим частичным выходом из органов власти не последовало замыкание в коконе изоляции. Оставалась актуальной работа на благо индейцев и негров. В 1758 г. во многом благодаря усилиям «Дружеской ассоциации за установление и сохранение мира с индейцами, посредством миротворческих мер» был заключен мир с пенсильванскими индейцами. Друзья, которые отказывались платить военные налоги, щедро спонсировали эту организацию для достижения желаемого результата и демонстрации адекватности мирных методов. Всякий раз, когда белые заключали договор с индейцами, Друзья следили за тем, чтобы при этом присутствовал квакер, который мог бы защитить права индейцев.

Предпринимались новые шаги в области образования. Годовое собрание обязывало месячные собрания давать точные отчеты о том, что каждое из них делает для обучения своих детей. К концу века в Пенсильвании насчитывалось около шестидесяти школ Друзей, в Нью-Джерси около половины от этого числа.

Огромное значение имели энергичные усилия по реформированию Общества изнутри, начало которых пришлось на середину столетия. Существовала значительная обеспокоенность насчет Друзей в органах власти, поступавших в компрометирующем духе, и насчет Друзей, сделавших состояния благодаря своему бизнесу и отступавших от принципов простоты. В 1755 г. был разработан новый набор «Вопросов», в количестве четырнадцати штук. Они касались важных свидетельств, имеющих отношение к поведению; на них требовалось письменно отвечать четыре раза в год. С их помощью вводился сильный и всеобъемлющий контроль по выявлению неквакерских форм поведения. Постепенно обязательная периодичность ответов на «Вопросы» была сокращена до одного раза в год. «Книга дисциплины», как моральный кодекс, приняла более определенную форму, а средства

для обеспечения его выполнения были усилены. Множество Друзей были лишены признания из-за различного рода проступков, наиболее частым из которых был брак с лицом, не имеющим членства в Обществе Друзей. Друзья твердо верили в религиозное единство семьи. Потери от лишения признания были велики, хотя многие выведенные из членства Друзья впоследствии возвращались к прежней верности Обществу. На протяжении столетия, несмотря на лишения членства и жесткое обеспечение дисциплины, численность членов увеличивалась. Американское квакерство, вероятно, достигло апогея своей численности примерно в 1800 г.

Этот век обозначен здесь как «период мистицизма» потому, что сознательное стремление следовать за божественным водительством, куда бы оно ни привело, было необычайно сильным. Первые лидеры вели себя с таким самоотречением и отказом от чувства неловкости при распространении своего послания, что им не была свойственна постоянная самопроверка, столь очевидно проявляющаяся у более осторожных и внимательных к себе представителей второго периода. Различие было в степени, но не сути. «Дневники», написанные ведущими Друзьями восемнадцатого века, изображают скромную, благочестивую жизнь под влиянием внутреннего водительства, с ощущением мира и спокойствия из-за осознания того, что каждая задача, возложенная на них божественным Учителем, будет исполнена в соответствии с данной каждому мерой Света и Силы. Богословские битвы семнадцатого века были закончены; квакеров, в общем, признали христианами. Меньше внимания стало уделяться вероучению, больше – возвращению правильного внутреннего состояния. Теологическое мнение не исчезло, оно переместилось на задний план и редко становилось предметом устных и письменных обсуждений. Большинство проповедей на молитвенных собраниях были призывами к послушанию идущим изнутри наставлениям Духа. На деловых собраниях высказывали особый интерес к конкретным формам социального служения. Традиции укреплялись и оказывали все более сильное влияние. Уиттьер в «Пенсильванском Пилигриме» так пишет о квакерском собрании этого периода:

Белый, ясный свет традиции
Скрадывал цветные витражи человеческих душ.

Ведущие Друзья тех лет совершали много поездок. Некоторые из квакеров до такой степени были вовлечены в служение, что на протяжении длительного времени редко появлялись дома. А некоторые к концу своей жизни могли сказать, что посетили все собрания Общества Друзей. Нередко поездки длились целых четыре года и включали в себя пересечение Атлантического океана. Путешествующие Друзья проводили заранее объявляемые встречи, на которых общались с широкой публикой, а на встречи, проводившиеся в домах собраний, часто приходили и неквакеры. Времена убеждения в вере еще не убежденных в ней отнюдь не закончились. Большие расстояния преодолевались на каноэ или верхом на лошадях, иногда по пустынным приграничным путям. Марта Раут, английская школьная учительница некрепкого здоровья, пишет, что в 1794–1796 годах она проехала по Америке 11000 миль. Кэтрин Филлипс отмечает, что в 1753–1756 годах в своей американской поездке она проехала верхом на лошади 8750 миль. Иногда в день проводилось по пять-десять молитвенных собраний в семьях, которые проживали по пути следования. Путешествующие Друзья служили звеньями, связывавшими широко рассеянное Общество, привнося в него согласованность и обеспечивая определенную степень однородности.

Наиболее полное описание культурного стиля квакеров этого периода приводит Томас Кларксон. Не будучи сам членом Общества Друзей, он поддерживал тесные контакты с Друзьями в деятельности против рабства и восхищался их образом жизни. Трехтомное «Описание квакерства» Кларксона впервые было опубликовано в Лондоне в 1806 году. Для квакерских школ и всех тех, кто по обеим сторонам Атлантики желал сблизиться и сохранить квакерство восемнадцатого века, эта книга стала основным источником информации. В

предисловии Кларксон отмечает, что об истории и принципах квакеров книги были, но не было ни одной о нравах и обычаях Общества Друзей, как у него. Однако живую культуру нельзя передать лишь посредством описания, какое бы точное оно ни было. Чтобы по-настоящему ее понимать, нужно ощущать и жить в ней.

Квакерский образ жизни, сложившийся в семнадцатом и восемнадцатом веках, во многих местах сохранялся на протяжении большей части девятнадцатого века, а кое-где и в двадцатом веке. Ныне живущие Друзья, чьи деды были примерами того, о чем писал Томас Кларксон, понимают и ценят скрытое значение этой тщательно выверенной системы. Однако они могут передать лишь слабое впечатление о ней своим детям, для которых весь аромат и сущность старой квакерской жизни – предмет антикварных исследований, если интересны вообще. С помощью таких исследований удастся выявить внешнюю форму, но чтобы познать внутреннее качество, его нужно ощутить.

3. Конфликт между мистицизмом и евангелизмом

В течение большей части второго периода мистический элемент в квакерстве преобладал над евангелическим. Было сочтено необходимым, чтобы внешнее являлось подлинным и искренним выражением внутреннего. Но постепенно доминирующую роль стали играть старейшины и смотрители, которые были хранителями традиций, регулирующих «простоту в одежде, речи и поведении». Священнические настроения взяли верх над пророческими.

У Друзей нет свидетельств против форм как таковых. Внутреннее чувство неизбежно должно найти свое выражение во внешней форме. У Друзей к тому же нет свидетельств против форм, унаследованных от прошлого, именно потому, что они приходят из прошлого. Для того, чтобы опираться на максимально широкий спектр опыта, деятельность должна в некоторой степени регулироваться мудростью тех, кого уже нет среди живых. Но бывает, что прошлое проявляет больший вес, чем необходимо для определения сути собрания. В годы после Американской революции и Французской революции шло много разговоров о свободе, которые повлияли и на квакеров. Не удивительно, что в первой четверти девятнадцатого века в Обществе Друзей возникло значительное сопротивление тем, кто очень строго присматривал за соблюдением определенного кодекса поведения. А со стороны Друзей-служителей было много обоснованных жалоб на распущенное поведение и низкий уровень духовной жизни. Назревал конфликт, который впервые выявился в виде напряженных отношений между рядовыми членами и Друзьями, сидевшими на «секретарских» скамьях.

Конфликт перерос в бушующее пламя, когда старейшины, выйдя за рамки привычной прерогативы присмотра за поведением, попытались надзирать над богословским мнением тех, кто выступал на молитвенных собраниях. Это разделило Общество Друзей в Америке на две части. Те, кто стремился диктовать вероучение, в большей степени придерживались евангельской веры, хотя было много исключений. Те, кто были против диктата старейшин, как правило, склонялись к мистической стороне квакерства, хотя много исключений было и у этой стороны. Напряженность возрастала с 1800 года, пока не вылилась в раскол, оформившийся в 1827 году в Филадельфии. Уровень духовной жизни был не на высоте, что не позволило воссоздать прежний синтез внутреннего и внешнего. Эдвард Хикс в своем «Дневнике» называет это «временем придинок и бумагомарания». Произошло затемнение Внутреннего Света, главного источника единства. Процветание мирской жизни сломило оплот, который так долго и безуспешно пытались одолеть волны гонений.

В Англии противоречия между этими двумя сторонами удалось удержать, не считая двух незначительных разделений, в границах большей взаимной снисходительности, чем в Америке. На протяжении большей части девятнадцатого века евангелическая партия в целом доминировала, отчасти потому что была, как это обычно случается, более настойчива в своих принципах, чем партия мистиков. Лондонское годовое собрание всегда признавало в большей

степени евангелическую сторону каждого из разделений, случавшихся в Америке. Английские Друзья, приезжавшие в Америку, решительно поддерживали эту сторону конфликта, тем самым усиливая тенденцию к разделению.

Американские расколы девятнадцатого века будут затрагиваться здесь лишь постольку, поскольку они проливают свет на изменения в идеях квакеров. На эти изменения повлияли несколько факторов. В XIX веке Друзья были в более тесном контакте с внешним миром, чем в предыдущем столетии. На них оказывалось влияние с двух противоположных направлений – так называемого евангельского пробуждения методистского возрождения справа и рационалистической философии того времени, как и Французской революции, слева. Методисты считали, что человек пал и не обладает способностью к добродетели. Они настаивали на безоговорочном вдохновении, исходящем от Писания, на Божественности Христа, Его заместительной смерти на кресте и личном религиозном опыте, который внезапно и чудесным образом выводит верующего из состояния порочности в состояние благодати. Своей приверженностью личному религиозному опыту и стремлению к проведению некоторых социальных реформ они были близки к квакерству, и не удивительно, что некоторые из квакерских лидеров начала девятнадцатого века были выходцами из методистского возрождения. Общество Друзей в какой-то серьезной мере не было затронуто рационализмом Пейна, Вольтера и Юма или популярным тогда деизмом, который сделал Бога полностью трансцендентным: «Свидетельства» Пейли и «Аналогия» Батлера были слабым ответом деизму, но Французская революция предстала в виде ужасного последствия свободной мысли. Результат воздействия рационализма на определенную часть Общества Друзей в то время был в основном негативным, потому что реакция на него отрицательно сказывалась на отношении к мистицизму и евангельскому учению.

Как при расколе 1827, так и при расколе 1845 года борьба шла между теми, кто особо ценил внешнюю сторону Писания и внешние исторические события, изложенные в Писании, и теми, кто, прежде всего, подчеркивал важность внутреннего мистического опыта. В пылу полемики атаки представителей разных сторон друг на друга отмечались крайностями, которые позже были несколько смягчены. В Филадельфии новые евангелические настроения первым делом стали усиливаться среди горожан. Жители сельской местности, как обычно, будучи более консервативными, оставались ближе к мистической традиции восемнадцатого века. Это вносило неразбериху и означало, что консервативные сельские Друзья предпочитали более либеральную теологию, в то время как радикальные городские Друзья придерживались более консервативной теологии. Но сельская местность и город имели разногласия и по другой причине. Городские Друзья могли легко собираться и посещать встречи комитетов. Они были богаче, а многие из них и более образованы. Они доминировали в годовом собрании служителей и старейшин и в Собрании в поддержку страждущих, которое являлось исполнительным комитетом Годового собрания. Друзья из сельской местности могли, но редко посещали эти важные встречи. Они возмущались господством аристократических, городских Друзей. По этим причинам у евангелической партии в городе было вдвое больше сторонников, чем у либеральной. С другой стороны в сельской местности, где жило большинство Друзей, ситуация была противоположной. Аналогичные условия преобладали и тогда, когда разделение распространилось на Балтимор и Нью-Йорк. В Огайо, где не было ни одной крупной организации городских Друзей, влияние обеих партий было практически равно.

Непосредственной причиной разделения явилась попытка со стороны некоторых старейшин Филадельфии запретить проповедовать Элиасу Хиксу, пожилому, влиятельному служителю, который в то время путешествовал, имея на руках протокольную запись от своего родного собрания Лонг-Айленда. Он был истинным мистиком. Его религия полностью основывалась на Внутреннем Свете, без опоры ни на евангельские доктрины, ни на тот рационализм, результатом которого становился унитаризм. В ней оставалось мало места историческому Иисусу, Библии, христианским традициям, всему, что шло извне. Многие из тех, кто

становился на его сторону, не понимали или же не слишком высоко оценивали его крайне субъективный тип религии, но они защищали его право проповедовать и его концепцию религиозной свободы. Другие становились на его сторону потому, что им не нравилась агрессивная тактика охоты на еретиков, которой придерживалась партия евангельских ортодоксов. Сэмюэль Джанни, ведущий историк хикситской, или же либеральной партии, в своем «Дневнике» оставил запись, датированную 1824 годом:

В то время я придерживался доктрин, которые принято называть ортодоксальными, но мне претил дух резкости и группового рвения, слишком часто его сопровождавший.

Ортодоксальная партия утверждала, что разделение произошло из-за различий в доктринах, но хикситы не соглашались с этим. Они писали лондонским Друзьям:

Мы не считаем, что раздоры, которые возникли меж нами, так уж сильно происходят из-за различий во мнениях по вопросам вероучения. Они скорее следствие позиции, проявляющейся у некоторых людей, репрессивно исполняющих властные полномочия в церкви.

Заявления по вопросам вероучения, появляющиеся в книгах дисциплины хикситов и у всех остальных, подтверждают эту точку зрения.

Когда, наконец, в 1827 году произошел раскол, обе партии были достойны осуждения за свое поведение: ортодоксы – за их воинственные нападки на лиц, придерживающихся нехристианских, по их мнению, взглядов, хикситы – за их нетерпимость и нежелание ждать, согласно вековым квакерским традициям, большего единства. Они вышли из того, что называли «местом смятения». То, что начиналось как спор по поводу проблем церковного управления, а именно, власти старейшин, теперь превратилось в теологический спор между последователями исторического Христа и последователями внутреннего Христа. Эти споры значительно ухудшили общественное мнение об Обществе, существовавшее ранее. «Манифесто», официальный орган шейкеров, написал: «Теперь, когда квакеры позабыли о своем единстве и начали споры о вероучении, они погрузились в мирскую суету». Обе стороны конфликта выступали с публикациями, апеллирующими к наследию ранних квакеров, и обе находили в нем подтверждение своему мнению. Однако обе стороны упускали из виду тот факт, что раннее квакерство, как и ранее христианство, было синтезом мистических и евангельских элементов, воздействовавших друг на друга. Для ранних квакеров исторический Христос и внутренний Христос были единым целым, – исторический Христос был воплощением и полным откровением внутреннего Христа.

Так как у Хикситов, или либеральных Друзей, возобладала позиция принятия широкого спектра теологических мнений, среди них в дальнейшем расколов не происходило. Они сократили властные полномочия старейшин и смотрителей, т. е. не поддержали эту вековую квакерскую традицию в отличие от ортодоксов. Они сделали упор на демократию и толерантность. В их книгах дисциплины еще около сотни лет сохранялся совет «прорабатывать» лиц, отрицающих божественность Христа, что расценивалось как кощунство.

Ортодоксальное крыло заняло более авторитарную позицию, которая предполагала больший контроль группы над индивидом. Следствием этого стал вновь разгоревшийся спор между мистиками и евангелистами, результатом чего явился раскол на вилбуритов и гернитов, начавшийся в 1845 г. в Новой Англии и постепенно распространившийся на другие районы. По фамилии Джозефа Джона Герни (1788–1847) была названа более радикальная евангелическая группа, а по фамилии Джон Вилбура (1774–1856) – группа тех, кто представлял традиционный, более мистический тип квакерства, также содержащий определенные евангелические элементы. Герни, харизматичный, способный, образованный

представитель английской семьи Герни, брат Элизабет Фрай, в 1837–1840 годы провел трехлетнюю поездку по американским собраниям. Его жизнь в преданности вере и сильные проповеди оказывали неизгладимое впечатление. Его оппонентом был Джон Вилбур, заявлявший, что тот проповедовал вероучение, не соответствующее раннему квакерству, например, веру во вмененную праведность через обретение веры и веру Библии, как единственному источнику Истины – Слову Божьему, а не слову Божьему. Впоследствии Герни отрицал, что разделял подобные мнения. Вилбур был человеком пророческого типа. Его представления были близки квакерству предыдущего столетия. Он полагался на Внутренний Свет, как на первичный источник Истины, а Библию рассматривал в качестве вторичного источника, раскрывающего ту же Истину. Герни был ученым, сведущим в области теологии, сторонником большей образованности, особенно изучения Библии, чему консервативные Друзья противились как разновидности богослужения, не вдохновленного Духом, а являющегося всего лишь «знанием в голове». В Оксфорде и других местах на него оказали влияние выдающиеся английские священники. Томас Шиллитоу, активный английский оппонент Элиаса Хикса, критиковал Герни, называя его «членом епископальной церкви, а не квакером». Джонатан Эванс, основной противник Хикса в Филадельфии, в равной мере выступал против Герни. Когда Вилбур выразил несогласие с Герни на годовом собрании Новой Англии, годовое собрание подавляющим большинством поддержало Герни и посредством нетрадиционной процедуры лишило Вилбура признания, несмотря на поддержку его собственного месячного собрания. Сторонники Вилбура обратились к другим годовым собраниям, тем самым спровоцировав в них разногласия. Филадельфийское ортодоксальное годовое собрание признало вилбуритское годовое собрание в Огайо, но в конце концов, для успокоения своего гернитского меньшинства прекратило переписку, обычную для того времени форму признания, со всеми другими годовыми собраниями. Большинство членов Филадельфийского годового собрания на Арч-стрит продолжали считать себя частью вилбуритской группы, признание которой никогда официально не было отменено.

Таким образом, во второй половине XIX века в Америке появились три ветви квакерства, получивших свои наименования по именам трех людей. Хикситы представляли более мистическую, либеральную, недоктринальную ветвь, герниты – более евангелическую, авторитарную и теологически консервативную ветвь, вилбуриты были ветвью, располагавшейся между двумя упомянутыми. Доктринальные различия между этими тремя ветвями не были четко определены, потому что они не имели никаких официальных письменных символов веры. Скорее это был вопрос предпочтений, а не содержания. В среде вилбуритов было больше возможности, по сравнению с двумя другими ветвями, для настоящего синтеза мистических и евангельских элементов в квакерстве. Именно они могли бы с наибольшей вероятностью претендовать на то, чтобы быть наследниками первоначального Общества Друзей. Но у них существовало и важное различие. Принципы поведения, к которым Друзья пришли через непосредственный опыт Внутреннего Света, вилбуриты, за многими исключениями, скорее принимали как традицию.

В свою очередь более евангелическая ветвь претерпела деления. История религии снова и снова показывает, что символы веры не объединяют, а скорее разъединяют. Группа, образованная на основе символа веры, является более хрупкой и более подвержена разделению, чем более пластичная, органическая группа, удерживаемая вместе Духом. Вскоре после Гражданской войны в Америке, особенно на Среднем Западе, происходило великое возрождение евангелической религии, схожее с методизмом. Оно основательно затронуло все религиозные секты, в том числе Общество Друзей. Евангелисты путешествовали от одного населенного пункта к другому. На их выступлениях множество людей падали на колени, крича о милости и прощении. Квакеры, которые становились евангелическими проповедниками, или евангелические проповедники, которые становились квакерами, проводили возрожденческие богослужения в квакерских домах собраний. Эта тенденция сначала проявилась главным образом в пении религиозных гимнов, и в итоге

привела к тому, что собрания попали под влияние евангелистов. В своих проповедях те несли четырехсоставную благую весть об оправдании, обретении святости, втором пришествии Христа и исцелении через веру. Многие новые члены, которые таким образом неожиданно получили членство, не знали ничего о квакерском молитвенном собрании. Молчаливое богослужение прерывалось импровизированными гимнами, призывами к молитве, личными свидетельствами, возгласами «аллилуйя» и «аминь». Для того, чтобы заботиться о новообращенных и поддерживать порядок, евангелического проповедника иногда упрашивали остаться и быть профессиональным пастором, проводящим регулярные программированные богослужения протестантского типа.* Под подобного рода влиянием значительная часть Общества Друзей отделилась от своих основ и влилась в широкий поток протестантизма.

* См. отчет Джорджа Фокса о своем посещении Род-Айленда: «А в другом месте я услышал, как некие тамошние магистраты говорили меж собою: “Если бы у них было достаточно денег, они наняли бы меня своим служителем”. Именно в этом они не очень хорошо понимали нас и наши принципы, но когда я услышал об этом, то сказал: “Теперь мне можно и уезжать, ибо если они так внимательно смотрят за мною и за каждым из нас, то не придут к своему собственному учителю”. Ибо такое [наем служителей] испортило многих, препятствуя совершенствованию их собственных талантов, в то время как наша задача – привести всех людей к их собственному учителю, который в них самих». – Дневник, II, 171-172

Такие изменения привели в новой череде разделений. Начиная с 1877 г. в Айове и заканчивая в 1904 г. в Северной Каролине, ряд собраний и отдельных лиц вышли из структур, оказавшихся под влиянием этих тенденций, и присоединились к вилбуритам. В настоящее время они известны как консервативные Друзья. Как представляется, с их точки зрения евангелисты разжигали «чуждый огонь»; они заявляли: «Я обратил этих людей» вместо того, чтобы оставить это дело Господу; они пытались резко, усиленным напором привести людей к новой жизни, которая может возрасть лишь постепенно. В «Дневниках» евангелистов местоимение «я» используется в таком смысле, в котором оно не используется в «Дневниках» других Друзей. Господь «дал мне души», пишет Эстер Фрейм, женщина-евангелист, которая присоединилась к Друзьям из-за большей возможности для женщины проповедовать. Когда Джон Генри Дуглас увидел, что его пламенные призывы в одном из собраний Друзей остаются тщетными, то закричал: «Что же мне делать с вами?» Тогда одна женщина-Друг поднялась и сказала: «Джон, у нас в этом собрании нет человека-владельца». Этот случай иллюстрирует принципиальное различие между новыми евангелическими и старыми квакерскими проповедниками. Для евангелиста религиозная служба была сосредоточена на самом себе, для служителя старого типа проповедь вырастала из объединенной жизни собрания. Евангелист вел тщательный подсчет количества обращенных им. Старые Друзья не пытались узнать, какие изменения возможно Дух незаметно производил в сердцах их слушателей.

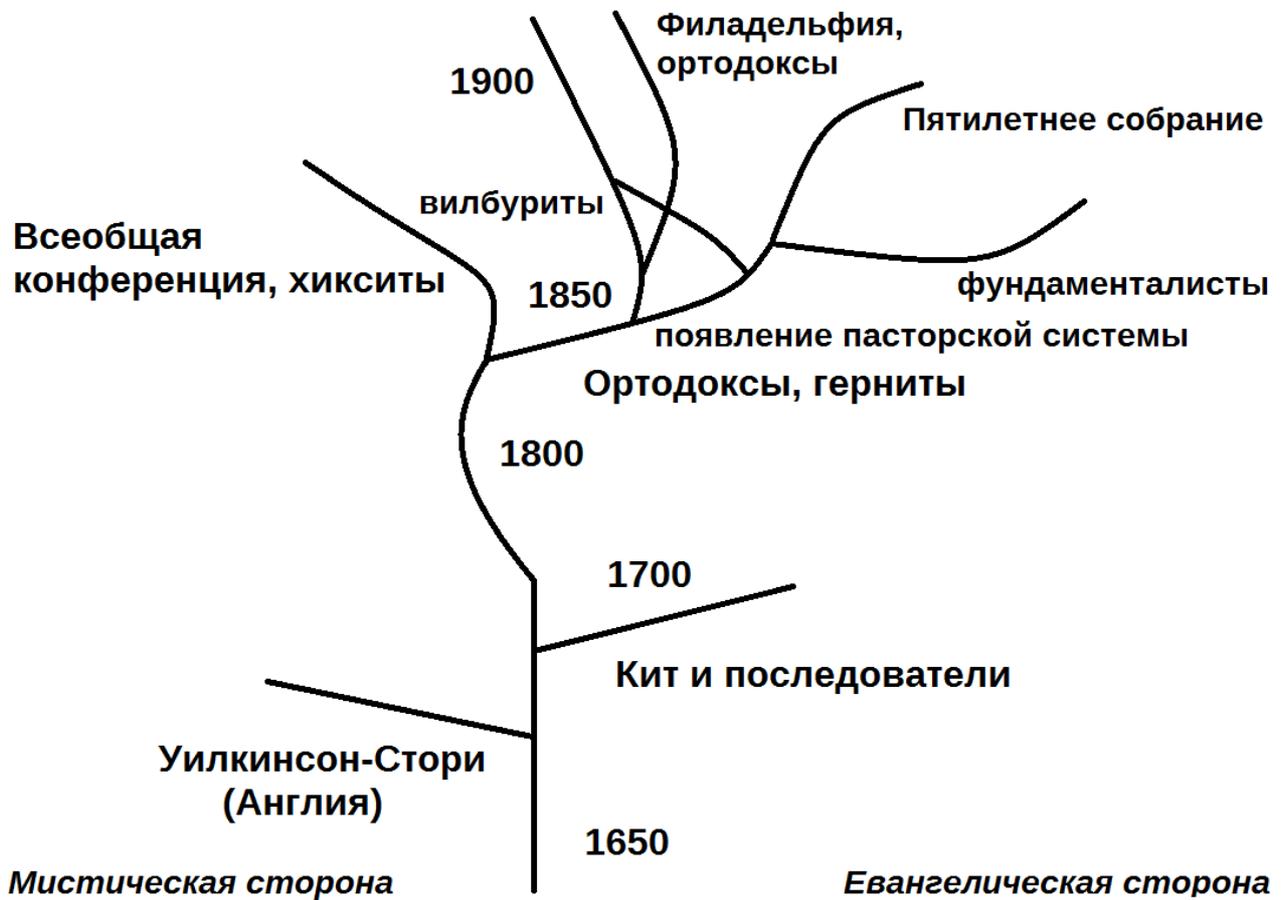
Часто высказывается предположение, что пасторская система с ее программированным богослужением проникла в Общество Друзей из-за несостоятельности собрания, основанного на молчании, а кроме того из-за несостоятельности старого типа устного служения. Может быть в какой-то степени это и было правдой, но в подавляющем большинстве случаев эта система, по-видимому, устанавливается не из-за отсутствия Жизни, а из-за слишком большой оживленности. Возрождение, нарушившее спокойствие собрания, породило хаос экстатических свидетельствований и много суеты вокруг этого, а пастор понадобился, чтобы восстановить порядок. Более активные, напористые члены также приветствовали принятие им на себя ответственности для ослабления влияния более спокойных, консервативных членов.*

* Английский евангелизм породил несколько программированных собраний, большинство из которых прекратило существование. По данным «Лондонской книги собраний» в 1898 г. в религиозных общинах проводились следующие богослужения: «24 вечерних *собраний для чтения* Первого дня и 83 вечерних *миссионерских собраний* Первого дня». – *Friends Quarterly Examiner*, том XXXII, стр. 407, седьмой месяц 1898 г.

И снова более евангелическая ветвь подверглась разделению. Друзья, которые приняли пасторскую систему, разделились на модернистское крыло с несколько критичным отношением к Библии и фундаменталистское крыло, состоявшее из тех, кто принимал содержание Библии буквально. Фундаменталисты все еще подвержены возрожденческим методам. Их учение о святости как втором опыте, следующем после обращения, чем-то сродни учению ранних квакеров о совершенстве, хотя основано на другой теологии. Модернистские церкви Друзей в основном отошли от движения возрождения, которое утратило свою прежнюю притягательность. К настоящему времени их ведущие члены получили образование в учебных заведениях Друзей и многие контактируют с другими группами квакеров. Как результат, к старинному способу квакерского богослужения относятся со значительным одобрением. Пасторские церкви Друзей часто являются общинными церквями, которые совершают службу в определенной географической зоне и объединяют людей различных религиозных традиций. Одной из их главных задач является зарубежная миссионерская деятельность.

Целью этого изложения – слишком краткого, чтобы быть совершенно точным – является показ изменений в идеях квакеров и оснований для этих изменений. Причиной напряженности и разделений является неспособность более мистической стороны и более евангелической стороны, тех, кто концентрируется на своем внутреннем, и тех, кто концентрируется на внешнем, интровертов и экстравертов понять друг друга и достаточно терпеливо ожидать единства в Свете. Деятнадцатый век был временем нетерпеливости и разделения во всех религиозных группах Америки. Причин для разногласий было много, в их числе миграция на новые территории, гражданская война, переходные периоды в экономике, а также в научной и философской мысли.

Эта диаграмма графически передает описанный период квакерской истории. В нее не включено несколько незначительных разделений.

Разделения в американском квакерстве согласно мистическим и евангелическим тенденциям

Эта диаграмма показывает только начало разделений, которые иногда продолжались в течение определенного периода времени. В ней не переданы тенденция к восстановлению единства, возникшая во второй четверти XX века, и рост независимых собраний, объединяющих все ветви.

4. Модернистский период: 1900–1950

Следующее описание этого периода относится в основном к той части квакерства в Америке, которая продолжила использовать исходный способ квакерского богослужения и ведение дел. Следует, однако, отметить, что описываемые изменения в различной степени и в разных формах происходили во всем христианском мире.

В этот период конфликт между мистической и евангелической ветвями уже не является ключевой частью истории квакерства. Разногласия оставались, они никуда не исчезли, но усиливалась роль других факторов. Теперь Общество Друзей стало широко открытым для внешних влияний. Рационализм и религия социального служения всегда присутствовали в квакерстве, но они были в подчинении мистическому и евангелическому факторам. Разум считался надежным проводником на пути к нравственной и религиозной Истине, если он озарялся Внутренним Светом и проверялся канонами Нового Завета. Социальное служение велось всегда и было довольно значимым в поведении христианина при условии, что возникало из Божественного водительства. Баркли не соглашается с идеей протестантской теологии о том, человек способен спастись без добрых дел. Но степень подчиненности рационального и социального факторов мистическому и евангелическому не осталась без изменений. По мировоззрению многие квакеры стали, прежде всего, интеллектуалами и гуманистами. Поиск внутреннего водительства в душе и внешнего руководства в Писании пошел на убыль, хотя никогда полностью и не прекратился.

Это изменение, как и все изменения, происходило постепенно и было обусловлено рядом причин. Главной из них была общая тенденция к секуляризации и гуманизму. Весь девятнадцатый век наука двигалась вперед и стала наиболее надежным проводником в направлении истины. В двадцатый век она вошла наиболее почитаемым и самым надежным источником знаний. Быстрый рост применения научных знаний дал человеку необычайный контроль над природой. Опора на божественное стала казаться менее существенной. Порою ее считали признаком слабости или невежества. В городах осталось мало того, что было произведено не людскими руками или не находилось под контролем человека. В прежние времена большинство Друзей были фермерами; теперь же многие жили в городах или пригородах, где таинственные и непредсказуемые стороны творения проявлялись на минимальном уровне. Человек казался самодостаточным, победоносным и не нуждающимся в помощи Бога или религии. Но произошедшие с тех пор две мировые войны показали, что эта победа оказалась иллюзией. Победа человека над природой была развенчана тем фактом, что он так и не сумел одержать победу над самим собой.

В Обществе Друзей секуляризация и сдвиг в сторону гуманизма ускорились развитием высшего образования. В большинстве колледжей наука превалировала, другие же отрасли знаний использовали научный метод, насколько это было возможно. Даже курсы, относящиеся к изучению религии и этики, старались проводить на научной основе.

В первой половине XIX века в школах-пансионах Друзей была сильная религиозная атмосфера. Она была перенесена в колледжи, которые активно развивались во второй половине века. Но квакерские колледжи, как и другие конфессиональные колледжи, хотя и продолжали особо выделять религию, старались, как правило, удовлетворять интеллектуальный, а не духовный интерес. Показательно, что вилбуритские школы-пансионы – Весттаун, Барнесвилль и Скаттергуд – не стали колледжами, как это произошло со школами-пансионами гернитов – Хаверфордом, Эрлемом и Гилфордом.

Консерваторы, будучи более направленными внутрь человеческого, к Свету, не так сильно чувствовали призыв к развитию высшего образования. Евангелисты же, будучи более направленными вовне, к Библии, христианской миссионерской деятельности и евангелическим представлениям, ощущали необходимость изучения Библии и важность теологического образования. Основной заботой Джозефа Джона Герни при посещении школ Друзей в Хаверфорде и Гилфорде было содействовать изучению Библии.

В начале двадцатого века ортодоксальное годовое собрание в Филадельфии по-прежнему придерживалось вилбуритской точки зрения, основанной на синтезе мистицизма и евангелизма с сильным упором на традиционные квакерские особенности в «одежде, речи и поведении». Переход к более современной, рационалистической точке зрения с сильным акцентом на социальное служение произошел в течение одного поколения. В хикситском собрании, где евангелические настроения были не столь сильны, учение и практика меньше проверялась внешними источниками. Это позволило новому рационализму легче заменить их более традиционный мистицизм. В середине двадцатого века мало что отличало большинство ортодоксов от большинства хикситов, хотя в каждой из этой групп существовало меньшинство, державшееся за старые особенности.

Наиболее характерной чертой этого периода стало появление конференций и летних школ, как в Англии, так и в Восточной Америке. Это были новые и эффективные средства обучения взрослых квакерской истории и принципам. В Англии Манчестерская конференция 1895 года стала переходным событием. В Америке таким же поворотным моментом явилась Хаверфордская летняя школа 1900 года. Появление этих школ стало результатом схожих образовательных проектов, которые обозначили возобновление интереса к прошлому и желание учиться у него. Помимо прочего также появилась решимость основательно

разобраться в новых тенденциях библейской критики и научной мысли. Изначально вдохновленное Джоном Вильгельмом Раунтри в Англии, Руфусом М. Джонсом в Америке и многими другими в обеих странах разрабатывалось новое служение обучения. Его задачей было помочь Обществу Друзей справиться с трудностями, создаваемыми современной научной мыслью. Оказалось, что поскольку квакерство зиждется на непосредственном опыте, у него совсем мало оснований опасаться посягательств со стороны научных или исторических исследований. Было показано, что религия Общества Друзей – это вера, которая без оговорок может приниматься наиболее образованными современными умами. История и идеи ранних квакеров, которые потеряли ясность и были искажены из-за конфликтов XIX века и пристрастности тех, кто все еще придерживался крайних мнений, стали излагаться в компетентных и легко доступных книгах и периодических изданиях.

Вторым важным фактором этого периода в Америке было возникновение и укрепление Американского комитета Друзей на службе обществу и последовавшее за этим возникновение и деятельность в Англии Совета Друзей на службе обществу. В это же время создаются комитеты годовых собраний, нацеленные на решение большого разнообразия социальных проблем.

При оценке взаимодействия четырех главных элементов в каждой полноценной религии – мистицизма, евангелизма, рационализма и гуманизма – выясняется, что в той части квакерства, которую мы сейчас обсуждаем и которая сохранила историческую форму квакерского богослужения, в двадцатом веке произошел рост рационализма и гуманизма за счет мистицизма и евангелизма. Мистицизм, внутренняя сущность, стремится перерасти в рационализм, также внутреннюю сущность; евангелизм, сущность наружная, имеет тенденцию превращаться в гуманизм, сущность также наружную. Может показаться, что евангелическая заинтересованность в спасении души очень сильно отличается от гуманитарной заинтересованности в спасении тела, но все же видна очевидная параллель – интересом первого элемента является улучшение условий жизни в загробном мире, интересом второго – улучшение условий жизни в этом мире.

Без сомнения, рационализм и гуманизм развились до высокой степени в то время, когда в них появилась крайняя необходимость. У квакерства появилась потребность в некоем рационалистическом базисе для того, чтобы совладать с напором современной научной мысли, которая довольно легко одерживала победу над вероисповеданиями, не четко излагающими свои интеллектуальные основания. Новый всплеск социальной активности был необходим, чтобы удовлетворить чрезвычайные потребности нашего мира, пострадавшего от двух крупных войн. Эта деятельность вдохнула в Общество Друзей новую жизнь и привлекла в него много новых приверженцев. В результате более глубокого понимания квакерской истории и принципов, а также из-за большей социальной активности, снижение численности Друзей из непасторских собраний остановилось и происходит устойчивый, здоровый рост. Отрицательные последствия для сельских собраний имела миграция из деревни в город, особенно для вилбуритских Друзей на Западе, но эти потери в сельской местности привели к росту собраний в городах. Сегодня переезжающие Друзья находят друг друга и создают новые собрания. С 1925 г. в различных районах Америки было создано более ста пятидесяти таких новых собраний. Многие из этих собраний были инициированы и активно поддержаны работниками или бывшими работниками Американского комитета Друзей на службе обществу, которые впервые узнали о квакерстве во время участия в проектах в нашей стране или когда работали в группах по оказанию помощи за рубежом.

Усиление рациональной составляющей религии с ее служением обучения и усиление гуманистической составляющей с ее социальным служением вызвали благоприятные изменения в Обществе Друзей, они вдохнули новую жизнь и привели к увеличению членства. В какой-то мере эти явления процветают за счет старого мистицизма и старого евангелизма,

однако это не доказывает, что благоприятными были лишь они. Прежнее социальное служение, которое в некоторой степени сохраняется до сих пор, возникло, как забота отдельных лиц и официально поддерживалась собранием. Оно было синтезом мистического и гуманитарного элементов. Новое социальное служение, проявляющее себя в виде деятельности профессионалов или в виде должностей, создаваемых постоянными комитетами, часто бывает односторонним. Забота о служении может быть искренней, но она возникает не в том человеке, который осуществляет ее на практике. Более старый рационализм, который до сих пор в какой-то степени существует, был испытан и проверен откровением Бога в человеческом сердце и в Писании. Новый рационализм порой пытается открыть Истину лишь одним разумом, без опоры на исторические события или внутренние чувства. Из-за такого происхождения он слишком часто бывает холодным и обезличенным.

В настоящее время в Обществе Друзей очевидны признаки того, что период, который называют модернистским, подходит к концу. Нет причин, по которым усиление одного или нескольких из этих четырех составляющих элементов религии должно препятствовать усилению остальных. Наиболее удовлетворительной религией является та, в которой все эти четыре элемента полностью развиты. Но человеческая природа слаба, и легче оставаться односторонним, чем достигать гармоничной симметрии. Однако, отсутствие баланса в одном человеке может быть компенсировано балансом в группе. Группа, к которой есть правильное соотношение пророков и мистиков, евангелистов и служителей, теологов и философов, реформаторов и социальных работников, может достичь большего, чем группа, в которой такой баланс отсутствует. Но здесь мы должны снова напомнить себе слова Павла о том, что не все дары равноценны (1Кор. 12:28): «ревностно помогайте духовных даров и особенно дара пророчества» (1Кор. 14:1).

ГЛАВА 10

Квакерская мысль и современность

На протяжении трех веков квакерской истории четыре первичных элемента, присутствующие в любой религии, в разное время и в той или иной степени оказывали свое влияние. В течение первых полутора сотен лет мистицизм и евангелизм находились в равновесии в сообществе в целом, хотя многие люди, бывало, выделяли для себя один из них. На протяжении девятнадцатого века мистицизм и евангелизм находились в конфликте, один элемент в сообществе чрезвычайно теснил другой, хотя у многих людей оба эти элемента присутствовали в равновесии. И, наконец, в течение последнего полувека рационализм и гуманизм приобрели больший вес, иногда становясь доминирующими, хотя и в этом случае остаются некоторые люди, у которых уравновешены все четыре тенденции.

Лучшим типом религии является тот, в котором мистический, евангельский, рациональный и социальный элементы настолько связаны, что каждый оказывает сдерживающее влияние на остальные. Слишком сильный акцент на мистицизм приводит к индивидуалистической, субъективной и расплывчатой религии. Слишком сильное доминирование евангелизма приводит к религии, которая является авторитарной, догматичной и тяготеющей к внешним формам. Слишком сильный акцент на рационализм ведет к холодной, интеллектуальной религии, которая привлекает лишь немногих. Слишком сильная углубленность в социальное евангелие, сосредоточенность главным образом на улучшении внешней среды, ведет к религии, игнорирующей недостатки внутренней жизни, которые вызываются внешними неустройствами. Для квакерства равенство присутствия этих четырех элементов не является оптимумом. Мистический элемент – основной. Внутренний Свет служит основанием для принятия или отказа в принятии определенной властной структуры, мотива или служения.

Мистицизм и евангелизм направлены в сторону надчеловеческого уровня. Разум и добрые дела свойственны человеческому уровню. Тем не менее, человек может позволить своему вниманию переключиться на то, что ниже человеческого уровня. Эти три уровня можно распределить следующим образом:

	<i>Внутренняя направленность</i>	<i>Внешняя направленность</i>
Надчеловеческий	Мистицизм	Евангелизм
Человеческий	Рационализм	Гуманизм
Ниже человеческого уровня	Витализм	Материализм

Давайте сначала обратимся к трем понятиям внутренней направленности, несмотря на то, что они довольно тесно связаны с тремя понятиями внешней направленности и объективно не могут рассматриваться отдельно от них.

Под витализмом подразумевается религия, которая боготворит жизненную силу в ее биологическом смысле. Сюда входит и то, что можно было бы назвать «племенным мистицизмом», чувством родственной принадлежности к семье, племени, касте или расе, которое находит свое выражение в культе предков или поклонении племенному божеству. К этому же можно добавить культ патриотизма, который, используя символы и ритуалы, боготворит нацию как своего рода всепроникающую субъектность. В наше время нацисты с их приверженностью идеологии «крови и почвы» представляют собой крайнюю форму такого типа мистицизма. В примитивных религиях плодородия, которые боготворили репродуктивные силы природы, мы находим более старые примеры мистицизма того же уровня. Этим чувством в некоторой степени обладают все люди – чувством того, что в человеке и природе есть внутренняя, жизненная, созидательная сила, которая достойна почитания.

В то, что божественная сила – неотъемлемая часть природы, верят не только простые люди, но также философы и поэты, кредо которых колеблется по всему спектру – от примитивного анимизма и магии до самых высоких порывов абсолютного идеализма, и которые считают, что вся вселенная существует лишь как мысль Бога или как тело, чьей глобальной душой является Бог. Современный индуизм включает в себя все эти стадии – от анимизма до абсолютного идеализма. Вордсворт в своих «Строках, написанных на расстоянии нескольких миль от Тинтернского аббатства» выражает этот природный мистицизм доступными словами:

... Высоких мыслей, благодное чувство
 Чего-то, проникающего вглубь,
 Чье обиталище – лучи заката,
 И океан, и животворный воздух,
 И небо синее, и ум людской –
 Движение и дух, что направляет
 Все мыслящее, все предметы мыслей,
 И все пронизывает.

(перевод В. Рогова)

Природный мистицизм, ограничивается ли он племенем или же обращается ко всей природе, является верным началом религиозного прогресса. Однако, если он не вырастает в нечто более высокое, становится заметной его ограниченность. Сосредоточение богослужения на природе – в целом или частично – или на семье, расе, нации подразумевает включенность в обряды, как зла, так и праведности. Природная «кровь на клыках и когтях» не есть полное

отражение Бога. Преданность семье, расе или нации, несмотря на всю свою значимость, не будет праведностью, если игнорировать их порочные цели.

Природный мистицизм или племенной мистицизм содержат риск скатывания к более низкому уровню вместо подъема на более высокий. Видя Бога во всем, мы наблюдаем Истину, но это не значит, что все должно оставаться как есть, просто потому, что в них имманентно присутствует Бог. Бог по-прежнему созидает, и Его присутствие – даже в самых низкоуровневых Его созданиях и даже в самых чувственных желаниях – является доказательством того, что Его работа была начата, но не закончена. Только когда мы обращаем свои мысли к Самому Богу, мы находим ту Суть, которая достойна нашей личной преданности и поклонения. Христос, раскрытие Бога в человеческом обличье, является кульминацией того процесса, началом которого является природа.

Квакеры полагают, что Бог есть в природе и во всех человеческих существах, в том числе в том, что Роберт Баркли называет «естественным человеком», имея в виду человека, как дитя природы, животного, которое является потомком долгой череды предков-животных. Бог, по словам Баркли, существует в «естественном человеке» в виде «Семени». Это полезный образ, поскольку предполагает рост. Семя, или «то, что от Бога в каждом человеке», даже духовно не обновленное, может воздвигаться, или «получать ответ» и, таким образом, начинать процесс роста. По мере роста человек поднимается от уровня животного до человеческого уровня, а в итоге – от человеческого к божественному.

Если почва плодородная, а поверхность не каменистая и не слишком твердая, Семя будет прорасти само по себе. Растение можно поливать и удобрять, но его не принудишь расти быстрее. Как и растению, Божественной Жизни нельзя помочь расти, вытягивая ее. В итоге растение созревает. Интересно отметить, что в Новом Завете слово, переводимое как «совершенный», также означает также «зрелый, возмужавший».* Совершенство – это созревание внутренних способностей, каковыми бы они ни были – скромными или же выдающимися. Это не завершение бесконечного процесса, но достижимая цель.

* К примеру, слово, в Библии короля Якова переводимое как «совершенный», в обновленной стандартной версии иногда переводится как «возмужавший». «Чтобы представить всякого человека совершенным во Христе Иисусе» (Кол. 1:28) [синодальный перевод, – прим. пер.], становится «дабы всякого представить Богу возмужавшим во Христе» [современный русский перевод, – прим. пер.].

Памятуя о трех внутренних уровнях, в квакерских «Дневниках» мы находим множество свидетельств того, что они действительно выявляются в жизни, однако, их можно интерпретировать и теоретически. Авторы «Дневников» крайне аккуратно подбирали для них слова, чтобы не выйти за пределы своего опыта и записать свои переживания максимально правдиво, без каких-либо попыток корректировать их с целью приблизиться к формулировкам, заранее определенным формальными требованиями веры. В целом духовное путешествие автора описывалось в три основных этапа: первый – детство, второй – юность и ранние годы взрослой жизни, третий – годы по-настоящему взрослой жизни, хотя существуют значительные различия в возрасте, в котором случались точки поворота. Ниже следуют три подборки отрывков с примерами, взятыми из «Дневников», относящихся к каждому из трех столетий квакерской истории.

Первый этап – это время первичной невинности, подобной той, что была у Адама в раю. Как и Адам, автор иногда слышал голос Бога.

Покуда я был еще очень молод... и вдохновлялся божественным принципом, в те годы я иногда чувствовал, как Его сила охватывает мое сердце. [Уильям Катон, 1636–1665]

В раннем возрасте я чувствовала заботливое ощущение божественной любви. [Мэри Хаггар, 1758–1840]

Помню, что в очень раннем возрасте я испытал воздействие божественной благодати, осуждающей меня за зло и побуждающей меня к добру. [Сэмуэль Джанни, 1801–1880]

Эти примеры, как и множество других, указывают на резкое отклонение от кальвинистской доктрины порочности. Молодой квакер был дитя природы и, как таковой, чувствовал в своей душе Слово Бога, который сотворил и все еще творит природу.

Второй этап начинался с периода подросткового легкомыслия, который авторы, вспоминая о нем в более позднем возрасте, оценивают, как суетность и пустую трату времени. Вот несколько типичных фраз:

Мой разум отделился от тщетных пьес, привычек, манер и самовольных служений мира сего. [Джеймс Дикинсон, 1659–1741]

Я с большим удовольствием проводил время в веселой и суетной компании. [Дэвид Фернс, 1707–1779]

Живость моих природных склонностей часто уводила меня за надлежащие границы. [Сара Хант, 1797–1889]

Ни в одном дневнике не найти более серьезных проступков, чем «легкомысленность поведения» и обожание различных увеселений, спортивных состязаний и игр. Автор еще в какой-то мере дитя природы, но уже не полностью, потому что вскоре начинается внутренний конфликт. Слышится божественный голос зова, но не назад к первичной бессознательной невинности, ибо это уже невозможно, а к более высокому уровню взвешенного самоосознанного послушания. Существует влечение сверху и влечение снизу. Человеческая сущность разделяется; это состояние хорошо описано Павлом, когда он говорит: «Желание совершать праведные поступки всегда со мной, но я не совершаю этих поступков» (Рим. 7:18).

Почти каждый автор дневника ярко описывает эту стадию конфликта.

В этом пекле я мучился и силился, и никто не знал моих печалей и горестей, которые порою были почти невыносимы. [Стивен Крисп, 1628–1692]

Никогда прежде во мне не было столь четкого и несомненного ощущения двух сил – силы света и жизни и силы смерти и тьмы. [Уильям Эванс, 1787–1867]

Я опробовал множество способов убежать от него, ... но он преследовал меня так же, как он преследовал детей Израиля в их блужданиях. [Томас Аметт, 1791–1877]

Промежуточный этап конфликта в итоге меняется на полную готовность следовать Внутреннему Свету, куда бы он ни повел. Иногда этот третий этап может наступить внезапно, но чаще к нему приходят постепенно, через ряд шагов, один из которых – благополучное выражение своей подавленной заботы в речи на молитвенном собрании. Когда это происходило, семья и друзья говорящего узнавали, иногда к своему удивлению, что же тайно творилось у него в душе. Сделав публичное заявление, говорящий теперь должен был жить в согласии с ним. Он должен был принять ношение простой одежды и использование простой речи, типичные для Друга способы показать миру свою позицию. Он оказывался на том уровне, где его жизнь сосредотачивалась в Свете. К этому времени его внутреннее

напряжение и конфликт уже не чувствовались. Конечно, иногда он мог оступаться, на самом деле это обычно случалось. Иногда могли наступать новые периоды конфликтов и депрессии, но в целом его жизнь проходила в состоянии внутреннего мира и беззаветной приверженности воле Бога, куда бы она ни повела. У этих авторов мы видим достижения выше, чем бывают обычно, но они были образцовыми Друзьями в том смысле, что их «Дневники» легли в основу обучения тому, как жить по-квакерски; в зимние вечера их читали у семейного очага.

Таким образом, перед нами предстают три уровня человеческих достижений, которые переходят друг в друга настолько постепенно, что бывает трудно сказать, где начинается один и кончается другой. Они все основаны на опыте, а не на теории. Человек на самом деле оказывается балансирующим между миром тьмы и миром света. Он может сосредоточить свою жизнь или в темном мире, или в мерцающем полумраке человеческого разума, или в ясном свете божественного Присутствия. Темный мир – это не самое зло. Он создает необходимую основу нашей жизни на этой земле. Он является злом только тогда, когда душа концентрируется на нем. То же самое можно сказать и о сфере разума. Без разума, контролирующего чувственные желания, мы не могли бы подняться до человеческого уровня. Разум вознес нас из мира чувственности в ту сферу, где мы в значительной степени научились контролировать свои инстинкты и свое материальное окружение. Благодаря разуму мы стали людьми и благодаря ему же бросили вызов силам природы, которые в противном случае захватили бы нас. Благодаря разуму мы не только вышли победителями в состязании с дикими животными, но, кажется, и приобрели специфические качества и свойства, которые отличают нас, как живых существ, от остальных животных не только по степени развития, но и в качественном отношении.

Однако в мире разума не просматривается конечной цели. Ни ночные звезды, ни полуденное солнце не светят достаточно ярко. Разум тщетно борется с неразрешимыми проблемами. Он может показать следующий шаг вперед, но не может прояснить судьбу человека. Разум пытается построить последовательную систему идей; такое усилие наиболее пылко производится на исходе подросткового возраста или в юности. Студент колледжа нашего времени находится на той стадии, когда рациональное соответствие представляется в виде фактора первостепенного значения. Он решается примирить науку и религию, а когда терпит неудачу, то возможно отбрасывает либо одно, либо другое. Порой он может попытаться найти рациональное решение проблемы, подобно Иову примиряя Божью справедливость и страдания праведности. А иногда он оказывается охваченным проблемой свободы и детерминизма. Когда разум пытается достичь последовательной системы взглядов, всегда остается некоторый нерациональный элемент, который не получается вставить в систему.

В результате разум становится униженным и смиренным, а человеческая воля оказывается в готовности сдаться большей Воле. Если это происходит, то не из-за веры в иррациональность вселенной и, следовательно, отсутствие последовательной системы Истины. Это может означать и признание того, что человеческий разум не является достаточным для познания максимальных соответствий, которые знает Бог. Если ученый своим экспериментом обнаруживает два факта, которые кажутся противоречивыми, он не отбрасывает науку как иррациональную систему. Он уверен, что в долгосрочной перспективе дальнейшие знания обнаружат соответствие. Точно так же искатель максимальной религиозной истины считает, что в сознании Бога Истина является гармоничной системой. Но слабый свет человеческого разума не распространяет свои лучи так далеко. Следовательно, человек должен искать в своей душе Свет, благодаря которому все будет видно, как глазами Бога. Он должен доверять своим чувствам, которые проникают к центру его существа и всего сущего глубже, чем даже самый пронизательный разум. Он должен, как можно сильнее вступить в союз с Богом, окончательным источником созидательной силы и решающим источником Истины. И затем человек обнаруживает, что посредством правильного духовного развития он может сконцентрироваться своей душой в этом мире Света, который просвещает разум, так же как

разум посредством правильных научных процессов проливает свет на природу.

В сумеречной зоне разума человек является разделенной сущностью. Он пытается удовлетворить свои желания за счет накопления материальных благ. Но чем больше накоплений у него появляется, тем больше он становится одержим ими. Его усилия по подчинению того, что его окружает, делает его рабом окружающего. Он строит машины, а затем оказывается, что его жизнь превращается в их обслуживание. Сама наука, с помощью которой он контролирует природу, низводит его до природного уровня. Сначала он обнаружил, что его Земля является не центром Вселенной, а всего лишь мельчайшей ее частью. Затем он обнаружил, что произошел из животных, и пришел к выводу, что и сам он вероятно животное. Позднее все его благородные эмоции были интерпретированы с точки зрения его физической структуры и выделений желез. Его ум стали сводить к условным рефлексам и системе реакций на механические раздражители. Его религию рассматривали в психологическом плане, как результат отцовского комплекса, материнской фиксации или каких-либо других психопатических реакций. И, наконец, он изобрел настолько разрушительные орудия войны, что теперь находится в опасности уничтожения себя как вида. Неудивительно, что он в отчаянии.

Человек покинул свой дом и долго скитался извилистым путем. Он покинул свою мать-природу, под чьей защитой он был счастлив как ребенок, играя в присутствии Божественного. Он не может вернуться назад, потому что он уже не дитя. Он должен идти вперед и искать новое пристанище для своего духа – ибо теперь он научился рассуждать, сравнивать, проверять настоящее неким невидимым идеалом, чье призрачное мерцание он видит впереди. Те, кто уже достиг этой цели, говорят ему, что там Божья завершенность будет поддерживать его человеческую неполноту. Божественная гармония, которая уже присутствует словно Семя, посаженное внутри его смертной сущности, будет расти и расцветать во всей его душе, даже в нынешнем мире раздоров и потрясений.

Но для достижения этой гармонии человек не должен убегать из нашего мира борьбы и потрясений. Бог, которого он нашел – это не только Бог мира, способный заполнить его в свои «предвечные длани». Как это ни парадоксально, он не только Истина, но также и Любовь. Христос, который сказал: «мир Мой даю вам», был тем же, кто страдал на кресте. Этот парадокс подводит нас к рассмотрению трех внешних стадий души. Без него может быть нарушено то, что находится в покое. Колесо социального развития может вращаться только тогда, когда срединная ось находится в состоянии покоя. Сначала человек находит Бога внутри себя и через это открытие обнаруживает покой и силу. После этого он может выходить в наш беспокойный мир, неся мир и силу с собой. Это есть служение примирения, с помощью которого человек примиряется с Богом и своими ближними.

Три внешние стадии, которые мы не совсем адекватно называем евангелизмом, гуманизмом и материализмом, соответствующие надчеловеческому, человеческому и тому, что ниже человеческого уровня, представляют собой другую сторону той же окончательной Реальности, как и три стадии внутренней направленности – мистицизм, рационализм и витализм. Таким образом, материя – это внешнее проявление внутренней жизни. С помощью наших научных приборов мы можем лишь взвешивать, измерять и отсчитывать время. Физическая наука не может обнаружить ничего, кроме материи и ее законов движения. Живой организм в представлениях науки – всего лишь необычайно сложный механизм. Для чистой науки не существует принципиальной разницы между автомобилем и человеческим телом. Один из этих объектов лишь более сложный и его труднее понять, чем другой. Однако человек мистическим чутьем распознает существующую внутри него жизнь, которая находится вне досягаемости науки. Ни один научный прибор не может обнаружить любовь, ненависть, радость или боль. Он может выявить лишь электрические импульсы, проходящие по нервам или кровеносным сосудам, которые такие эмоции сопровождают.

Гуманизм, или социальное служение – это внешний, прикладной аспект рационализма. Разум говорит нам, что сотрудничество лучше, чем конфликт, что помогая другим, мы помогаем себе, и что ухудшая наше окружение, мы ослабляем себя. Мы заключаем деловые договоры, принимаем законы, конституции, различного рода правила, которые помогают нам жить с нашим окружением на основе взаимопомощи и с минимумом конфликтов. Структура современного государства, в отличие от племени или этноса, в значительной степени является продуктом разума, в основе которого лежат человеческие интересы. Даже тоталитарное государство упоминает о них. Государство существует в интересах своих граждан, а если некоторых граждан уничтожают, то даже это объясняется интересами всех остальных.

Однако гуманизм, основанный на разуме, неустойчив. Он предполагает, что человек достаточно умен и знает, что должен помогать своим ближним, но такое знание не всегда приводит к правильным действиям. Люди приобретают власть и используют ее в корыстных интересах. Современное демократическое общество базируется на теории о том, что просвещенная корысть способна создать мирное, счастливое общество. «Экономический человек» экономистов является полностью эгоистичным существом, но достаточно мудрым для понимания того, что эгоизм может завести слишком далеко от его собственных интересов.

Общество, в основе которого лежит просвещенное своекорыстие, неустойчиво, и ему предопределено или опускаться ниже, или же подниматься выше. Оно будет либо опускаться до механистического уровня, где власть, действующая извне, вынуждает людей работать вместе, либо оно будет возрастать до религиозно сплоченной групповой жизни, где люди сотрудничают, потому что их побуждает внутренний божественный Дух. В последнем случае мы получаем единство, созданное под действием Света. Современные демократии перерождаются в авторитарные государства, потому что человеческий эгоизм не может производить свою противоположность – человеческую взаимозависимость. Мы должны иметь либо более сильную государственную власть, которая удерживала бы людей вместе извне, либо более сильную религиозность – для удержания их вместе изнутри. Третьего не дано.

То, что человек способен выйти на третий, самый высокий уровень групповой жизни, которая поддерживается религией, часто видно в истории человечества. Так произошло и в раннем христианстве, и в раннем квакерстве, и во многих других случаях. Я назвал это достижение евангелическим, потому что это – церковь, в самом лучшем смысле этого слова, а в христианстве это церковь, побуждаемая Духом Христа, Словом Божьим. Христианская Церковь была намерением продолжить Воплощение, Воплощение, как оно воспроизводится в жизни молитвенной группы, когда ее члены осознают божественное Присутствие среди себя.

Но если мы хотим быть настоящими евангелистами, мы должны принять как Воплощение, так и Искупление. Как мы сегодня можем поднять крест Христа и следовать с ним? Как мы должны принимать на себя не только его мир, но и его страдания? Если Церковь должна быть продолжением Воплощения, она также должна быть продолжением Искупления. Она должна осмелиться жить в соответствии с тем, во что она верит, не взирая на те страдания, которые за этим могут последовать. Она должна стать частью Царства Небесного, а не компромиссом с царствами мира сего. Она должна возложить на себя страдания этого мира. Подобно группе разведчиков, действующих впереди, далеко за линией фронта, она может нести большие потери, но этим будет прокладывать путь к победе.

Человек в срединной зоне гуманистического разума и гуманизма будет опускаться ниже или подниматься выше не столько благодаря своим собственным усилиям, сколько потому, что он покорен силам, которые либо тянут его вниз, потому что он дитя природы, либо возносят его,

потому что он дитя Бога. Древнее выражение «Мы спасены по благодати Божией» означает, что мы не можем подняться только лишь своими собственными силами. Подобно человеку, взбирающемуся по лестнице, чтобы продвинуться вверх, мы должны схватиться за ступеньку повыше. Человек не может поддерживать себя как человек, если только он не является чем-то большим, чем человек. Если он не достигает надчеловеческого, то опускается до уровня ниже человеческого. Когда жизнь становится мирской в том смысле, что сосредотачивается лишь на человеческом, она становится материалистической, как наглядно показано в нашей современной индустриальной и научной культуре. Теряя свою опору из божественного, человек вместе с этим теряет свое обладание человеческим. Иллюстрацией этому служат российские коммунисты. Отрицая истину религии, они отвергли и то, что делает человечество достойным уважения. Результатом является недостойная людей общественная жизнь по типу муравейника.

Процесс спуска от надчеловеческого до человеческого и от человеческого до того, что недостойно человека, проявляется на стадиях упадка каждой великой культуры. Начиная с примитивной, племенной религии природы, культура достигает своих вершин при стремлении к тому, что выше человеческого. Когда начинается ее упадок, она проходит через гуманистический период с переходом в заключительную, материалистическую стадию, где теряет жизнеспособность и творческий потенциал. В нашей западной культуре в конце позднего средневековья человеческое внимание было приковано к надчеловеческому. Типичным достижением этого периода явился кафедральный собор со шпилями, устремленными в небеса. Его витражи закрывали всю картину мира природы. Все внутри собора напоминало человеку о сверхъестественном. Великая церковь была всеохватывающей организацией, превосходящей государство, сверхъестественным, наднациональным сообществом, являющим сверхъестественную истину, лежащую за пределами человеческого разума, и выдающим посредством своих таинств сверхъестественную благодать. В университетах главенствовала теология, а философия была ее прислугой.

Конечно, было мало физических удобств и отсутствовала индивидуальная свобода. Более других почитались святые, у которых вообще не было собственности, а порой почти не было образования. Тем не менее, существовало ясное чувство вечного, проливающегося на этот бренный мир. Появились на свет великие произведения искусства и литературы. В темном мире природы явился Город Бога, притягивая людей к жизни поверх плотского и над демоническими силами внутри естества.

Но точка апогея осталась позади, церковь погрязла в пороке, и настала эпоха Возрождения, называемого так, потому что оно стало новым зарождением подобных стремлений в греко-римском мире. Эта эпоха возвысила человеческий дух и человеческое тело. Науки гуманистической направленности опередили богословские исследования и стали доминировать в университетах. Медленно наступал великий век разума, и философы Просвещения почувствовали, что нет такой проблемы, которую не смог бы решить человеческий разум.

В разгар этого периода возникают два направления, которые во многом очень различались, в то же время показали сильную похожесть. Речь идет о протестантской Реформации и развитии механистической науки. Этот вид науки сводил все, в том числе и человека, до уровня механизмов, регулируемых неизменными законами природы. Кальвинизм с его учением о предопределении, который в значительной степени доминировал в поздней Реформации в качестве его логического итога, низводил человека до уровня порочного существа, которое полностью подчиняется непреложным указаниям Бога. В физической науке человек движим физическими силами, внешними по отношению к нему. В кальвинизме человек спасается Божественной Благодатью, также внешней по отношению к нему. Церковь как таковая больше не рассматривалась протестантами как средство для спасения. Человек единолично предстает перед Богом. Подобным же образом наука сводит

человека и всю вселенную к скоплению отдельных частиц. Протестантизм согласился с содержимым Библии вне зависимости от его разумности. И наука приняла так называемые факты природы, какими далекими от разумных объяснений они ни могли бы показаться.

И протестантизм, и механистическая наука ослабили то, что могло бы восприниматься в качестве религиозной горизонтальной составляющей – межчеловеческую духовную связь, как необходимый фактор в процессе того, что в религии называют возрождением или спасением, а в науке эволюцией. Протестантизм сохранил вертикальную связь между человеком и Богом, как единственный необходимый фактор. Католицизм и квакерство придавали особое значение объединяющей силе божественного Духа в молитвенной группе как своего рода душе в общественном организме. Католицизм оставил меньше места для индивидуальности по сравнению с квакерством, которое, имея в качестве одного из прародителей Реформацию, стремилось индивидуальность оберегать.

Такое сравнение допустимо только из-за того, что оно относится к крупным историческим тенденциям прошлого, последствия которых до некоторой степени все еще проявляются. Современный протестантизм содержит большое разнообразие точек зрения, охватывающих весь религиозный спектр. В современном квакерстве также видно большое разнообразие религиозных взглядов. И даже католичество, несмотря на его практику иерархической подчиненности в вопросах веры, демонстрирует некоторые вариации. Каждая религия начинается с довольно однородной группы. Чем дольше она существует, тем более разнородной становится.

В результате чрезмерного акцента на механистическую религию и механистическую науку в наше время великая эра гуманизма близится к своему завершению. В колледжах и университетах все еще преподаются гуманитарные науки, но доминируют науки естественные. Общество становится все более индивидуалистическим, так как постепенно ослабевают старые связи групповой жизни, даже семейные. Западный человек, потеряв свое понимание надчеловеческого, опускается ниже человеческого уровня. Порой кажется, что наступает время, когда только власть, действующая посредством силы, может дать людям возможность сотрудничать. Демократии, базирующиеся на теории о природе гуманизма, возвращаются к опоре на физическую силу. Войны увеличиваются в числе и по размеру насилия. Возможно, впереди нас ждут темные века.

Как указывает Освальд Шпенглер в своем труде «Закат Западного мира», все великие культуры прекращают свое существование с религией, в которой нет бога. В настоящее время наша западная культура скорее подтверждает правоту этого наблюдения, потому что она движется к материализму, крайним выражением которого является марксизм. Но Шпенглер не замечает одного важного явления, которое иногда проявляется в периоды упадка. Малые мистические группы вступают в состояние единения посредством внутреннего Духа. Они отвергают деградирующую культуру окружающего их мира. Они считают, что внутри них самих рождается новое, лучшее общество, которое и должно прийти на смену прежнему. Христианство появилось в период упадка греко-римской жизни в виде нового, живого духовного подъема, сохранив много хорошего из того, что было в старой культуре, и передав это новой культуре. В момент появления христианства рушились и исчезали старые формы общественной жизни, основанные на племенных и гражданских традициях, и формировались новые объединения различных видов. Римская имперская система могла поддерживать порядок силой, но она не могла поддерживать такую общественную жизнь, которую жаждала человеческая душа. Христианская церковь утолила эту жажду, и благодаря тому, что она смогла сделать это более полно, чем любое другое из многочисленных общественных объединений того времени, стала расти, в то время как численный состав других снижался. Христианство обеспечило ту религиозную основу, которая удовлетворяла потребность людей как в сообществе, так и в соблюдении прав личности. Невидимый Дух Христа объединил группу в единое целое. Кроме того, он давал возможность участвовать в первой стадии

существования нового, совершенного общественного порядка, Царства Божьего, которое пришло бы на смену империи Цезаря.

Культура упадка может породить нечто такое, что, будучи независимым от временных форм, является производным от вневременной природы Реальности. Христианство зародилось в древнееврейской культуре и, пройдя через греко-римский мир, утвердилось в Европе. Хотя христианство восприняло формы всех этих культур, в его основании лежат элементы, не зависящие ни от одной из них. Квакерство, считавшее себя «возрожденным первохристианством», на самом деле не было возрождением раннего христианского движения. Оно не приняло многие черты древнееврейской религии, присутствовавшие в раннем христианстве, и пыталось опереться только лишь на вневременные элементы, лежавшие в основе самого Евангелия. Среди удаленных древнееврейских элементов были водное крещение, понятие кровавой жертвы и пришествие Мессии в облаках славы. Эти черты не появляются ни в Евангелии и Посланиях Иоанна, ни в более поздних письмах Павла, которые служили основным источником квакерской теологии. Именно Иоанн и Павел обогатили вневременный элемент христианства в попытке взрастить новую религию несмотря на ее иудейские пеленки.

Ранее квакерство в отличие от раннего христианства появилось в период растущей активности в сферах религии, политики и науки. Будучи составной частью всего этого движения, оно внесло свой вклад во все эти три сферы. Активная, внешняя сторона квакерства полностью соответствовала веяниям времени, однако его мистическая, внутренняя сторона не была в согласии со своим временем. Несмотря на убеждение, что после каждого ухода из мира сего должно следовать возвращение в него, последние три столетия доктрина ухода даже в таком виде далеко не процветала. В самом начале квакерство оказалось довольно привлекательным, потому что отбросило те формы, которые пристали к христианству за долгое время его истории и которые к тому времени стали затмевать исходное послание. Многих привлекла попытка получить религию честности и искренности. Но когда Друзья говорили о внутреннем опыте, который выше всех внешних форм, это воодушевляло немногих. Новая наука только-только начинала открывать чудеса мира внешнего. Ньютон был современником Фокса. Эту науку квакеры приняли так же охотно, как и другие люди, потому что она основывалась на непосредственном, подлинном опыте, и она показывала пути Бога в природе. Например, Томас Лоусон, квакер и школьный учитель раннего периода, отмечает в своем учебнике по естествознанию, который был написан на латыни:

Его деяния внутри и Его деяния снаружи даже для наименьших из растений доказывают силу и мудрость Творца и наблюдаемые в масштабах вечности смиряют человека.

Лишь позднее все же стало очевидным, что наука может, как возвышать человека, так и показывать его малую значимость.

В Новом Свете открывались обширные земли. Границы с ними были местом нелегких трудов. Людям было слишком тяжело поддерживать религию, в которой не могло быть профессиональных администраторов. Они были слишком заняты, чтобы ожидать Господа в молчании. Механистическому веку был более близким по духу пуританский тип деятельности, чем квакерское культивирование внутренней жизни. В результате всего этого пуританство возрастало, а квакерство ослабевало, хотя в начале колониальных времен в Америке квакерство было на ведущих позициях. В восемнадцатом веке квакеры использовали свою энергию в основном для удержания тех позиций, которые они уже приобрели, а в девятнадцатом их значительная часть оставила свои стремления и удовлетворилась образом жизни и типом богослужения, близкими к протестантизму.

Но в середине XX века открывается уже иная картина. Люди начинают осознавать, что одна лишь активность никуда их не приведет. Большая ее часть похожа скорее на судорожные эпилептические припадки, чем на путь в направлении определенной цели. Лозунгом дня является движение и еще больше движения, все быстрее и быстрее, но мало говорится о том, куда это движение нас ведет. Бесчисленные технические новинки делают нашу жизнь проще физически, но не делают ее более значимой. Появилось множество книг, оплакивающих упадок нашей западной культуры. В них мастерски ставится диагноз этого заболевания, но не предлагается никакого лечения.

В науке появилось нечто новое, с помощью чего можно прогнозировать характер и направление будущих изменений; примерно так же, как механика Галилея и Ньютона прогнозировала характерные особенности последних трех столетий. Для многих ученых структура физического мира теперь кажется скорее органичной, чем механистической. Представление о душе, занимавшее столь видное место в науке средневековья, вернулось, хотя и в другой форме. Некоторые ученые, которые пришли на смену философам, задумываются о том, что такие объекты, как атомы, молекулы, клетки и живые организмы, состоят из частей, имеющих настолько сильное внутреннее единство, что как целое они являются чем-то большим, чем сумма частей. В механизме целое эквивалентно сумме частей. В организме часть является тем, что как-то соотносится с целым. В механизме часть неизменна вне зависимости от того, соприкасается она с чем-то или отделена. В результате, когда электрические частицы образуют атомы, атомы образуют молекулы, молекулы образуют клетки, а клетки образуют живые организмы, появляется такая интеграция, когда можно говорить о возникновении чего-то нового, что нельзя обнаружить или же предсказать, наблюдая его части. На каждом уровне существует новый объединяющий фактор, создающий новый тип единства и согласованности. Поэтому невозможно объяснять высшие сущности посредством более низких.

Что является источником этого единства? Сказать, что оно проистекает снизу, значит утверждать, что оно является результатом счастливой случайности. Однако, в этом эволюционном процессе есть один уровень, который мы можем обозреть как изнутри, так и снаружи. Это уровень, на котором мы сами находимся. По нашим собственным внутренним ощущениям, явленным в наших ярчайших озарениях, интеграция человека и интеграция общества связаны с силой, которая нисходит вниз от надчеловеческой Жизни вне нас самих. Человек, чья личность оказалась разделенной, что позволяет ему делать необычайное, становится объединенным, и в то же время Внутренний Свет возносит его на более высокий уровень. Вот как это чувствуется. Такие чувства сродни чувствам астронома, который отслеживает траекторию кометы и обнаруживает, что она летит из-за пределов Солнечной системы. Разделенные, разрозненные группы объединяются божественной Силой свыше, как это часто видно в истории религии – от древнейших времен до наших дней. Наверно можно сказать, что вершиной эволюционного процесса все возрастающих типов интеграции является Церковь – сообщество, душа которого есть Вечный Христос, Слово Божие, создающее, как говорит Иоанн, мир и производящее в нем единение (Ин. 17:21). Процесс, которым квакерское собрание приходит в единство, возможно типичен для всего того эволюционного процесса, которым созидает Бог. Эта эволюция движима не конкуренцией, а сотрудничеством.

Но все эти теоретические рассуждения не разъясняют нам великие истины нашей религии. Мы не можем поклоняться безличной Объединяющей Движущей Силе, хотя и полезно знать, что таковая существует. Новая наука, однако, открывает перед нами вселенную, более соответствующую религии внутреннего, мистического типа, а не тот мир, где все объясняется в основном с точки зрения механики, и где присутствуют лишь внешние, измеряемые величины. Возможно, эта новая наука показывает колебание лишь нескольких соломинок, благодаря чему видно направление ветра. Скажем, в теории относительности исчезло действие на расстоянии, характерная черта ньютоновской механики. Этим можно

прогнозировать исчезновение доктрины того, что Бог действует на человека только извне. Принцип неопределенности в физике может предвещать исчезновение такой религии, которая все еще сохраняет в той или иной форме учение о предопределении. Есть гипотеза о том, что Сила, которая создает органичное единство на всех этапах эволюционного процесса – от атомов до Вселенской Церкви, приходит сверху. Эта гипотеза ведет непосредственно к понятию Света Христа как источнику единства. Слова Павла «Он есть прежде всего, и все Им стоит» (Кол. 1:17) могут оказаться не только религиозным озарением, но и научной гипотезой.

Какие бы позитивные моменты и поддержку мы ни извлекали из такого рода современной науки и философии – притом, что слишком рано наверняка знать, куда она нас ведет – факт остается фактом, что неспособность найти счастье и безопасность во внешнем мире будут заставлять некоторых людей искать помощь внутри себя. Несостоятельность как материализма, так и гуманизма направят некоторых людей к поиску того, что превыше того и другого. Учение о неизбежности прогресса через научные знания, которое господствовало в научной мысли девятнадцатого века, больше не выдерживает критики. Наука – не мессия, который приведет в Царство Божье. Инженеры и ученые не являются, как предполагал Герберт Уэллс, нашими провидцами и пророками. Материальный мир естествознания не может удовлетворить требования человеческого духа. Пока современный человек не научится обращать внимание на внутренний мир, больше опираться на Внутреннюю Жизнь, его будет губить та самая окружающая среда, которую он сконструировал.

Возможно, мы движемся по спирали истории и находимся на витке, который приближает нас к точке, напоминающей тот период средневекового мира, когда он развивался вместе с весенним цветением европейской культуры, период существования во многих чертах первичной природы религии, получившей в наследство, хотя и через католическую церковь, богатства греческой и древнеиудейской мысли. Феодалная система того времени породила тесно взаимосвязанную жизнь сообществ, но на низком, доиндивидуальном уровне. Сегодня распад старых форм групповой жизни и постепенная атомизация структуры нашего общества, особенно в городах, ведут к уничтожению того, что устарело, и к развитию человека как уникальной, свободной личности. Но многие остаются недовольными. Индивидуалистическая религия не оставляет места для духа, а религия, которая проповедует вечную борьбу, не предлагает мир и безопасность. Как результат, нервное напряжение пронизывает всю жизнь человека. Потребности одинокой, незащищенной личности стали удовлетворять различные клубы и другого рода организации. Они помогают человеку частично, не всей его природе. Необходим тип групповой жизни, которая создает социальные отношения на всех трех уровнях – духовном, интеллектуальном и экономическом, или, как мы их называли, надчеловеческом, человеческом и ниже нечеловеческого. Это имело место в средние века благодаря всеохватывающей Церкви, но мы не можем вернуться к старым, архаичным моделям. Завоевав свободу и индивидуальность, мы должны сосредоточить нашу жизнь на надчеловеческом.

Наши нынешние религиозные организации в той или иной степени удовлетворяют потребности в духовном развитии, важнейшем элементе этих самых значимых и наиболее подходящих для данной цели типов коллектива. Но как уже отмечалось, этот самый высокий уровень имеет как внутреннюю, так и внешнюю стороны; он является и мистическим, и евангелическим. Большинство современных религиозных организаций более полно удовлетворяют потребности, относящиеся к внешней, или евангелической, стороне, чем потребности, относящиеся к внутренней, или мистической, стороне, хотя никогда полностью ими не пренебрегают. Однако сегодня христианская церковь, как бы ее ни определять, в общем является группой, спланивающейся общей верой и общим способом богослужения. Форма богослужения обычно не предусматривает опору на Священное Присутствие среди участников, объединяющее группу изнутри. Современные веяния в протестантской теологии возвращаются к старому протестантизму с его сосредоточением исключительно на Евангелии.

Литургические тенденции в публичном богослужении указывают на возрождение элементов из еще более древнего, допротестантского и даже дохристианского ритуала. Хотя наблюдается широкий интерес к мистицизму, он, за некоторыми важными исключениями, в основном носит академический и исторический характер. Изучается мистицизм средневековых святых и мистицизм индуистской веданты. В какой-то мере заметно возрождение интереса к ним. Но они с большим трудом вписываются в нашу современную западную жизнь. Хотя из них можно многое почерпнуть, но духовные упражнения нельзя перенести из одной культуры в другую во всей полноте.

Если человек не сможет развить свой внутренний потенциал, выстроив плотину, которая защищала бы его от наводнений внешнего мира, его поглотит мир природы, и он погрузится обратно к уровню ниже человеческого, откуда он когда-то давным-давно появился. Его протестантские индивидуальность и свобода, завоеванные через огромные жертвы в течение последних трех столетий, с увеличением доминирования государства и военной верхушки теряются. В свободном обществе, желающем управлять миром природы, протестантизм продемонстрировал способность служить религией быстро развивающейся научной и индустриальной культуры. В настоящее время эта культура движется в сторону упадка, потому что человек в попытке научиться контролировать внешний мир пренебрегает своим собственным внутренним миром. Новая, активная материалистическая философия витает поблизости в готовности пробиться и заполнить собой вакуум, созданный при отходе Святого Духа. Когда человек не руководствуется божественным Духом внутри себя, он во избежание хаоса должен прибегнуть к контролю со стороны. Постепенно мы подходим к моменту, когда нам нужно будет сделать выбор между тоталитаризмом на основе контроля человека человеком и религией, выстроенной на объединяющей силе Святого Духа.

Вполне вероятно, что множество людей сразу же выберут второй вариант. Некоторые будут пытаться спасти общество в целом. Другие в отчаянии при спасении корабля ринутся к спасательным шлюпкам, высадутся на другом берегу и построят еще один корабль государства. Так происходило в период упадка греко-римского мира, когда небольшие общины христиан избрали совершенно новый образ жизни. Это может случиться снова. Может оказаться так, что эти небольшие группы вырастут до крупных общин и придадут растущей культуре нового мира свои характерные черты. Такие новаторские сообщества не обязательно будут называться квакерами, но их религия будет напоминать религию Общества Друзей, и они смогут научиться чему-либо из тех неудач и достижений, которыми изобилвала трехсотлетняя история квакеров.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Вопросы» Филадельфийского собрания, 1955 г.

I. Собрание для богослужения и решения деловых вопросов

1. *Религиозные собрания*

Проводятся ли ваши собрания для богослужения и решения деловых вопросов в терпеливом ожидании божественного водительства?

Есть ли на них место живому молчанию, в котором вы чувствуете себя сплоченными Божьей силой, присутствующей среди вас?

Несут ли ваши собрания свидетельство того, что Друзья приходят на них с сердцами и умами, подготовленными для богослужения?

Являются ли ваши собрания источником силы и водительства для повседневной христианской жизни?

2. Служение

Происходит ли устное служение на ваших собраниях при прямом водительстве Святого Духа, без предварительной подготовки, в простоте и искренности Истины?

Лелеете ли вы проявление и рост духовных даров у ваших членов?

3. Участие в собрании

Регулярно ли и вовремя ваши члены посещают собрания?

Как много приходит на ваши молитвенные собрания людей, не являющихся членами? Тепло ли их принимают и поощряют ли приходиться снова?

Проводятся ли ваши деловые собрания в духе любви, понимания и терпимости? Ищете ли вы правильную направленность своих действий в смиренном подчинении власти Истины и терпеливом поиске единства?

II. ЗАБОТА ДРУЗЕЙ ДРУГ О ДРУГЕ

4. Единство внутри собрания

Поддерживается ли среди вас любовь и единство?

Проявляете ли вы дух прощения и заботу о добром имени других людей?

Когда возникают разногласия, прилагаете ли вы усилия для их скорейшего урегулирования в духе кротости и любви?

5. Образование

Относятся ли в вашем собрании к детям с любовью и заботой? Окружены ли они таким вниманием, которое способствует развитию их религиозной жизни?

Какие усилия вы предпринимаете для преподавания всем вашим членам знаний о Библии и христианстве, об истории и принципах Друзей?

Поддерживаете ли вы школы для обучения вашей молодежи под присмотром христианских учителей, благосклонно относящихся к принципам Друзей – школы, находящиеся в ведении комитетов собрания?

Поощряете ли вы членов отправлять своих детей в школы Друзей, и предоставляете ли вы финансовую помощь, которая может для этого понадобиться?

6. Наблюдение за членством

Что делается для сплочения членов в духе товарищества?

Поддерживает ли собрание контакты – путем встреч либо по переписке – со всеми своими членами?

Оказывается ли поддержка материально нуждающимся Друзьям, как того требуют их обстоятельства?

Проводите ли вы беседы с теми, чье поведение или образ жизни дают основания для беспокойства?

III. ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ВНЕ СОБРАНИЙ

7. Социальные и экономические отношения

Что вы делаете лично или как собрание:

- для помощи материально нуждающимся?
- для поощрения полного отказа от алкоголя и устранения причин злоупотребления спиртным?
- для обеспечения равных возможностей в социальной и экономической жизни для тех, кто страдает от дискриминации по признаку расы, вероисповедания или социального класса?
- для создания социально-экономической системы, которая позволит поддержать и обогатить жизнь для всех?

8. Гражданская ответственность

Что вы делаете лично или как собрание:

- для осознания и устранения причин войны и развития условий и институтов, способствующих поддержанию мира?
- для внесения своего вклада в управление вашим местным сообществом, штатом и страной, для обеспечения свободы слова и религии и равных образовательных возможностей для всех?

9. Распространение нашего послания

Что вы делаете лично или как собрание:

- для передачи другим людям послания Друзей и для сотрудничества с другими людьми в деле распространения христианского послания?

IV. ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

10. Дом

Оставляете ли вы в вашей повседневной жизни место для внутреннего уединения и общения с Божественным Духом?

Является ли ваш дом местом, где можно найти дружбу, мир и духовный покой? Регулярно ли вы проводите семейные богослужения?

Часто ли и с почтением вы читаете Библию и другую религиозную литературу?

Выбираете ли вы те виды отдыха, которые позволяют укреплять физическую, психическую и духовную жизнь? Избегаете ли те, что могут оказаться помехой для вас и других?

11. *Самодисциплина*

Соблюдаете ли вы простоту и умеренность в своей речи, своем образе жизни и своей профессиональной деятельности?

Внимательно ли вы следите за тем, чтобы ваша профессиональная деятельность и разного рода внешние интересы не поглощали время и энергию, которые следует расходовать на духовный рост и служение во благо вашего религиозного общества?

Аккуратны ли вы в выполнении своих обещаний, возвращении долгов, честны ли во всех ваших делах?

Избегаете ли вы приносить судебные клятвы, делать ставки и играть в азартные игры и участвовать в прочих азартных мероприятиях?

Избегаете ли вы употреблять и хранить одурманивающие вещества и наркотики?

Берете ли вы на себя правильную долю ответственности в деятельности и служении во благо Собрания?

12. *Братство людей*

Живете ли вы согласно добродетели той жизни и силы, которая устраняет причины всех войн? Стремитесь ли вы принимать участие в служении примирения между отдельными людьми, группами и народами? Верны ли вы нашему свидетельству против военного обучения и других видов подготовки и участия в войне, как противоречащих духу и учению Христа?

Во всех взаимоотношениях с другими людьми относитесь ли вы к ним как к братьям и равным себе?